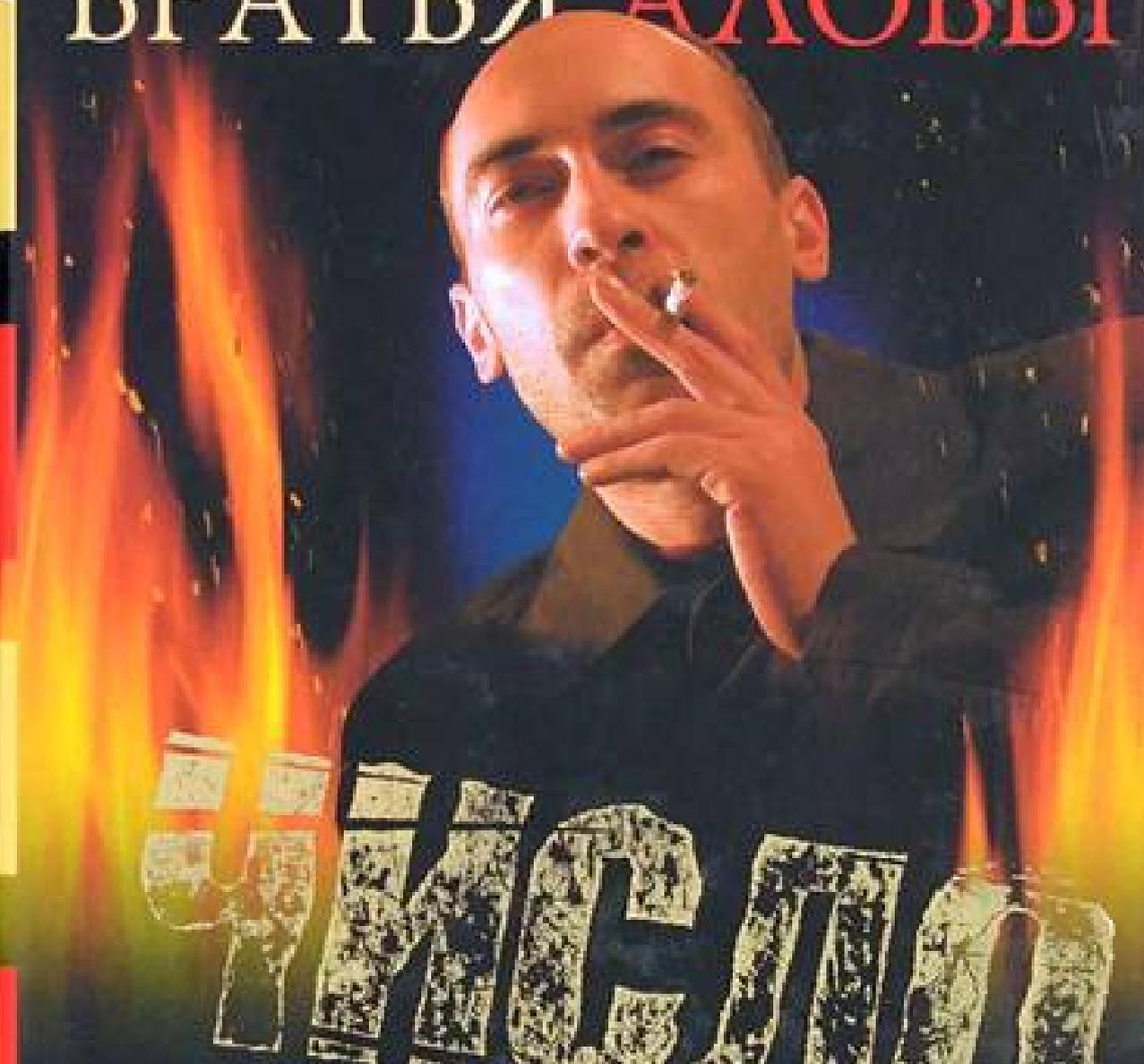

ОПЕР КРЮК

БРАТЯ АЛОВЫ

МISLE

ЗВЕРЯ

ОЛМА - ПРЕСС

Константин Алов
Сергей Алов
Братья Аловы

Число зверя
(Опер Крюк #1)

Содержание

Пролог.....	0005
Часть первая В паутине.....	0008
1.....	0008
2.....	0012
3.....	0015
4.....	0020
5.....	0026
6.....	0031
8.....	0044
9.....	0049
10.....	0054
11.....	0063
12.....	0067
13.....	0072
14.....	0078
15.....	0080
16.....	0091
Часть вторая Финансовый армагеддон.....	0095
17.....	0095
18.....	0110
19.....	0113
20.....	0118
21.....	0121
22.....	0128
23.....	0131
Часть третья Да будет завтра.....	0135
24.....	0135
25.....	0139
26.....	0143
27.....	0147
28.....	0150
29.....	0155
30.....	0160
Часть четвертая Обыкновенное чудо.....	0163
31.....	0163
32.....	0167
33.....	0172
34.....	0175
35.....	0179
36.....	0183

Братья Аловы

Число зверя

Пролог

Хмурый ненастный день медленно умирал. Парк Боженково на южной окраине Москвы выглядел по-осеннему угрюмо и безлюдно. Погода не располагала к прогулкам. Но ни дождь, ни порывы холодного ветра, казалось, несколько не пугали молодую пару — девушку лет двадцати и парня немногим постарше.

Они медленно и осторожно поднимались по глинистому, поросшему огромными старыми елями и липами откосу. Внизу свинцово темнели воды пруда. Под резкими порывами ветра деревья пытались шуметь остатками мокрой листвы. Смеркалось по-осеннему рано.

Подъем закончился. Прямо перед ними темнела громада полуразрушенной псевдо-средневековой башни с зарешеченными бойницами. Вокруг не было ни души. Сумерки сгущались, промозглый сырой ветер задувал все сильнее. Пронзительно каркнула и, снявшись с ветки, едва не задев их головы, тяжело пролетела ворона.

— Кошмар, — по достоинству оценила обстановку девушка. — Слушай, зачем ты меня сюда привел? Здесь действительно жутко, едем лучше домой! Хочу кофе с коньяком или горячего глинтвейна. Глубокое кресло, шерстяные носки и детектив пострашнее.

— Детектив можешь получить прямо сейчас, — обрадовал подругу молодой человек.

Он придал своему лицу загробно-мрачное выражение, подвел девушку к руинам башни и указал на большое черное пятно на темных камнях.

— Видишь? Это кровь. Здесь убивал свои жертвы кровожадный потрошитель. Ты, наверно, про него слышала. Журналисты его называли Мясником. Почему-то это место ему особенно нравилось, именно здесь он и нападал. Первым он убил одного парня. Кого — неизвестно. Тело до сих пор опознать не можем. Потом тут же, практически рядом, еще трех человек. Эти все здешние, гуляли и... А еще говорят, что прогулки в парке продлевают жизнь.

— Из-за чего он их убивал? — Обстановка сделала свое дело, девушке уже давно стало страшно. — Из-за денег?

— Загадка следствия. Тела не были ограблены, между убитыми не установлено никакой связи. Все — случайные посетители парка. А раскромсал он их, словно всю жизнь ненавидел. За это его и прозвали Мясником. Псих, не иначе. Одного мужика распахал как на вскрытии — отсюда и досюда. — Молодой человек провел пальцем от кадыка до того места, где кончался его живот и начинались ноги.

— Прекрати! — Девушка хлопнула его по руке. — На себе нельзя показывать, примета плохая!

Молодой человек пожал плечами и подвел спутницу к старой, почерневшей от времени липе. Здесь он продолжил лекцию:

— Под этим деревом он убил сразу двоих. Мужчину и женщину. Буквально на куски накромсал. Видела бы ты его нож! Сантиметров тридцать длиной, острый как бритва, а по обуху пила. Нашего производства ножичек, между прочим, отечественного. Он так и называется — «Потрошитель». Рэмбо и Шварц со своими «Джангл кингами» отдыхают. И татуировка у Мясника была интересная на левом плече. Оскаленный череп с крылышками и буквы: «ОШ-

БОН-КУРГАЙ».

— Откуда ты все это знаешь? Вы его арестовали?

— Вроде того...

— А разве ты теперь раскрываешь серийные убийства? — удивленно спросила девушка.

— Нет, конечно, — снисходительно улыбнулся парень. — Вообще-то мы «душманы». Наша специализация — борьба с наркотой. Но мой непосредственный шеф, Крюков, настоящий охотник на маньяков. Он на этом деле задвинутый. Потрошители — его хобби. Он их коллекционирует, как другие собирают марки. Или доллары.

— И много наловил?

— Насильников и прочих мелких извращенцев — немерено. А потрошителей пока только четверо, включая Мясника. Крюков прикинул, что Мясник не просто маньяк, а крепко сидит на игле. Через это дело на него и вышли. А где-то здесь у наркоторгашей, похоже, нычка имеется. Типа тайничка. Но его пока так и не нашли. В этом деле вообще многое еще не до конца ясно. Если бы я его раскрутил...

Но спутница, похоже, не разделяла его служебного рвения.

— Так ты сюда работать приперся? Тайники дурацкие искать? Да еще меня за компанию притащил в это кошмарное место? — возмутилась она.

— Не обижайся. — На лице молодого человека было написано такое уныние, что сердиться на него было невозможно. — В моей группе по возрасту из троих двое моложе меня. А по опыту работы выходит, что самый молодой — я. Салабон, одним словом.

— Это они тебе так говорят?

— Нет, просто они меня опекают как малолетнего детсадовца. Знаешь, иногда я думаю, что лучше бы надо мной смеялись. Я себя каким-то инвалидом-иждивенцем чувствую. Меня в лучшую группу сунули, а я в ней как балласт-тяжеловес. Для меня их снисходительность иногда хуже пощечины. Поэтому для меня найти склад Мясника — вопрос жизни и смерти.

Девушка вздохнула:

— Про таких, как ты, раньше говорили: «Он снедаем гордыней». Что ж с тобой делать? Давай искать твой клад, пока твоя гордыня тебя совсем не доседала. А нам здесь болтаться не опасно?

— О чем ты, конечно, нет! После нашей зачистки здесь наступила тишь-благодать. Место повышенной безопасности. Считаю, что мы с тобой гуляем по музею боевой славы. А я типа экскурсовода.

Молодой человек гордо приосанился. Он был вооружен табельным пистолетом, и это обстоятельство немало прибавляло ему уверенности в своих силах.

— Значит, вы этого Мясника арестовали? — несколько успокоившись, повторила свой вопрос девушка.

— Нет. — Лицо молодого человека непроизвольно расплылось в улыбке. — Крюков велел мне написать в рапорте, что маньяк был «растерзан толпой возмущенных очевидцев».

— Здесь? Толпа очевидцев? Откуда? — Девушка в недоумении оглянулась. Кроме них двоих в парке по-прежнему не было ни души.

— Ладно, не придирайся к словам. Самое главное — одним уродом на земле

стало меньше. И без всяких процессуальных формальностей, как говорит Крюков. Так что Мясник теперь в аду чистосердечное признание пишет. Хотя... — В голосе молодого человека послышалась неуверенность.

— Что?

— Знаешь, когда его подстрелили, он не сразу умер. И очень тихо так, я один слышал, сказал, что еще вернется. Что он вроде как бессмертный. Ну и подох. Я ребятам рассказал, но они, ясное дело, только посмеялись. Чепуха, конечно, дурацкое суеверие. Слушай, под пятницу, говорят, сны сбываются. Мне сегодня как раз Мясник приснился. Представляешь? Выходит из-за дерева со своим длинным ножом и заявляет: «Привет, я вернулся»!

— Прекрати немедленно, мне страшно! — Девушка невольно посмотрела в сторону старой липы и вдруг тихо вскрикнула. Из-за толстого ствола дерева выступила фигура мужчины в длинном плаще. В опущенной руке он сжимал громадный нож, усеянный по обуху зубьями.

— Привет, я вернулся, — сказал он.

Молодой человек лихорадочно задергал молнию куртки. Его пистолет находился в наплечной кобуре. Он понимал, что уже не успеет его достать...

Вдоль высокого забора, отделявшего парк Боженково от воинской части, спотыкаясь, торопливо шел высокий моложавый человек в длинном плаще. Дойдя до железных ворот с красной звездой, он свернул в проходную КПП.

— Товарищ полковник? Вы? — не сразу узнал его дежурный. — В гражданском прикиде и без машины?

— Моя вчера сломалась, пришлось у компьютерщиков одолжить, которых от «Ипсилона» прикомандировали, у Антона. И эта рухлядь накрылась.

Молодой полковник показал себе за спину, где посреди раскисшей дороги стояли синие ржавые «Жигули» — «копейка».

Дежурный хотел было что-то возразить, но вдруг заметил свежее красное пятно на манжете рубашки полковника:

— У вас кровь на рукаве, — указал он.

— Где? — Полковник поморщился. — А, это я в мотор лазил, порезался. Майор Особняк на месте?

— Только что уехал.

— Я буду у себя, — сказал полковник дежурному.

В штабе, в своем кабинете, за двойными дверями и толстыми, сложенными руками добросовестных немцев-военнопленных, стенами, экранированными от прослушивания медной сеткой, полковник смог, наконец, взять трубку защищенного скремблером телефона и набрал номер.

— Алло, Риф? Это полковник Павлов. Мне конец!

Часть первая В паутине

1

«А-я-я-яй убили негра, убили! — из колонок в салоне припаркованной неподалеку от метро «шестерки» лилась зажигательная песня. — А-я-я-яй ни за что, ни про что! Суки, замочили!»

Лирическими звуками наслаждались четверо коротко стриженных крепышей в кожаных куртках. При их габаритах можно было только гадать, как они поместились в тесных «Жигулях». Несмотря на хмурую осеннюю пору, все четверо были в темных очках. Их челюсти перемалывали «стиморол без сахара» в такт зажигательной мелодии.

Из-за угла дома показались двое чернокожих парней. По тому, как они озирались, можно было догадаться — ребята нездешние, прибыли издалека. Может, даже из Африки.

— Ну что, разомнемся? — спросил старший.

— Нет проблем!

И все четверо слаженно десантировались из уютного салона в промозглый холод улицы. Они, как будто не спеша, но быстро, направились к неграм и взяли их в полукольцо.

— Джамбо, брат! — окликнул один из крепышей по кличке Пан. — Куда так торопишься? Сделай паузу, скушай «Твикс»!

И резко провел удар правой в голову. Но негр неожиданно уклонился, сделал полуразворот и ногой вырубил крепыша-водителя, который находился у него за спиной. Тот, естественно, был не готов, пропустил удар и отлетел к забору автостоянки.

— Проснись, блин, замерзнешь! Чего зеваешь? — с негодованием воскликнул Пан.

И сам получил нокаутирующую «мавашку» в голову откуда не ждал, от второго. Двое оставшихся крепышей на миг растерялись — то ли врагов бить, то ли своих поднимать, и оба негра рванули за ближайший угол, оставив преследователям в добычу свои сумки.

Но на соседней улице их ждал неприятный сюрприз. Из затормозившей «Волги» выкатился двухметровый гигант в бейсболке и рэперском прикиде «из-под пятницы суббота» — подол его рубашки свисал снизу из-под куртки едва ли не до самых колен. Он тормознул первого беглеца ударом растопыренной ладони в и без того бесформенный нос.

Второй негр снова среагировал моментально и ударил гиганта ногой в прыжке. Но удар не дошел. Из-за спины гиганта появился шустрый тип и боковым ударом расплющил негру колено бьющей ноги. Черные парни рухнули на асфальт. Один схватился за лицо, другой за ногу.

— Однажды утром рано лежат как два банана, — прокомментировал шустрый.

— Ты чего, Крюк, какое, на хрен, утро? — удивился гигант.

— А какие это тебе, на хрен, бананы? — возразил шустрый. — Давай, Птенчик, поднимай клиентов и зачитай им их права.

— О'кей, командир, — кивнул гигант и продекламировал:

— Вы имеете право пройти с нами в ближайшее отделение милиции и чистосердечно признаться в совершенных вами преступлениях. Если вы этим правом не воспользуетесь, то получите право остаться без зубов и без почек. Хау, мои черные братья, я все сказал! Добавить?

— Не иметь права! — заявил тот, что держался за ногу. — Мы требовать адвокат и переводчик!

— Вам повезло, я адвокат, — сообщил шустрый тип. — А вот и переводчик идет. Знаток греческого и латыни. Эй, Грека, тут кое-кому перевести надо. С Армянского на Ваганьковское.

К ним подошел парень помоложе с невинным лицом античного младенца.

— Я ничего не пропустил? — поинтересовался он.

— Успел в самый раз, — сообщил ему Птенчик. — А вообще у тебя как у того солдата — как в атаку идти, так тебя срать разбирает.

— Это у меня на нервной почве. Слушай, Крюк, — обратился Грека к шустрому типу. — По рации сообщили, что в квартале отсюда снова малолетку изнасиловали. Может, раскроем по горячим следам? Клиенты под рукой, ходить никуда не надо.

— Слышали, горячие черные парни? — Шустрый защелкнул наручники на запястьях пленных. — Так вот, я капитан Крюков из управления расизма и расовой дискриминации, подотдел пыток и расстрелов. Можете обращаться ко мне «масса капитан» или просто «товарищ сахиб». Предлагаю вам — либо вы колетесь на свою наркоту, либо мы вам навесим изнасилование и до отделения милиции вы вряд ли дойдете. Песню «Убили негра» слышали? Она сейчас очень популярна в народе. Вам перевести или уже сообразили?

Вокруг них потихоньку стали собираться зеваки. Некоторые мужики, особенно поддатые, уже проявляли понятное нетерпение.

— Эй, братва, а случайно не эти черномазые в четвертом доме девчонку изнасиловали? — поинтересовался кто-то. — Может, их линчевать?

Толпа с энтузиазмом откликнулась радостным гулом. Задержанные тут же поспешно поднялись и выразили полную готовность оказать помощь следствию.

— Спокойно, граждане, — успокоил собравшихся Крюков. — Это не насильники. Они — честные наркоторговцы.

Задержанных доставили в комнату милиции при метро. Здесь, в безопасности, они снова попытались закосить под дураков.

— Я не понимаю, требовать переводчик, — заявил один.

— И адвокат, — поддержал его товарищ. — Требовать все по закону.

— Хорошо, — согласился Крюков. — Птенчик, организуй кабинет психологической разгрузки. А ты, Грека, — обратился он к самому молодому члену группы, — принеси из машины следственный чемодан. Пусть все будет по закону. Я тоже люблю закон, потому что закон здесь — я!

Птенчик моментально пристегнул обоих пленников наручниками к батарее отопления. Шурик вернулся через пару минут с большим и старым, как у Жванецкого, портфелем. Крюков открыл его и стал любовно раскладывать перед задержанными его содержимое.

Из портфеля один за другим появлялись предметы, способные укрепить память лучше лошадиной дозы фосфора и расположить к откровенности самого

закоренелого лжеца. Здесь был огромный шприц с толстой как штык иглой, две пары зубо-врачебных щипцов, маленький коловорот, большой прозекторский скальпель, пинцет длиной в руку, электрошокер и моток широкого лейкопластыря. Задержанные в страхе скосили глаза на его приготовления.

Милицейский сержант, любезно предоставивший команде Крюкова комнату милиции, заерзал в своем углу и поднялся.

— Ну, я пойду пройду по платформе, — сказал он. — Когда закончите, хлопните дверь.

И поспешно вышел. Крюков пощелкал разрядником. Между контактами с треском проскочили голубые молнии. Он протянул электрошокер Греке.

— Запомни, — тоном наставника произнес Крюков, — включаешь, когда проходит поезд. Тогда и рты заклеивать не придется. Пусть орут, все равно никто не услышит. А то у нас этот пластырь последний.

В подтверждение его указания рядом за стеной загремел поезд метро. В комнате все затряслось. Грека подумал и заорал во все горло. Его крик утонул в водопаде грохота.

— Порядок, — удовлетворенно кивнул он. — Слышимость — как в мешке ваты пернуть. Приступаем к исповеди? Цигель ай-люлю! Время! Сейчас как раз поезд в обратную сторону пойдет.

И он, хищно облизываясь, защелкал голубыми молниями.

Крюков обратился к задержанным. Из черных оба сделались пепельно-серыми. Наверно, так негры бледнеют.

— Вы официально предупреждаетесь об ответственности за дачу ложных показаний, — грозно прорычал Крюков. — За каждый неправильный ответ — удар током. За каждый правильный — банан. Ток сразу, бананы потом. Имейте в виду — этого парня выгнали из КГБ за жестокость. Вопросы есть? Или что непонятно? Обратите внимание — это уже первый вопрос.

Негры лихорадочно закрутили головами:

— Все понятно! Мы все отвечать правильно!

Крюков порылся в их карманах и извлек оттуда документы.

— Так, Птенчик, пиши рапорт. Докладываю, что в результате длительной оперативной разработки нашей группой в составе... задержаны... оставь место — дату и время мы потом впишем... граждане Федеративной Республики Нигерия. Джон Оматосо и Якубу Азикиве. Морпехи из охраны посольства вышеназванной республики Нигерия. Птенчик, ты знаешь, где их посольство находится? В особняке Суворова. Бедный Александр Василич, мог ли он предположить, что над его домом будет развеваться зеленое знамя Магомета! Старик, поди, в гробу вертится. Записал?

— Дописываю: «...в гробу вертится». Готово! Шучу, начальник. Так что мы им инкриминируем?

— Больше так не шути, а то шутильник потеряешь. Валяй дальше. Задержаны при доставке наркотиков, чего же еще. Эй, Джон и Якубу! Где товар? Напоминаю: говорить правда — много вкусный банан. Не говорить — очень больно Джону и очень больно Якубе. Понимать меня, Джон и Якубу?

— Понимать, — закивали оба. — Товар здесь. — Они похлопали себя по животам.

— Окей, Джон и Якубу. Вижу, что вы твердо стали на путь исправления. Разум и доброта — вот смысл жизни. Не люблю я этих пыток и расстрелов.

Негра — она ведь тоже человек. — Крюков потрепал Якубу по курчавой голове. — Хоть и арапского звания, как сказал бы мой друг Роберт Мерфи. Птенчик, помнишь его? Такой здоровый черный фэбээровец. По обмену опытом приезжал. Сколько же мы с ним этим опытом наменялись, сколько водки выжирали! А теперь главное. Говорить, Якубу: к кому вы несли товар?

Негр поспешно затараторил:

— Нас должен встретить Пусир. Он — человек Касьянофф. Но он не прийти. Мы его искать, но на нас напали скиннер, бритоголовый. Отняли сумки с теплыми вещами. А у вас скоро зима. Холодно.

— Не бойсь, теплые вещи вам в тюрьме выдадут, — успокоил Грека.

— Пузырь? — Крюков задумался. — Это брательник Касьяна? За товаром не дошел, а по соседству кого-то изнасиловали. То есть налицо полное алиби наоборот. Выходит, он «два-двадцать четыре»* на «стосемнашку»** махнул? Это на него похоже. Вот Касьян порадует! А что нам говорит метод дедукции?

— На хрена нам дедукция? — проворчал Птенчик. — Все и так давно знают, что Пузырь малолеток в лифтах трахает. Если бы не Касьян, ему бы свои ребята давно горячий кол в очко загнали.

— А что у нас новенького по Касьяну? — спросил Крюков второго помощника. — Давно что-то его группировка в криминальной хронике не фигурировала.

— У него серьезные терки с «РИФом» из-за какого-то банка, — сообщил Грека. — «РИФ» — фирма серьезная. Легальные крышевики. Хоть и называется частным охранным предприятием, а пашут там суперпрофессионалы. Половине Москвы крышу держат.

— Блин, ведь мы же могли сегодня и Пузырю хомут подвесить, причем по двум статьям сразу! — искренне расстроился Крюков. — Может, и на Касьяна поймали бы зацепку. Какого хрена мы тут втроем за всех отдуваемся? Где группа Панченко? Где наш стажер?

Дверь комнаты милиции распахнулась, и в нее вошли четыре крепыша — «скиннера» во главе с Паном. Двое тащили сумки негров.

— А вот и комиссар Мегрэ со своими воробушками. Легки на помине, — по приветствовал их Крюков. — Слышь, Панченко, у меня тут имеется заявление от двух граждан братской Нигерии о том, что четверо неизвестных похитили у них две сумки с носильными вещами. Не их ли я вижу? И не стыдно? Офицеры милиции опустили до уличного грабежа! Можете написать чистосердечное признание. Поздравь меня, я раскрыл грабеж по горячим следам — сто сорок пятая, тьфу, никак не привыкну, сто шестьдесят первая, часть вторая, пункты «а» и «г». Лишняя палка в отчетности к концу года моей группе не повредит. А вам мы передачи носить будем. От трех до семи лет каждое воскресенье.

— Я этих братских граждан сейчас по стене размажу! — Панченко снял темные очки и продемонстрировал миру синяк под левым глазом.

— Щ-щас, раскатал свои срамные губки! — остановил его Крюков. — Я никому не позволяю избивать пленных в моем присутствии. Я делаю это исключительно сам. А ты смотри, на кого прыгаешь. Эти ребята в своем нигерийском спецназе служили. К тому же это моя добыча. Налови себе негров и бей сколько влезет. А то как работать — так никого, а на готовое — как хохлы на сало. Сейчас наверняка и Леха подгребет. Не видели там нигде нашего стаже-

ра? У него вчера выходной был. Перебрал, поди.

— Не подгребет твой стажер. Убили его. — Панченко присел на край стола и закурил. — Я в контору отзванивался, мне Абрамыч сказал. Тебя Женька Шабанов из убойного отдела ищет. Похоже, снова Мясник поработал.

— Как это Мясник? — не понял Крюков.

Птенчик с Грекой также застыли в изумлении:

— Как это Мясник? Мы же его...

— Леха в Боженковском парке крутился, на том самом месте. С подружкой. Там их и порезали. Леху насмерть, а она жива. Только после «Склифа» ее, похоже, в «Кащенко» придется отправлять. Крыша напрочь потекла. Все про Мясника толкует, — хмуро поведал Панченко и предложил Крюкову: — Ладно, давай договоримся: ты нас в палку вписываешь, а мы твоих негров документируем.

Документировать преступную деятельность Джона Омотосо и Якубу Азикиве означало промывать им желудки и искать в их экскрементах, а проще говоря — говне, черные пластиковые капсулы с героином. Крюков быстро согласился на такое разделение труда, предложенное коллегой, поднял свою группу и помчался в контору выяснять подробности убийства стажера.

2

Уцелевшие стекла пятиэтажек были покрыты толстым слоем пыли и грязи. Жилой когда-то район уже давно превратился в промышленную зону, а улица — в проезд между стройплощадкой и комбинатом железобетонных изделий.

На прояснившемся к ночи небе низко стояла бледно-зеленая луна. В ее свете посредине улицы тускло блестело горлышко разбитой бутылки. Серая полоса асфальта была наискось перечерчена изломанной ажурной тенью подъемного крана. В эту лунную ночь в проезде забили стрелку касьяновцы — члены преступной группировки криминального авторитета Касьянова — и сотрудники частного охранного предприятия «РИФ», служившего крышей для многих столичных фирм и банков.

Приехать на стрелку раньше времени — себя не уважать. Опоздать — значит автоматически заработать «баранку» — поражение в правах без права обжалования. Машины противников показали практически одновременно. С одной стороны — темно-синий микроавтобус «шевроле-лумина», на борту которого белела надпись «РИФ». По низкому рокоту форсированного двигателя и толщине приспущенного, сильно затемненного стекла можно было предположить, что машина бронирована.

С другой стороны, рыча шестигоршковым турбодизелем, подкатил черный как окружающая ночь «ниссан-патрол» Касьяновой братвы. Машины замерли друг против друга и некоторое время как бы принюхивались. Наконец их двери открылись, и из каждой вылезли по два человека. По крайней мере, на первый взгляд, они не были вооружены.

Пассажир микроавтобуса с надписью «РИФ» был высок, годами — слегка за тридцать. Его волевое лицо несомненно носило отпечаток интеллекта и лидерства. Эдакий русский интеллигент. Из тех, что в царей стреляли. Интеллигента сопровождал кряжистый, «семь на восемь», боевик, похожий на медведя. Отсутствие оружия в его руках ни о чем не говорило. Такой при желании

смог бы убить и пальцем.

Их противники, ветераны бандитских разборок криминального императора Касьяна, представляли собой типичный продукт возгонки грязи в князи. Оба субъекта находились где-то в середине процесса эволюции.

Высокий интеллигент встретил их презрительной улыбкой на полпути между машинами.

— Гляди-ка, а вот и самые крутые мальчиши-плохиши Москвы и Московской области, — процедил он сквозь зубы, обращаясь к своему медведеподобному напарнику.

Тот занял позицию с хорошим обзором чуть сбоку и сзади, откуда контролировал каждое движение противника. За темными стеклами обеих машин также угадывалось нарастающее напряжение.

— Ты узнал меня? — спросил высокий и интеллигентный рифовец у одного из касьяновских парламентаров. — Тогда подтверди!

— Нет базара, — утвердительно кивнул тот в ответ, потом повернулся к своей машине и крикнул:

— Гадам буду, пацаны, это в натуре Риф!

После этого касьяновец в сдержанной манере, растопырив веером пальцы, обратился к похожему на медведя боевику Рифа и остальным бойцам, скрытым за темными стеклами микроавтобуса:

— Значит, как договорились. Ваш босс — Риф — едет с нами к нашему боссу. За Рифа мы вам оставляем Пузыря. Короче, имейте в виду, — он подтолкнул к ним своего спутника, — этот пацан — Пузырь — брательник самого Касьяна. Ты, Бурый, его признаешь в натуре?

Кряжистый боевик, похожий на медведя, ответным кивком головы подтвердил, что опознал знатную персону. Пузыря знали многие. И практически все, кто знал, свои и чужие, либо презирали его, либо ненавидели. Если бы не родство с самим Касьяном, кукарекать бы ему давно на зоне петухом под нарами и жрать свою баланду из миски с дыркой.

Его напарник-парламентар тем временем продолжал:

— Короче, пока нас не будет, Пузырь останется у вас, типа, заложником. Через час, край — полтора, вашего босса вернем в целостности и сохранности. Но если с Пузыря хоть одна мандавошка упадет, то и пахану вашему, и вам всем, без базара, ливер на улицу выпустим. Типа — организуем вскрытие при жизни. Так Касьян велел передать. Не каждому такая везуха выпадает — со своими печенками и селезенками повидаться. Говорят, когда кишки вылезают, щекотно в натуре...

— Хорош зубы скалить, босявка! — оборвал его Риф. — Все и так поняли. Едем.

Он пересел в «ниссан» касьяновцев, а гаранта-заложника Пузыря погрузили в микроавтобус «шевроле», и машины разъехались.

Рифа зажали на заднем сиденье две богатырские туши. Парламентар касьяновцев сел спереди и положил на колени кейс. Открыл. Внутри тускло блеснула панель скремблера. Он нажал одну из кнопок, в ответ замигала красная лампочка. Парламентар усмехнулся, потом взял трубку мобильного и набрал личный номер Касьяна:

— Але, босс? Мы его везем.

Темно-синий микроавтобус с белой надписью «РИФ» на борту отъехал

немного от места стрелки и свернул в проулок между штабелями железобетонных отходов. Первым из него показался Бурый. При своей массивности двигался он, вроде бы, не спеша, но быстро и ловко. Как медведь. За ним выскочили трое бойцов в черных комбинезонах и вязаных шапках-масках. Они за руки за ноги выволокли таращившего глаза Пузыря. Его рот был заклеен скотчем, а руки скованы наручниками.

Пузыря завалили на бетонную плиту и крепко прижали. Бурый наклонился к его лицу и четко проговорил:

— Слушай внимательно, кусок дерьма. Это твое первое и последнее в жизни интервью. От того, как ты поведешь себя сейчас, будет зависеть очень многое. Или ты будешь мучиться всю оставшуюся жизнь, а это долго — минут пять, а то и шесть. Или испытываешь неземной кайф от передозировки и остаток жизни проведешь в райских наслаждениях. Допрашивать тебя гуманно — с разными скополаминами — нет времени. Так как, поболтаем?

Из-за спины Бурого показался один из его подручных. В одной руке он держал шприц, в другой топор. Пузырь испуганно таращил глаза. Он все еще не мог оценить серьезности ситуации.

— Выбирай, — предложил пленнику Бурый. — Здесь герыча на полштуки баксов. Заснешь и не заметишь, что помер. Удовольствие дорогое, но для хорошего человека ничего не жалко. Ты сейчас говоришь мне, где Касьян встречается с Рифом, и кайфуешь до конца жизни. А если не скажешь, мне придется включить детектор лжи. Вот так...

Бурый взял у помощника топор и одним ударом отхватил Пузырю левую ступню. Тот выкатил глаза и зашелся в неслышном крике.

Бурый критически оглядел дело своих рук и недовольно покачал головой:

— Надо бы ранку прижечь, чтобы инфекция не попала. Зеленку не захватили? Тогда хоть паяльную лампу принесите.

Побелевшими от ужаса глазами Пузырь следил за тем, как Бурый зажег пламя. Когда огонь лизнул обрубок ноги, он снова дико замычал.

— Хочешь что-то сказать? — наклонил голову Бурый. — Только уговор: чур, не обзывать! Имей в виду, в счет идет только информация о том, где твой брат встречается с Рифом. Ну что? Споешь нам? Включите ему звук!

Через пару минут Бурый знал, куда именно люди Касьяна повезли Рифа для встречи со своим боссом, и общий план места их встречи. Он закрыл блокнот и скомандовал помощнику:

— Грузимся, поехали. Свяжись с нашими, пусть срочно выдвигаются в район Боженово...

— Укол!.. Дозу!.. — с трудом прохрипел Пузырь. — Ты обещал...

— Что? Ах, да, конечно. Я про тебя чуть не забыл, — вскользь бросил Бурый и ударом топора перерубил пленнику шею. Презрительно сплюнул и махнул рукой:

— Грязь убрать не забудьте!

Бойцы в черных комбинезонах сноровисто затолкали тело и обрубки под край бетонной плиты, полили их из канистры остро пахнущей тягучей жидкостью и подожгли. Вспыхнуло и забилось яростное пламя.

Микроавтобус мчался по ночным московским улицам. Его скорость перевалила далеко за сотню. Бойцы проверяли оружие, щелкали автоматными магазинами. Все они были вооружены бесшумными автоматами «вал». Бурый то

вынимал наполовину из ножен, то толчком вкладывал обратно длинный, сантиметров в тридцать, боевой нож с пилой по обуху.

— Ты сегодня что-то нервничаешь, — заметил Бурому сидевший рядом помощник.

— Да, что-то очко играет, — неохотно признался тот. — А оно меня еще никогда не подводило. Видно, беду чувствует.

— За Рифа беспокоишься? Зря. Он же не салабон зеленый. Командир, ветеран.

Бурый невесело усмехнулся:

— А что толку? У нас до Рифа командиром был Волкодав. Ты, Сармат, молодой, его не знал, это до тебя было. Он один десятка стоил. А погиб странной и нехорошей смертью. Очень странной. Убили его таким же вот ножом. Талисман у него был — золотой череп с крылышками на цепочке. После смерти пропал этот талисман. Я думаю, убийца его забрал. Может, по нему и найду? У меня все наши старики на подозрении.

— Может, и себя подозреваешь? — уточнил собеседник.

— А что? Я всякого повидал. Бывало у нас и такое, что человек вроде не с похмелья, а где был и что делал, не помнит, — отрезал Бурый. — Вот такой расклад. А Волкодав, между прочим, куда круче Рифа был. Но убийцу его я все равно найду и отомщу страшно. Я тут такое раскопал...

— Подъезжаем, — прервал его водитель.

3

Касьяновцы привезли Рифа в их секретную (как думал сам Касьян) резиденцию. Она располагалась в густом лесном массиве сразу за Московской кольцевой автодорогой. Собственно, окружная дорога и отрезала в свое время старую усадьбу от развалин царского дворца в Боженово. Касьян выкупил ветхие полуразвалившиеся постройки усадьбы буквально за копейки как место несанкционированной свалки с обязательством все расчистить и благоустроить. И благоустроил в соответствии с собственным тонким, как он считал, вкусом.

Рифа подвезли к самому входу в королевски-роскошный, разве что чуть уменьшенный в размерах особняк. Затем выгрузили и проводили сквозь бесконечную анфиладу комнат. Она показалась ему чуть длиннее, чем в Царском-сельском дворце. В роскошном, но безвкусно отделанном светлым деревом кабинете с горящим камином гостя встретил сам хозяин. Они были одногодками, но Касьян выглядел лет на десять старше, обрюзгший, с мутными водянистыми глазами. Казалось, причиной его изможденного вида являются массивные золотые «шайбы» на пальцах и тяжелые, как вериги, цепи на короткой шее.

— Валите все отсюда! — распорядился Касьян.

Охрана с недовольным ворчанием удалилась. Касьян вытащил из наплечной кобуры большой пистолет с изображением змейки, выбитым на кожухе затвора, и помахал им в воздухе:

— Если захочешь рыпаться, то имей в виду — я как раз собираюсь новую игрушку испытать. Мне пацаны вчера «гюрзу» приволокли. Видал такую вольту? Маслята бронебойные, с титановым сердечником. Думаю, даже твой каменный лоб пробьют, не отрикошетят.

Охранники давно протопали по коридору, в кабинете оставались только двое паханов. Но Риф, сидя в кресле, услышал, как в темном углу у него за спиной раздался подозрительный шорох. Значит, Касьян вовсе не был так самонадеян, как хотел казаться?

— Слушай, Касьян, — поинтересовался как бы между прочим Риф. — Я слышал, что Мясник на тебя работает. Учти, с ментами шутки плохо кончаются, он же в федеральный розыск объявлен.

— А ты не верь слухам. И вообще, не пудри мне тут мозги, — оборвал его Касьян. — Давай по делу базарить. От Зелинского банка отвалишь. Я беру его под свою крышу. Или не понял?

— На «понял» берешь, дешевка? — поинтересовался Риф. — Значит, торговли наркотой тебе мало, хочешь мой кусок заглотнуть? А не боишься, что от такого заглота жопа треснет?

— Фильтруй базар, мусор недорезанный, ответишь! По правильным понятиям я тебя...

— Шел бы ты со своими правильными понятиями лохов разводить, — посоветовал ему Риф. — А я уже взрослый и леченый. Так что про свои нелепые претензии к банку Зелинского лучше забудь. Здоровее будешь. А тебе хочу сделать встречное предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Я вхожу в твою торговлю наркотой, и мы поднимаем ее на такой уровень, какой тебе и не снился. И никаких конкурентов, никакого геморроя. Я это гарантирую.

— Мой единственный геморрой — это ты, козлиная рожа!.. — Касьян взвился было, но внезапно остыл.

— Ладно, кончаем базар, — сказал Касьян уже спокойно. — Но имей в виду: если мы с тобой сейчас не договоримся, живым ты отсюда не выйдешь.

— Ну не хрена себе! — удивился Риф. — Это же голимый беспредел! А как твой братан? Знаешь, что с ним мои ребята сделают?

— Во-первых, он мне не родной, а троюродный, — пояснил Касьян. — А во-вторых, он меня заколебал — дальше некуда. Под такие разборки, сука отморозенная, подставляет! Я бы сам его в землю зарыл, но не могу: какой ни есть, а все ж родня! Как я его мамане потом в глаза смотреть буду? А вот если его твои орлы прикончат, то мои волки от этого только злее будут. Так что можете мочить Пузыря за ради Бога. Про мою наркоту сразу забудь, а на предложение мое лучше соглашайся по-хорошему. От тебя не убудет, а жизнь дороже стоит.

— Ты меня словно целку уламываешь, — усмехнулся Риф.

Касьян очень внимательно посмотрел на собеседника:

— То, что ты специально нарываешься, я уже понял. Только вот никак не пойму, в чем твой прикол.

Риф пожал плечами:

— Как говорят немцы: «Чего не узнал Гансик, того никогда не узнает Ганс». То есть: всякому знанию свое время. Подожди, не бей меня сразу! Сейчас все узнаешь, но вряд ли тебе это поможет. Ушел твой поезд. Давай теперь, двигай своим пальцем!

Риф вдруг вскочил с кресла и молниеносным движением поймал выставленный палец Касьяна. Послышался омерзительный хруст.

— Ох, блин! Мочи козла! — прохрипел Касьян.

В неверном свете камина показалось, что от темного угла оторвалась тень и стремительно рванулась к сцепившимся главарям.

Бурый из кустов наблюдал за усадьбой Касьяна. Он жевал «стиморол без сахара» и презрительно сплевывал. Фортификация на уровне Древнего Рима, только еще слабее. Гусей не хватает. Касьян явно сэкономил на средствах оповещения и сигнализации. А бетонный забор с колючкой поверху для серьезного специалиста не преграда. Бурый дал по рации сигнал общего сбора:

— Все на связь. Ответь первому!

Группы отозвались вразнобой, но дружно:

— На месте третий!

— Четвертый на исходной!

— Второй готов!

И так далее. Бурый удовлетворенно прорычал:

— Слушать сюда! Начинаем, только без лишнего шума. Тут по соседству воинская часть. А то вояки, чего доброго, испугаются и шарахнут стратегической ракетой по Штатам. Откуда тогда бабки качать будем? И мебель в доме не ломайте, как матросы в Зимнем. Помните, теперь все это наше. Внимание! Минус два!

Двух минут бойцам «РИФа» хватило на то, чтобы подобраться вплотную к забору и забросить на стену штурмовые средства. Несколько старых инфракрасных камер на воротах и по углам забора были ослеплены с помощью прицельных тепловых лучей. Ровно через две минуты бойцы «РИФа» оседлали стену и обрушили на слонявшихся по двору быков Касьяна бесшумный и беспламенный, но губительный ливень девятимиллиметровых бронебойных дозвуковых пуль из автоматов системы «Вал». Пули прошивали даже тех из касьяновских боевиков, кто предусмотрительно облачился в бронежилеты.

За гулом машин с окружной дороги атака была совершенно неслышна.

В ход пошли бесшумные пистолеты. Теперь кроме выстрелов касьяновцев в ночную тишину врезались скрежещущие металлические звуки.

Бурый недовольно поморщился и выругался. Рядом обозначилась тень бойца. Он присел рядом с Бурым.

— Спокойно, это я, Драгун. Тебя что, зацепило?

— Нет, я в порядке. Звон слышишь? Автоматы в норме, тихо бьют, а пистолеты дрянь. Эти «ПБ» только по названию бесшумные. Ни хрена не годятся. Даром, что двойной глушак, зато затворы лязгают, будто слесарная мастерская — за версту слышно.

За время этого монолога Бурый пересек открытое пространство перед дворцом и с группой бойцов вломился внутрь. Навстречу ему полыхнула огнем автоматная очередь. Пули «калашникова» отбросили Бурого к стене. Следовавшие за ним рифовцы изрешетили стрелка. Двое бойцов с трудом помогли Бурому приподняться.

— Ты как, живой? — спросил Драгун.

— Хрена ли мне сделается? Я же бессмертный, — проворчал Бурый. — Ну, блин, и шибануло меня! Хорошо, «антикалашник» не поленился натянуть.

Он, крихтя и ругаясь, поднялся на ноги. Стрельба затихала. Захват особняка и базы Касьяна занял от силы десять минут.

— Шефа нашли? — спросил Бурый.

— Нигде нет.

— А в кабинете Касьяна смотрели?

Не дождавшись вразумительного ответа, он, болезненно морщась, двинулся в глубь дома. Двери в кабинет были заперты. Возле них топтались трое бойцов в черных куртках с желтыми буквами «РИФ-секьюрити» на спине. Один стянул маску. Это был Сармат.

— Ну, что столпились, как лошади перед детсадом? — поинтересовался Бурый. — Обуй морду, засветишься.

— Сам же не велел внутри ничего ломать, — развел руками Сармат.

— Тоже верно. В нашем деле главное — аккуратность. — Бурый двинул в дверь ногой.

Внутри что-то гулко хрустнуло, и дверь приоткрылась. Бойцы двинулись внутрь. За ними последовал и сам Бурый. Он не сразу сумел разглядеть обстановку — в кабинете было темно. Мерцающий свет шел только от затухающего камина. Бурый пошарил по комнате лучом мощного фонаря. Круг света замер на человеческом теле, скорчившемся на полу возле письменного стола. Вокруг тела растекалась лужа черной крови.

Бурый склонился к убитому. За свою жизнь он повидал немало трупов, но сейчас содрогнулся. Тело было буквально искромсано. Бурый повернул голову убитого лицом кверху. Бойцы замерли у него за спиной.

— Кто это? Шеф?

Бурый отрицательно покрутил головой:

— Нет. Касьян это.

— А где же Риф?

— Найдите, а я покажу! Бегом искать! — приказал Бурый, и бойцы направились к дверям.

Бурый принялся внимательно осматривать кабинет. В свете фонаря возле тела что-то золотисто блеснуло. Бурый наклонился. На полу валялся маленький золотой череп с крылышками. Разорванная золотая цепочка лежала тут же.

— Так, — пробормотал Бурый, — а вот и уравнение с неизвестным. Раз он это потерял, стало быть, сейчас вернется. Что застрял? — крикнул он на замешкавшегося Сармата.

Луч фонаря Бурого медленно скользил по стенам. Ему вдруг показалось, что тень в дальнем углу комнаты изменилась. Он посветил туда. Внезапно в ответ прямо по глазам Бурому ударила ослепительно яркая вспышка света, будто луч его фонаря, усиленный в десятки раз, отразился от зеркала. Но это был выстрел.

Пуля с бронебойным сердечником, выпущенная из пистолета «гюрза», пробила тяжелый «антикалашниковый» бронежилет Бурого. Он упал на труп Касьяна, но тут же попытался снова подняться.

— Ты... Ты, сука! Это ведь ты Волкодава кончил... — едва слышно прошептали его губы.

Рука с пистолетом поднялась, чтобы добить Бурого выстрелом в голову, но по коридору на звук выстрела уже топали тяжелые берцы рифовских бойцов. Рука с пистолетом опустилась. Убийца наклонился, вырвал из цепенеющей ладони Бурого талисман, и тень снова слилась с окружающей темнотой в своем дальнем углу.

Когда бойцы вбежали в комнату, они увидели своего шефа. Риф, живой и здоровый, наклонился над Бурым и безуспешно пытался привести его в чувство. Риф разорвал рукав его рубашки. На левой руке Бурого чуть ниже плеча красовалась татуировка — весело оскаленный череп с крылышками по бокам и буквы: «ОШБОН-КУРГАЙ».

— Давай противошоковое! — приказал Риф подоспевшим бойцам.

Он выхватил из поданной аптечки шприц-тюбик и вколол Бурому дозу препарата. Но тот уже ни на что не реагировал. Один из бойцов предложил:

— Может, ему искусственное дыхание сделать?

— Поздно, — жестко произнес Риф. — Не трать зря силы. Несите его к остальным. У нас большие потери?

— С Бурым трое. Но может, попробовать?..

— Неси, я сказал! — Риф обессиленно присел на край стола. — Эх, Бурый... Теперь надо будет искать ему замену.

— А ведь везучий... был, — вздохнул Драгун. — Вот тебе и бессмертный... Это же надо, «антикалашниковый» жилет пробить! Из чего, интересно, стреляли? Не из «гюрзы»?

— Сам не врублюсь, — с наигранным недоумением развел руками Риф. — Ладно, теперь надо быстро очистить территорию от касьяновской падали. Раненых добейте. Здесь теперь и будет наша база. Докуметы на эту избушку оформим завтра. И завтра же начнем перевозить сюда из центра все самое ценное и стремное. На наш офис эфэсбэшники с налоговиками налет готовят, мне их полковник Спицын стукнул. Так что со дня на день надо ждать гостей.

Риф вышел из дома и победно оглядел поле битвы. Как бы то ни было, этот раунд он выиграл.

«Не забыть бы только тех парней, что были внутри особняка и слишком много узнали, разбросать по дальним точкам. А по возможности убрать», — подумал он.

Драгун кивком подозвал Сармата:

— Подсоби вынести.

Они стали поднимать тело Бурого, и тут Сармат заметил золотую цепочку, намотанную на палец убитого. Он замер.

— Чего застыл? Очнись! — окликнул его Драгун. — Что с тобой?

— Да так, — Сармат подхватил тяжелое тело под руки, — одну вещь вспомнил. Бурый про талисман Волкодава рассказывал. Ты взялся? Тогда понесли на выход.

4

Недавно возведенная в центре Москвы многоэтажная башня отсвечивала черными зеркальными стенами. Центральный вход с фасада украшала вывеска «АО «Ипсилон-нефть». Со стороны бокового переулка в здание вели более скромные двери, на одной из которых значилось: «Частное охранное предприятие «РИФ». В кабинете на втором этаже сидел директор предприятия, которого все, даже подчиненные, так и называли — Риф. Он разговаривал по телефону.

— Алло, банк? Соедините меня с управляющим, — попросил Риф. — Господин Зелинский? Семен Семеныч? Ну как, решили наконец? Согласны? Очень рад за вас. Вы приняли правильное решение. Да, с нашей стороны вам будет оказана всяческая поддержка. Думаю, проблем у вас больше не будет. Никаких.

Из коридора донесся шум. Риф недовольно скривился и нажал кнопку селекторной связи:

— Что у вас там за грохот?

— Нас штурмуют! Похоже, это ФСБ.

— Без паники. Никакого сопротивления.

Риф встал и направился было к двери, но та уже распахнулась, и в кабинет влетели три богатыря с автоматами, в черных шапках-масках и камуфляже. Когда один из них повернулся, чтобы проверить окно, Риф увидел у него на спине буквы «ФСБ». Действовали они быстро и четко. Профессионалы.

— Спокойно, не двигаться! — предупредил один из богатырей.

Риф поморщился. При желании он мог бы справиться со всеми троими, несмотря на весь их профессионализм. Он покорно сел в свое кресло. В кабинет вошли двое. Одеты они были в штатское, разве что пиджаки на левом боку у них чуть оттопыривались.

— Полковник Тюрин, ФСБ, — представился один из вошедших.

— Полковник Спицын, — отрекомендовался другой.

— Милости просим. — Риф развел руками. — Извините, что не встаю. Боюсь — как бы ваши волкодавы с перепугу не пристрелили. Чем обязан радости видеть таких гостей? Вы по делам или так, поссать забежали?

— Прекратите паясничать. — Полковник Тюрин сурово взглянул на Рифа в упор. — Вот санкция прокурора на обыск вашего офиса.

— Обыскивайте, прошу. У меня вчера железный рубль под стол закатился, а самому лезть и корячиться лень. Найдете — впополаме будем.

Спицын слегка улыбнулся уголками рта, но главный из вошедших, Тюрин, остался серьезен, как комиссар на расстреле.

— Я предлагаю вам выдать добровольно незаконно хранящееся оружие, прослушивающую аппаратуру, взрывчатые вещества и незаконно приобретенные ценности.

Риф бросил мимолетный взгляд на Спицына. Тот хранил невозмутимое молчание. Благодаря его предупреждению все, что хоть немного подпадало под перечень полковника Тюрина, было своевременно перевезено на новую базу, в усадьбу Боженково, не только отбитую у покойного ныне Касьяна, но и молниеносно приватизированную по всем правилам коррумпированной российской бюрократии.

В дверь вошел толстый лоценоый субъект. Риф сразу повеселел.

— Не выдам я тебе ничего, — нахально заявил он Тюрину. — Ищи сам, начальник, раз у тебя работа такая. И имей в виду — попробуй только гильзу пустую подбросить, я тебя по судам затаскаю. Валяй, начинай. Вот мой адвокат, — кивнул он на лоценоого толстяка. — Он в прокуратуре двадцать лет оттрубил и все ваши примочки козлиные лучше тебя знает. Приступайте, не буду мешать.

Обыск шел вовсю. Тюрин медленно прохаживался перед пирамидой с гладкоствольными автоматическими ружьями «сайга», официально состоящими на вооружении у охранного предприятия «РИФ». В «ружпарк» вошел Спицын.

— Ну что? — без энтузиазма спросил Тюрин.

— Ничего, — развел руками Спицын. — Ни автоматов, ни гранатометов, ни прослушивающей аппаратуры.

— А наличка? Сейфы хорошо осмотрели?

— Налоговики все перерыли. Только мелочь на хозяйственные расходы. Но ведь сведения были точные. Может, мы поторопились?

— А мне кажется, что мы опоздали и кто-то успел их предупредить. — Тюрин чуть не просверлил взглядом коллегу.

— Ты что, меня подозреваешь? — обиженно выпучил глаза Спицын.

— Нет, просто стараюсь исключить элемент случайности. Ладно, надо сворачиваться. Больше уже ничего не найдем.

Тюрин остановился перед раскрытым металлическим шкафом, в котором хранились пистолеты и спецсредства, и взял со стойки один из больших диверсантских ножей.

— Видал такой маникюрный прибор? Им можно пилить, копать, бриться, винты и гайки закручивать, консервы открывать и играть на скрипке вместо смычка. Ну и убивать, конечно. Последняя разработка конструктора Крылова. Называется «Потрошитель». Таким и выпотрошить нетрудно. — Он провел пальцем по зубьям пилы на обухе клинка. — Знаешь, как это называется? Шоковый зуб. При ударе расширяет рану в три-четыре раза.

— А это колечко для чего? — Спицын потрогал массивное металлическое кольцо, которым заканчивалась рукоятка ножа.

— Карабин с тросом цеплять. Гляди!

Тюрин нажал блестящую кнопку на рукоятке, и из перекрестья упора выскочили и растопырились лапы, похожие на якорные. Он зацепил нож одной из лап за крышку оружейного шкафа клинком вверх, просунул свой средний палец в кольцо рукоятки и повис на нем.

— Человека свободно выдерживает. Такой прибор в альпинизме хорошо использовать, с ним на Эверест забраться — как два пальца обсморгать. Кстати, ты материалы по Мяснику не видел?

— Некогда ерундой заниматься, — проворчал Спицын. — Это ментовская работа, пусть они и ковыряются.

— А я заглянул между делом. — Тюрин внимательно рассматривал нож. — Мясник-то точно таким же перышком орудовал. Слава Богу, с ним покончили. Ну все, снимай людей, уходим. Обидно, что так ничего и не нашли. Боюсь, теперь нас ожидают неприятности.

Спицын кивнул и повернулся, чтобы идти выполнять указание.

«Почему же нас? — подумал он. — Неприятности ожидают лично тебя. Ме-

ня же, скорее всего, ожидает твое освободившееся место».

Перед уходом он успел перекинуться парой слов с Рифом.

— Где тебя найти сегодня вечером? — спросил его Спицын.

— Как обычно, сегодня я играю в теннис в «Вагнеровском центре».

Ближе к вечеру того же дня на Тверской стояли и разговаривали две молодые и очень привлекательные женщины, блондинка и брюнетка. Чуть позже к ним подошла еще одна женщина, помоложе и тоже очень привлекательная. Брюнетка обняла ее:

— Привет, Машка. Знакомься, это Ира, — она кивнула на блондинку, — моя столетняя подруга. Представительница древнейшей профессии — юрист. А это Маша, когда-то она начинала работать в моей лаборатории, а теперь ведущий специалист в Центре исследований крови «Вагнеровского фонда». Ну как, заморские буржуи зарплату не задерживают? А то переходи ко мне.

— Ну конечно, — согласилась подруга. — Хорошо, когда твой муж — банкир Зелинский.

— Кстати, Галка, — обратилась к брюнетке блондинка Ирина, — закинь Семену удочку насчет кредита. Мне Крюков уже плешь проел с частным сыскным предприятием. Хочет, чтобы я создала кооператив. Мотивирует тем, что раз Ленин сказал, что будущее за кооперативами, значит, так и будет. Связей у меня достаточно — и дед, и отец всю жизнь опорой трону служили. А вот с деньгами хуже — на оружие, на аренду, на зарплату.

— Поговорю, какие проблемы, — махнула рукой брюнетка Галина. — Только у него сейчас какие-то проблемы. Похоже, его лавочку окончательно подгрести под себя финансовая империя «Ипсилон». И из компаньона Сема превратился в наемного высокооплачиваемого служащего.

— Это серьезно?

— Куда уж серьезнее! Теперь наверняка денег станет еще больше, а радости еще меньше. Ну что, девки, пойдём, посидим где-нибудь? Зальём горе стаканом бургундского?

— Извините, девчонки, не могу. — Блондинка развела руками. — Должна сегодня обязательно встретиться с Крюковым. У него стажера убили, и он сейчас в депрессии.

— У него же оружие! — испуганно округлила глаза Галина. — Депрессия может быть для него очень опасна!

Ирина посмотрела на часы:

— Ой, мне нужно бежать! Вон мой заботливый племянник с друзьями подкатил. Не машина — утиль. Хорошо хоть окна затемненные, ехать не так стыдно.

И блондинка Ирина направилась к стоявшим неподалеку ржавым синим «Жигулям» первой модели, возле которых околачивались трое молодых людей.

— Ну, а мы никуда не торопимся, — заявила Галина. — Пошли, спрыснем нашу встречу.

И потащила Марию вдоль Тверской в сторону центра.

— Ты мне собиралась что-то сказать, но не по телефону, — напомнила Галина. — Не забыла?

— Нет, помню, — кивнула Мария. — Просто думаю, с чего лучше начать. Ты знаешь парня по имени Антон? По-моему, я его сейчас видела возле той ма-

шины, куда села твоя подруга.

— Да, конечно. Антошка — это же Иркин племянник. Он у Семена на фирме компьютерами занимается.

— Он имеет какое-нибудь отношение к твоему лечебному заведению? — спросила Мария.

— Разумеется. Все, кто получают деньги от империи «Ипсилон», лечатся или обследуются у нас. Плюс целая армия родственников, знакомых и просто халявщиков. А почему ты спросила?

— Твой Антон привез к нам в центр кровь на анализ. Я была занята, и им занималась моя подруга Лидка. Он объяснил, что кровь не его, что его просил друг. И этот друг не хочет пользоваться твоей лабораторией, чтобы избежать огласки.

— И что?

— ВИЧ-реакция оказалась положительной. Я, конечно, еще перепроверю, но боюсь...

— Спасибо, что сказала. — Галина крепко сжала руку подруги. — Ирке, если вдруг встретитесь, ничего не говори. Я сама выясню подробности у Антона. Хорошо?

— Конечно, — согласилась Мария. — Но все-таки вопрос слишком серьезный...

— Остановись, пока не поздно! — Галина замерла и вцепилась в рукав Марии. — Скажи честно — ты любишь устрицы?

— Устрицы? — опешила Мария. — Понятия не имею. Никогда не пробовала.

— Тогда за мной шагом марш!

И она потащила подругу к сияющим бронзой и роскошью дубовым дверям ближайшего ресторана.

Громада «Вагнеровского культурно-экономического центра», выросшая на берегу Москвы-реки, собирала на своих закрытых от непогоды и посторонних глаз теннисных кортах государственную и околосударственную элиту, а также лоббистов всех мастей. Ничего не поделаешь, закон природы. Раз барин интересуется теннисом, то и все лакеи, от мала до велика, обязаны гонять ракетками маленькие желтые мячики. Да еще денно и нощно Бога благодарить, что хозяин не увлекся боксом или каким-нибудь супермарафонским бегом.

Риф вошел в раздевалку. Здесь было прохладно и пусто. В отличие от нормальных раздевалок пахло здесь не потом, а весенней свежестью. Он забросил ракетку на один из шкафчиков, скинул рубашку и шорты, взял полотенце и направился в душ. В это время в раздевалку вошел еще один человек, немного моложе Рифа, но такой же широкоплечий и узкозадый.

— Все, финиш! — сообщил ему Риф. — Можешь забрать мою ракетку. С теннисом пора завязывать, будущее за дзю-до. Хорошо еще, что седло покупать не пришлось.

— Ты что, не мог выиграть у этого пузатого банкира? — спросил Рифа молодой собеседник. — Или у тебя теперь работа такая?

— И такая тоже, — признался тот. — Не жалею. Я ведь еще когда погоны таскал, понял, что никому мы не нужны. Мне возражали, что родина нас не забудет. И где теперь наши орлы, с которыми мы когда-то вместе тянули лямку в ОШБОНе?

Молодой пожал плечами:

— Говорят, кое-кого ты подобрал.

— Правильно говорят, — подтвердил Риф. — Тех, кто не раскис и доказал, что остался «бессмертным».

Риф не заметил искры ненависти, которая сверкнула на миг в глазах собеседника, и продолжал:

— У меня ведь не только мое охранное предприятие. Я, фактически, возглавляю службу безопасности всей империи «Ипсилон». И тебя приглашаю. Ты же всегда был одним из «бессмертных». Кстати, как к тебе теперь обращаться?

— Называй меня просто Антоном.

— Да хоть Папой Римским. Я ведь твой должник. Задание по Касьяну ты выполнил просто с блеском. Пользуйся моментом, у меня сейчас открылась хорошая штатная вакансия.

— Кого-то убили?

— Ты ведь не забыл Бурого? Надежный был мужик. Все хотел выяснить, кто Волкодава замочил. Не успел. Так что давай на его место, не пожалеешь.

— А что я должен буду делать в твоей лавке? Толстопузым банкирам в теннис проигрывать?

— Все. Для начала постажируешься в каждом из подразделений, начиная с охраны банка, кончая проведением спецопераций. А там посмотрим, к чему у тебя талант.

— А вы и спецоперациями продолжаете заниматься?

— Чем? — Риф сделал вид, что удивлен. — Какими спецоперациями? Я тебе ничего такого не говорил. Сейчас мои спецоперации — это тот толстяк, которому я проиграл. Рекомендую: Сема Зелинский, банкир. Не человек — золото. Во всех смыслах. И это золото я рассчитываю прибрать к рукам.

— Не трать время на объяснения, я знаю его не хуже тебя. Я занимаюсь компьютерным обеспечением его банка. И ребят наших в охране частенько вижу.

— Они тебя не узнали? — удивился Риф.

— Вероятно, я сильно изменился со времен службы, — пожал плечами парень, назвавший себя Антоном. — Так, значит, ты все-таки специально проиграл?

— Да, специально. В порядке компенсации за те неприятности, которые он благодаря мне поимел и еще поимеет. Банкир, в конце концов, тоже человек, и он вправе получать маленькие человеческие радости.

— Ты что, поимел его жену?

— Нет, дорогой Антон, вчера я окончательно поимел его банк.

— И не противно тебе, боевому офицеру, елозить под торгашами? — скривился молодой.

— Эх ты, наивняк, — снисходительно-наставительно произнес Риф. — Истинно говорю тебе: важно не кто под кем лежит, а кто кого трахает. Запомни это! А то так и будешь на дровах ездить. Это твою синюю развалюху я видел на стоянке?

И он направился в душ, откуда донеслись раскатистые рулады:

— Ты запо-омни сыно-о-ок золотые слова-а-а!..

Его товарищ также разделся и направился в соседнюю кабинку. У обоих со-

беседников на левом плече синели одинаковые татуировки — весело оскаленный череп с крылышками и надпись: «ОШБОН-КУРГАЙ».

В черной-черной комнате стоял черный-черный стол. На черном столе стояла черная лампа. Ее свет вырывал из мрака комнаты небольшой освещенный круг. За столом сидел человек в черной майке с надписью «РИФ-секьюрити». На плече его синела татуировка — весело оскаленный череп с крылышками и буквы «ОШБОН-КУРГАЙ».

Перед ним на столе в свете лампы лежал большой нож с зубьями по обуху, утолщенной крестовиной-упором и массивным металлическим кольцом в торце рукоятки. Своей тяжестью нож прижимал к столу стопку газетных вырезок. Все они касались одной темы — преступлений маньяка-потрошителя по кличке Мясник. Рядом на столе лежали трубка мобильного телефона и несколько шприц-тюбиков, предназначенных для производства инъекций в полевых и боевых условиях.

Человек взял трубку мобилника и набрал номер. Ему ответил женский голос:

— Редакция еженедельника «Версии и доказательства».

— Мне нужен главный редактор вашей газеты. — Человек говорил, приставив к микрофону трубки коробочку модулятора голоса. — Я хочу сделать заявление. Кто я такой? Ваши писаки дали мне погоняло Мясник. Меня почему-то считают маньяком, но я с этим категорически не согласен. Я не маньяк. Просто у меня есть одна серьезная проблема, и я собираюсь ей поделиться с вами. По крайней мере, кое с кем из вас. И, надеюсь, вам это очень не понравится.

— Соединяю вас с главным редактором, — испуганно пропищал голос секретарши.

Человек в черной майке прокашлялся. Судя по всему, он собирался говорить долго.

5

Осень резко уступила место зиме. С утра над Москвой клубились рваные тучи. Давно пора было выпасть не только первому, но и второму, и третьему снегу. Холодный ветер гонял по подмерзшему асфальту обрывки газет. Судя по заголовкам, главным содержанием жизни россиян традиционно оставались терроризм, инфляция и грядущие выборы. В тяжелой атмосфере города накапливалось гнетущее, тревожное напряжение. Его давящее присутствие ощущалось физически, и казалось, что оно предвещает беду.

Заведующая медицинским комплексом финансово-промышленной компании «Ипсилон» Галина Зелинская ушла в тот день с работы раньше обычного, не предупредив даже свою секретаршу, с которой обычно обращалась не как с подчиненной, а как с подругой.

Домой она пошла пешком. Окружающее сейчас воспринималось ею словно сквозь пелену тумана. Слепоглухонемому безногому пацаненку, который попрошайничал в подземном переходе, она не глядя сунула несколько купюр. Тот только свистнул от удивления, догнал ее и крикнул:

— Ты что, ослепла? Сотенные суешь! Лечиться надо!

Но Галина, не оборачиваясь, словно слепоглухонемой была она сама, двинулась дальше. Она не помнила, как добралась до дома, и не заметила, что в течение долгой прогулки ее на приличном расстоянии, незаметно, но неотступно сопровождал человек в длинном темном плаще. Она вошла в квартиру и только здесь посмотрела на часы. Скоро должен прийти муж. Как ему сказать? И, главное, как объяснить ему то, чего она не могла объяснить и себе самой?

Следивший за ней человек в это время прогуливался в сквере напротив дома. Все это время он был чем-то озабочен, поглядывал на окна ее квартиры и даже, как будто, собирался перейти улицу и направиться в подъезд, куда вошла Галина. Но его остановил сигнал портативной рации, настроенной на жучок в телефонном аппарате Галины.

Галина звонила своей единственной подруге. Может быть, если бы та оказалась дома, все случилось бы по-иному. Но в трубке раздался лишь голос автоответчика. Галина дождалась сигнала записи и тихо, с перерывами, произнесла:

— Алло, Ира, это я. Прости меня и прощай... Живи долго и счастливо... И держись за своего Крюкова. Я ухожу...

И положила трубку. Потом снова сняла и опустила рядом с аппаратом. Она не хотела, чтобы ей помешал случайный звонок. Она боялась, что у нее не хватит решимости.

Она прошла на кухню, торопливо черкнула карандашом несколько прощальных слов на газете, которую муж утром второпях забыл на кухонном столе, затем взяла купленную в магазине опасную бритву и прошла в ванную.

«Это ничего, — уговаривала она себя. — Бог все милостив, он простит мне, что я явлюсь к нему без приглашения».

Но она не могла заставить себя совершить последний ужасный шаг и сгорбившись сидела на краю ванны в полной прострации.

Человек в темном плаще, следивший за окнами ее квартиры, посмотрел на часы и пробормотал:

— Пора бы уже...

Он перешел улицу и скрылся в подъезде Галины. Спустя десять минут он вышел оттуда, сел в стоявшие у мусорных баков синие «Жигули» — «копейку» с проржавевшими крыльями и уехал. Еще через десять минут он привычно припарковал свою четырехколесную рухлядь на автомобильной стоянке возле «Вагнеровского центра» между шестисотым «мерседесом» и еще более шикарным «астон-мартином». Здесь он вылез из машины и уверенной походкой направился к главному входу в здание.

Старший опер Управления специальной службы Крюков, по мнению столичных наркоторговцев, справедливо носил высокое звание «Самого Тухлого Душмана Советского Союза», которое сохранилось за ним и после распада СССР. Кроме этого, он продолжал который год носить не слишком высокое звание капитана милиции. И было похоже, что строки Высоцкого о капитане, который никогда не будет майором, касались именно Крюкова. Малейший намек на присвоение ему погон с «лыжней» — двумя просветами и одной звездой — вызывал у крюковского начальства предынсультное состояние. Сам Крюков относился к этой вопиющей несправедливости со спокойствием истинного философа:

«От большой звезды задница тяжелеет».

Утром Крюков получил верную наколку на квартиру в одном из спальных районов, где гости из братской Нигерии, в основном студенты, складировали свои национальные сувениры. Как правило — «черный героин». Хату Крюкову «сдал» проверенный стукач, также из числа нигерийских студентов, Окике Марафет.

Собственно, студентом «Лумумбария» Марафет был очень давно. С тех пор университета он так и не закончил, зато успел фиктивно жениться на москвичке и получить прописку. Он, разумеется, тоже принимал и перепродавал «товар». При этом он исправно сдавал Крюкову гонцов с далекой жаркой родины, если им не посчастливилось оказаться его родственниками. Нигерия, конечно, страна дикая, но и там не дураки живут. Не хуже нас разбираются: закон есть закон, но семья — дело святое.

Так вышло и на этот раз. Пару дней назад группа Крюкова прихватила «заряженного» героинем негритенка, который при тщательной проверке оказался одним из многочисленных племянников Марафета. В обмен на свободу дальнего родственника Окике, не моргнув глазом, сдал очередной склад земляков-конкурентов. Бизнес есть бизнес.

Бригада Крюкова приехала по указанному Марафетом адресу и выгрузилась из машины. Заместитель Крюкова, двухметровый Птенчик нахлобучил на голову козырьком назад зимнюю бейсболку: «За нами наружка. Легавым буду — за нас особка взялась».

Бригада зашла в подъезд и поднялась на нужный этаж. Грека прислушался. За дверью квартиры было тихо. Пару-тройку часов они провели в томительном ожидании, не появится ли кто-нибудь из оптовиков-перекупщиков. Наконец терпение сыщиков иссякло.

— Ну что, заглянем к парню на рюмку чая? — подмигнул товарищам третий сотрудник опергруппы — Шурик Папастраки, которого все звали Папа-в-факе или просто Грека, молодой, но не по годам развитой. — Шеф, ты не

забыл свой набор отмычек?

— Ага, заглянем. Ребята из наружки внизу только и ждут, когда мы законы нарушать начнем, — заверил его Птенчик. — Что будем делать, командир? Может, ну его? Давай зайдем в другой раз. Пора бы и пивка попить.

— Ни за что. Раз пришли в гости — звони, — рассудил Крюков.

В ответ на звонок после долгой паузы наконец послышались осторожные шаги. Шаги замерли возле двери.

— Ху? — спросил из-за двери противный нерусский голос.

— Сам ты ху! — возмутился Крюков. — Открывать! Почта пришел!

Крюков при желании умел говорить по-русски не хуже любого иностранца. Но и преступник за дверью был не пальмовым лыком шит.

— Нет почта. Ху? — с непонятным честному человеку упрямством повторил он.

— Открывай, бестолочь заморская! По-хорошему предлагаю!

Видимо, преступные наклонности мешали человеку за дверью последовать этому доброму совету. Он продолжал коснеть в беззаконии.

— Русски не понимать! — цинично заявил он.

— Эй, оупен зе доо! — блеснул незаконченным средним образованием Грека. — Дед Мороз пришел! Санта-Клаус! С мешком подарков!

— Оупен дзю-до! — поддержал товарища Птенчик. — Куклус-Кланус принес тебе мешок п...здюлей! Лучше открывай по-хорошему, черный брат!

Но всем, в том числе и высыпавшим на площадку любопытным соседям, уже стало ясно, что по-хорошему дверь не откроют.

— Теперь долго не выйдет. Ну что, садимся в засаду? — констатировал грустный факт Грека.

— Не в засаду, а в осаду, — поправил Крюков. — Будем ждать гонца снаружи или вылазки изнутри. Зачитай права осажденного.

— Вы имеете право не открывать дверь и не платить за электричество! — с пафосом изрек Грека и вывинтил пробки из распределительного щита. — Сто первая китайская мудрость Глеба Жеглова: «Вор должен сидеть в тюрьме, а черная кошка — в темной комнате»!

— Вы имеете право не платить за телефон! — прибавил Птенчик.

Пользуясь своим высоким ростом, он разрезал над дверью квартиры телефонный провод и подсоединил к нему принесенный из машины аппарат с определителем. Затворник, вопреки ожиданиям сыщиков, не проявил ни малейшего любопытства по поводу обесточивания его бандитского гнезда. Похоже, ему нравилось блуждать в потемках. Во всяком случае, он так и не высунул за дверь носа, чтобы проверить пробки. Судя по всему, это был матерый преступник. Либо он просто не подозревал о существовании электричества.

— Вы имеете право не смотреть телевизор, — провозгласил Грека.

Он потянул из паза необычно толстую телевизионную антенну и сообщил, поигрывая кусачками:

— Ух ты, какой интересный кабель! Может, спутниковый? Посмотреть, жалко, не на чем.

— Вставь его себе в задницу, зажмурь глаза, расслабься и жди, когда появится картинка, — посоветовал Птенчик. — Штурм все равно отменяется.

— Подожди, не режь, — остановил его Крюков. — Иначе потом не разберемся, что это за спецсвязь. Без света она все равно работать не будет.

— А на аккумуляторе?

— Думаю, наш черный друг еще не въехал, что его обложили, и сигнал тревоги давать не собирается. Либо он его уже дал. Так что оставь. Раз приступ не увенчался успехом, придется его, басурмана, измором брать, — вздохнул Крюков. — Организуем осадный лагерь.

— Да? И какие будут особые указания, гражданин начальник? — с кислой физиономией поинтересовался у него Грека. — Спать в лифте стоя?

— Молодец, самую суть осадной тактики ухватил! — похвалил его Крюков. — Нарушение снабжения и канализации отходов — причина многих неудачных осад. Голод, эпидемии с эпизоотиями. Спать в лифте, конечно, можно, а вот ссать никак нельзя. Мы, работники милиции, не можем пасть так низко, а должны подавать пример... И все такое прочее... — Крюков широко зевнул. — Поэтому пройди по квартирам и подружись с соседями. Вдруг этот Максимка неделю взаперти проторчит?

— Меня молодая жена из дома выгонит, — предупредил Грека.

— Нет у тебя никакой жены, ни молодой, ни старой, — разоблачил его Крюков. — Поэтому садись по стойке «смирно» и бди.

— Бзди?

— Бди, деревня. От слова «бдительность». Пока он не вылезет. А вылезет — бей на поражение.

И они принялись бдить. Противник затих и не подавал признаков жизни. Он предпочитал сидеть без света, но не сдаваться. К ночи расстановка сил окончательно определилась. Грека выполнил приказ шефа на отлично. Из соседних, а также выше- и нижерасположенных квартир выходили люди с доброжелательными улыбками и знакомились с сыщиками.

Старушка из квартиры слева предлагала горячей картошечки. Томный юноша из квартиры справа в трениках в обтяжку настоятельно приглашал Птенчика заглянуть на чашечку кофе. Внизу вообще гуляли свадьбу и всю группу едва не утащили «буквально на пять минут выпить за здоровье молодых». Во что растянулись бы эти пять минут, многоопытный Крюков даже подумать боялся.

Отринув соблазны, опергруппа продолжала стойко переносить тяготы службы. Крюков позволил только Птенчику отвлечься на минуту, чтобы буквально одним ударом пресечь в квартире сверху назревший семейный скандал.

В квартире напротив, дверь которой выходила на ту же лестничную площадку, проживала одинокая дама «чуть за тридцать». Ну совсем чуть-чуть, лет на десять-двадцать максимум. После того как Грека познакомился с ней, он с торжествующим видом вынес пару табуреток.

— Присаживайтесь, — предложил он товарищам по оружию.

— А себе? — наивно поинтересовался Крюков.

— Молодой ишшо, постою, — отмахнулся коварный Грека. Потом невнятно пробормотал что-то насчет «пойти пописать» и снова исчез за соседкиной дверью, на сей раз всерьез и надолго.

Дисциплинированный Птенчик не обращал на это внимания и целиком был поглощен наблюдением за телефоном — не звонит ли враг? Крюков же по природе был разгильдяем, причем завистливым. Он терпеть не мог тех, кто сачковал. Больше, чем он сам. Через полчаса нервного ожидания он встал с

табуретки и мстительно заявил:

— А пойду-ка я и весь оргазм им сейчас поломаю!

Но тут заверещал телефон. Птенчик дернулся было к определителю, но напрасно. Звонил мобильник Крюкова. Телефон у него был пиратский, абонированный на сотню честных пользователей, каждый из которых практически не замечал, что платит «за себя и за того парня». На вопрос: «Где взял?» Крюков отвечал кратко, но с исчерпывающей полнотой: «С убитого снял». То, что на аппарат можно было звонить, Крюкова иногда радовало, а иногда и нет. И сейчас ему не хотелось отвечать, но врожденная порядочность заставила взять трубку.

— Чаво надо? — прогнусавил он, делая вид, что он вовсе не Крюков, а дальний родственник из деревни. Откуда-нибудь с Украины, например.

И предложил, как это принято в тамошних краях:

— Слухаю, жалуйтэсь!

— На что? На твои дурацкие приколы? — спросил строгий женский голос. — Скажи кому, и я с удовольствием пожалуюсь.

В другое время он бы обрадовался ее звонку, но не сейчас.

— Але, Ирина, это ты? Ты не очень вовремя, а если честно, очень не вовремя. Я тут сижусь в засаде...

— Засадишь в другой раз, — бестактно перебила она его. — А сейчас заткнись и слушай! Галина Зелинская покончила с собой. Меня не было дома, и она оставила сообщение на автоответчике. Я позвонила ей... Подошел ее муж Семен, сказал, что ее уже нет... Короче, там сейчас милиция.

Крюков опустил мимо табуретки, но даже не заметил своей ошибки.

— Что с ней случилось?

— Вскрыла вены.

— С какой стати?

— Я не знаю, а милицию это вообще не интересует. Факт самоубийства налицо, остальное для них не важно. А Семен не хочет при всех ворошить... Одним словом, приезжай скорее. Адрес помнишь?

— Конечно, базара нет... В смысле, уже еду.

Он убрал трубку в карман и поднялся.

— Слушай, Птенчик, я слиняю на пару часов по шкурному делу. Ты остаешься за старшего! — крикнул Крюков уже на ходу, скатываясь вниз по лестнице. — Кто полезет — стреляй на поражение!

— А если начальство с проверкой заявится? — поинтересовался гигант, перегнувшись через перила.

— Их можно по нога-а-ам! — раскатисто донеслось из глубины лестничного колодца.

6

Крюков ездил на особой машине. Это была бронированная, с двухсотсильным «Чайкиным» движком, «Волга», прослужившая свои лучшие годы сначала в «девятке» — сопровождении, потом в «семерке» — наружке. Там она и была выкрашена в салатовый, с шашечками, цвет тогдашних московских такси. Крюков купил списанную «рябуху» по цене металлолома и относился к ней крайне бережно — в мотор не лазил, не перекрашивал и не мыл. Даже дырки от пуль на внешнем корпусе не заделывал. С этим был связан единственный недостаток машины — она боялась дождя. Но в остальном проблем не было, и «рябуха», как ни странно, бегала, причем довольно бодро.

Крюков подошел к верной «рябухе», открыл дверцу салона и первым делом отключил сигнализацию. «Русский «Клифффорд» — граната РГД-5 на растяжке за педалью тормоза. Затем он открыл капот и запустил двигатель одним изящным движением — закоротив толстой отверткой клеммы стартера. Сама отвертка сгорала за пару месяцев до ручки, зато при такой технологии владелец мог не опасаться угона.

До дома Зелинских Крюков добрался минут за десять. Дверь в квартиру оказалась не запертой.

В комнате сидели двое — Семен Зелинский и Ирина. Тело Галины уже увезли в морг, милиция тоже ушла. Крюкову показалось, что даже люстра в комнате горит как-то пронзительно-тоскливо. Так бывает в доме сразу после того, как его посетила смерть.

Крюков имел в скорбных делах удручающе большой опыт. Он поставил на стол бутылку «Столичной» и попросил Ирину:

— Принеси стаканы.

Ирина принесла из серванта стограммовые лафитники. Крюков свернул пробку и налил Семену полную, а себе и Ирине до половины.

Выпили молча и без присловий про «землю пухом» и прочее. Наконец Крюков прервал тягостное молчание:

— Расскажите, наконец, как это произошло.

— Вот, прочти. — Семен бросил на стол сложенную газету «Версии и доказательства», на полях которой торопливым почерком было выведено несколько строчек.

Крюков прочитал предсмертную записку Галины:

«Прощай, мой дорогой. Спасибо тебе за то счастье, что у нас было. Я больна СПИДом. Жить с этим я не могу, объяснить тоже. Прости, если сможешь, и не тяготись моей памятью. Женись и живи. Только вспоминай меня иногда. Твой глупый Галчонок».

Крюков словно мелкий жулик спрятал защипавшие глаза и, прокашлявшись, пробурчал:

— Ментам это не показывал?

— Нет, — покачал головой Семен. — Зачем? Им и так все ясно. К тому же она не им писала, а мне. Это же не докладная: прошу в моей смерти винить такого-то. Я не прав?

— Не знаю. Наверно, прав.

Крюков налил еще. Снова выпили не закусывая. Наконец Крюков задал самый трудный вопрос:

— Откуда у нее взялся СПИД? Извини... Можешь дать мне в рожу один раз, но сильно. Только ответь: у Галины кроме тебя кто-нибудь был?

Зелинский не пошел навстречу предложению Крюкова и не стал его бить. Он лишь снова затряс головой:

— Нет, не было. Во всяком случае, мне про это ничего не известно. Но, думаю, она не стала бы ничего от меня скрывать. Она была необыкновенной женщиной!

Крюков прокурорским взглядом вперился в Ирину:

— А может быть, ты что-нибудь знала? Она ведь могла с тобой поделиться как с подругой?

Ирина оскорбленно поджала губы:

— А я бы тебе врезала с большим удовольствием! Не было у нее никого, и быть не могло! Сеня прав. Если бы Галке кто-то настолько понравился, чтобы с ним... Одним словом, Семен узнал бы об этом первым.

— Так, — принялся рассуждать Крюков. — Самую опасную, но самую вероятную версию можно считать практически закрытой.

— Просто закрытой, — поправила Ирина.

— Хорошо, просто закрытой, — согласился Крюков. — Поехали дальше. Уколы. Наркотики можно сразу исключить. А лекарства?

— Она даже таблеток не пила, а к врачам уже несколько лет не обращалась, — ответил Зелинский. — Лечилась по разным нетрадиционным системам. Раздельное питание, голодание, уринотерапия.

— Это в смысле мочу пить? — Крюков поморщился.

— Я предпочла бы пить мочу, чем попасть на операционный стол, — категорически заявила Ирина.

— Ну, если вопрос так ставить, я бы и дерьмо есть согласился. — Крюков прикусил язык, сообразив, что сострил не вовремя и не к месту. — Извините. Выходит, и медикаментозный вариант отпадает?

С ним согласились. Все понимали, что зашли в тупик. А из тупика выход известный — еще по пятьдесят граммов.

— Всем по чуть-чуть. — Крюков снова разлил водку по рюмкам.

Он отодвинул газету с предсмертной запиской Галины, чтобы ненароком ее не облить, и так и замер с бутылкой в руке.

— Вот оно! — шепотом воскликнул он.

В глазах Зелинского и Ирины, обращенных на Крюкова, было написано: «Не надо бы ему больше пить».

Но Крюкова не смутила их несправедливая оценка. Сейчас он сильно напоминал сам себе Архимеда, разве только не голого и не в ванне.

— Эврика, блин! Нашел! Вот это вам ни о чем не говорит?

Крюков повернул к собеседникам лежавшую на столе газету так, чтобы они смогли прочитать заголовки сообщений. И самый крупный из них, помещенный между материалами о выборах в Думу и предстоящем конце света, гласил: «ВИЧ-террорист орудует на улицах Москвы». В статье говорилось о том, что по улицам столицы бегают больной СПИДом маньяк, который в толпе колет прохожих шприцем, заправленным его собственной отравленной кровью. Делает прививки смерти. Здесь же приводилось пространное интервью, данное маньяком главному редактору еженедельника.

— И ты веришь в эту галиматью? — с сомнением спросила Ирина. — Наши

газетчики, если не могут раскопать сенсации, готовы сами на улицах людей резать.

Крюков резко остыл:

— Ты права, не сходится. Если бы такой маньяк появился, он обязательно прошел бы в сводке происшествий. А нам пока ничего подобного не сообщали.

— Вот видишь, — вздохнула Ирина. — И здесь тупик.

— Да, полный облом, — согласился Крюков.

— Пойдите! — вдруг встрепенулся Зелинский. — А что, если газета не врет? Месяца три назад Галина жаловалась, что в толкучке ее что-то больно укололо в бедро. Даже точку от укула показала. Она решила тогда, что укололась о чью-то булавку или шпильку. Пойдите, дайте вспомнить! Где же это было?

Зелинский изо всех сил постарался сосредоточиться.

— Вспоминай, где это произошло? — наседал на него Крюков. — На рынке? В магазине? В театре? В пивной? В очереди к мавзолею? Где? Вспоминай!

— Отстань от него! — потребовала Ирина.

— Вспомнил! Это случилось!.. — растерянно воскликнул Зелинский и осекся. — ...Это случилось в моем банке на презентации.

По раскисшей дороге вдоль высокого забора, отделявшего парк Боженково от воинской части, медленно ехал черный джип «ниссан-патрол». Когда-то он принадлежал касьяновцам, но позже в качестве трофея достался Рифу.

Риф сам вел мощную машину. Рядом с ним сидел Мясник.

— Ты будешь работать здесь. — Риф кивнул на забор гарнизона.

— У меня есть и другие дела, — напомнил ему Мясник.

— Не бойся, не переломишься. Функции у тебя будут в основном контрольно-надзорные. Здешний командир, полковник Павлов, еще та сука. За ним глаз да глаз нужен. Продаст — не заметишь.

— Нет проблем, за ним будет кому приглядеть. Лишь бы бабки вовремя шли.

— С бабками задержек не будет. У нас же собственный банк имеется.

Крюков удивленно свистнул:

— У тебя в банке работает Мясник. Точнее, работал.

Зелинский только что показал ему несколько фотографий, на которых была запечатлена та самая презентация.

— Вот этот парень в форме секьюрити — тот самый маньяк, которого мы уложили при задержании в Боженковском парке.

Зелинский впился глазами в лицо на фотографии.

— Значит, убийца — он?

— Не обязательно, — пожал плечами Крюков. — Теперь его не допросишь. Попробуй прокачать его по своим каналам. У тебя ведь есть служба безопасности. Кстати, судя по всему, он в ней и работал.

Зелинский замотал головой:

— Конечно, в моем банке есть служба безопасности. Но ее дело — вести разборки с конкурирующими крышами. Чем они, собственно, сейчас и заняты. С Касьяновской группировкой никак покончить не могут. А чтобы разобраться

в смерти Галины, следует провести квалифицированное частное расследование. Кроме того, я не могу доверять такое важное для меня расследование посторонним.

— Ты им не веришь? Так и скажи. Но я не знаю. — Крюков развел руками. — Я пока не вижу ничего, за что в этом деле можно было бы зацепиться. Скорее всего, ты прав. Маньяк сделал Галине инъекцию со СПИДом, потом мы его завалили. И то, что он погиб за месяц до смерти Галины, в данном случае дела не меняет.

Зелинский насторожился:

— Нет, меняет. Правда, я не знаю, как это...

— Кончай темнить, — разозлился Крюков. — Выкладывай все, что знаешь, иначе я отказываюсь работать.

— Хорошо, слушай самое главное, — выдавил Семен. — Я не знаю, стоит ли про это говорить... Короче, я не уверен, что Галина покончила с собой.

— Как это? Ты же сам сказал, что она вскрыла вены! И записка!

— Не хотеть жить и хотеть умереть — не одно и то же, — вздохнул Зелинский. — Выброситься из окна можно под влиянием секундного порыва, но вскрыть вены — на это нужна воля к смерти, причем не одномоментная, а достаточно продолжительная по времени. А ее у Галины быть не могло.

— И поэтому ты считаешь, что ее убили?

— Не только поэтому. Пойдемте со мной.

В прихожей Семен остановился и указал пальцем на входную дверь:

— Вот, смотрите. У меня две двери — внутренняя и наружная. Но петли на них с разных сторон, так получилось. Поэтому, чтобы, выходя из квартиры, открыть наружную дверь, нужно сначала до конца распахнуть внутреннюю. Видите? Если ее только приоткрыть, она будет мешать подобраться к замку. Но когда внутренняя дверь распахивается до конца, она каждый раз сбивает с крючка вешалки мою старую шляпу. Вот эту. Галя собиралась ее почистить, поэтому и не убирала в шкаф. Так вот, когда я пришел, шляпа лежала на полу возле двери ванной. То есть сначала была закрыта дверь ванной, потом открыта входная дверь.

— Почему ты не сказал об этом следователю?

Семен пожал плечами.

— Это ничего бы не изменило. Когда я вошел, то первым делом автоматически поднял шляпу с пола и повесил на место. Не мог же я сбросить ее обратно. К тому же следователь не велел ничего трогать.

— Детский сад! — снова развел руками Крюков. — Сначала он прячет все улики, а потом требует, чтобы я на пустом месте убеждал следователя искать убийцу.

— Не надо никакого следствия. Я хочу, чтобы вы нашли убийцу Гали. Вы не имеете права отказывать мне. — Зелинский ударил ладонью по столу. — Я должен, я просто обязан разобраться с этим делом! Ты, — указал он на Ирину, — хозяйка частного охранно-сыскного предприятия...

— Оно еще не открылось, — возразила она. — Сначала мне нужно оформить лицензию на себя, а для этого представить бумагу об окончании спецкурса. Потом нужно будет подготовить учредительные документы и пробить лицензию на создание охранного предприятия.

— Разве это проблемы? Диплом тебе сделаю хоть завтра — у меня в Латвий-

ском филиале Международной академии безопасности старый друг работает. Фирма мирового уровня, туда месяцами в очереди стоят. Что еще нужно? Деньги? Завтра получишь беспроцентный кредит на двадцать лет. Как депутат или генерал. Что скажешь, хозяйка?

— Никакая я не хозяйка! Меня Крюков в это дело втравил, пусть он и отвечает! Крюков, зачем тебе понадобилось делать из меня владелицу частного сыскного предприятия? Я была преуспевающим юристом...

— Ты им и осталась, так что ничего не потеряла, — возразил Крюков. — Зато приобрела...

— Что?

— Ну... Как бы это сказать... — Крюков замялся, подыскивая аргументы.

— Признайся, — потребовала Ирина, — что это нужно было не столько мне, сколько тебе!

— Мне? Зачем? — вытаращил глаза Крюков.

— И слепому видно! — кипятилась Ирина. — Ты собираешься оплату своих праведных трудов проводить через мою фирму, — закончила она свою мысль.

— А кому от этого плохо? — спросил Крюков. — Пойми простую вещь: в том варианте, который я тебе предлагаю, клиент заказывает за собственные деньги собственное расследование любой сложности. И ведут его не домотканые любители, а профессиональные сыщики и следователи. При посредничестве твоего частного сыскного предприятия. Естественно, неофициально. А официально наберешь в штат человек десять безобидных отставников-пенсionеров, которые не сильно пьют и в мафии не состоят. От таких тебе не придется ждать неприятностей, за которые твоя фирма может лишиться лицензии. Посадишь их охранять магазин или автостоянку и будешь платить скромную зарплату, отстегивать в казну скромные налоги и жить спокойно. А охрану, раскрытие преступлений и розыск пропавших я тебе обеспечу. Чего тебе еще надо?

— Сдаюсь! Давай отложим этот разговор. — Ирина виновато посмотрела на Зелинского. — Прости, Семен. Мы с Крюковым, кажется, слишком увлеклись своими проблемами.

— Теперь это и мои проблемы, — возразил Зелинский. — Так вы беретесь за это дело?

— Конечно!

— Ни за что!

Одновременно выпалили Крюков и Ирина.

Зелинский вдруг грустно улыбнулся и произнес:

— Слушайте, ребята, ну что вы тянете? Вы же созданы друг для друга. Женитесь! Из вас вышла бы замечательная пара. И Галя этого так хотела...

Ирина и Крюков в недоумении взглянули друг на друга, словно случайно встретившиеся кошка с собакой. Из этого состояния их вывел писк крюковского мобиля.

— Да? Нет! Сейчас еду. — Крюков убрал трубку в карман и обратился к Семену и Ирине. — Братцы, мне надо ехать. Боевая труба зовет. Тебя подвезти? — спросил он Ирину.

— Не надо, за мной мой Антон заедет.

— Он давно тебя ждет, — сообщил Крюков. — Когда я шел сюда, его гнилая синяя «копейка» стояла возле мусорных баков. Самое подходящее для нее ме-

сто. Прах к праху...

Он опять сообразил, что сострил не ко времени и проворчал:

— В общем, срамота, а не тачка. Давно бы новую купил.

— Это вообще-то не его машина, она за нашим банковским гаражом числится. Рухлядь, конечно, но мы с этим что-нибудь придумаем. Так как мое дело? — упрямо напомнил Зелинский.

— А ты разве еще не понял? — удивился Крюков. — Я им уже занимаюсь. Хотя и понимаю, что делаю большую ошибку. Говорила мне мама — не связывайся с олигархами!

— Кого ты имеешь в виду? — не понял Зелинский.

— Твоего пузатого босса Вагнера, хозяина «Ипсилона».

Хозяин финансовой империи «Ипсилон» Борис Семенович Вагнер не был олигархом, но стремился им стать. Несмотря на баснословное состояние, его и на пушечный выстрел не подпускали к капитанскому мостику страны.

От его денег не отказывались, его услугами охотно пользовались в верхах. Но даже самые неразборчивые в средствах политиканы воротили от господина Вагнера носы при малейшей его попытке протолкаться к общему столу власти и раздвигали локти, давая понять, что здесь занято.

Проблема состояла в том, что основой богатства господина Вагнера была торговля наркотиками. Об этом знали все. В связи с этим он долго и безуспешно пытался найти точку приложения своего капитала, которая позволила бы его легализовать. И, кажется, он такую нашел.

Покупка пакета акций новой мировой компьютерной сети «Юниверсал Телевижен», или сокращенно «Юнител», позволяла господину Вагнеру занять свободную нишу и стать монополистом в области систем связи. Кроме того, «Юнител» давал ему возможность решать свои сугубо практические задачи. А именно — поднять торговлю наркотиками на цивилизованный уровень.

В огромном кабинете с видом на Москву-реку господин Вагнер беседовал с полковником Павловым.

— Нам нужен свой политик, — говорил господин Вагнер. — Ты способен изобразить патриота? Бескорыстного и пламенного. Эдакого Долореса Ибаррури.

— Кто это? Имя знакомое, — наморщил лоб полковник.

— Стыдно не знать героев, — покачал головой Борис Семенович. — Он Троцкого убил. Пивной кружкой. Короче, патриота мы из тебя сварганим без проблем. Но и ты сам тоже должен кое-что сделать.

— Что? Убить Зюганова ночным горшком?

— Нет, всего лишь стать генералом. Полковники в политике не котируются. Желаю удачи.

Он нажал кнопку, и в кабинет вошел Риф.

— Проводи, пожалуйста, нашего гостя, — попросил его господин Вагнер.

Выходя в коридор, полковник Павлов услышал, как за его спиной Риф тихо спросил господина Вагнера:

— Вы считаете, что этот алкаш — именно тот, кто нам нужен?

— Если я неправ, уберем его и найдем другого попугая, — так же тихо ответил господин Вагнер. — Сам руки не пачкай, пусть им Спицын займется.

Начальник Главного управления оперативной разработки преступных группировок ФСБ генерал Асташков вызвал начальника отдела генерала Лентулова. Тот явился вместе со своим новым замом полковником Спицыным.

— Что нового по разработке Вагнера? — строго спросил Асташков.

— По сообщениям агентуры, он налаживает связи со Штатами, — доложил Лентулов. — Хочет поставить наркоторговлю на промышленную основу с помощью этой новой компьютерной сети. Вот документы. — Он взял из рук Спицына папку и передал начальнику.

Асташков полистал документы и нахмурился еще больше:

— Необходимо взять деятельность Вагнера под строжайший контроль. Поручите это вашему бывшему заму полковнику Тюрину. Ему нужно дать возможность реабилитироваться после неудачи с «Ипсилоном». Можете быть свободны.

Когда Спицын вышел, Асташков обратился к Лентулову:

— Вы не помните, кто именно занимался реорганизацией нашего главка?

— Я и занимался, — ответил Лентулов. — Что конкретно вас интересует?

— Что стало с группой «АД» — «Активных действий»? Ее тоже реорганизовали?

— Никак нет. Практически вся группа «АД» вместе с начальником подала в отставку. Кажется, они перешли в систему безопасности той самой финансово-промышленной группы «Ипсилон», на которой ожегся Тюрин.

— Это кое-что проясняет, — произнес Асташков. — Они все ушли в отставку?

— Не все, конечно. Несколько человек у меня в охране остались, в другие службы перевелись. Ребята надежные. Но основная часть ушла. Их группа была полностью укомплектована бывшими офицерами и сержантами отдельной штурмовой бригады оперативного назначения воздушно-десантных войск КГБ СССР. ОШБОНа, как ее называли.

— Штурмовиками-десантниками? — уточнил Асташков.

— Так точно. Когда у КГБ десантников отобрали, бригаду расформировали. Мой теперешний замполковник Спицын тогда их курировал. Их база дислоцировалась в Кургае. Они сперва и в Управление охраны вместе пришли, а потом в УОРПГ перевелись. Так же вместе и ушли. Одно слово, боевое братство. Они вас интересуют? Утечки боитесь?

— Сами же сказали — боевое братство, круговая порука. Наведите, пожалуйста, справки, — совсем не по-военному попросил Асташков. — И без лишнего шума.

— Сделаем, не волнуйтесь. Спицын их курировал, ему и поручу.

— Не надо Спицыну. Пусть этим также занимается Тюрин. Я его хорошо помню по работе в Афганистане. Считайте это моей личной просьбой. Заранее благодарен.

— Служим Советскому Союзу, — проворчал Лентулов и вышел из кабинета начальника главка.

Генерал Лентулов вернулся в свой кабинет. Несмотря на ночное время, работа в отделе не прекращалась. Генерал нажал кнопку селектора:

— Тюрин на месте? Пусть зайдет.

Полковник Тюрин вошел сразу, словно ждал за дверью.

— Разрешите?

— Проходи, садись. — Генерал закурил. — Как на новом месте? Не обижают? Ладно, не расстраивайся. Асташков дал тебе шанс реабилитироваться. Займись вплотную Вагнером.

— Уже занялся. — Полковник положил на стол перед генералом папку с меморандумом.

— Откуда ты знал, что мне понадобится именно Вагнер?

— Здесь не только Вагнер. В папке материалы по контактам наших наркоторговцев с границей. Вагнер здесь просто первый. А то, что он в России является хозяином компьютерной сети «Юнител», делает его особенно опасным.

— Ну хорошо. — Генерал встал и подошел к окну. — Держи это дело под личным контролем. Докладывай мне или Спицыну. Больше никому.

За окном тихо падал запоздавший в этом году первый снег...

Полковник Павлов вышел из вагнеровского дворца на улицу и заскрипел подошвами по свежему снежку. Нырнув в салон черного «ауди», скомандовал водителю:

— Давай молнией в Боженовский гарнизон. Поди, баня уже остыла, водку выжрали, а баб всех перетрахали, пока я тут с этими мудаками штаны просиживаю. А ведь жизнь дается только раз и прожить ее нужно так... Ох, е... твою мать, раз...ебай! Уволюсь на хер!

Водитель так резко рванул с места, что полковник едва не откусил себе язык. За всю дорогу он не разу не улыбнулся. Напротив, его лицо все больше мрачнело.

Он с раздражением следил за вихрем снежинок, разбивающихся о лобовое стекло, и верил, что если дождь к удаче, то снег, а тем более первый, и подавно.

В жизни генералу Павлову фатально не везло. По крайней мере, он сам так считал. Не успел он принять Отдельную штурмовую бригаду оперативного назначения ВДВ, в просторечье именуемую ОШБОНОм, как ее вывели из состава КГБ, а затем и упразднили сам всесильный комитет.

Служить в армии полковник не собирался. Он занял высокий пост в президентской охране, но в схватке за мозговую кость проиграл главному президентскому телохранителю и снова был вынужден уйти. На сей раз недалеко — в только что созданное при ФСБ управление по разработке преступных группировок.

Чтобы возглавить его, он принялся откровенно, ва-банк, интриговать против своего начальника. Но бессовестный олигарх, на которого генерал Павлов сделал ставку и на чью помощь рассчитывал, не только устранил тогдашнего начальника Управления, но и ликвидировал всю опасную для него контору вместе с полковником Павловым.

Полковник Павлов вынужденно принял оскорбительную для себя предпенсионную должность командира потешной части — Боженовского хозполка Арбатского военного округа. Здесь и предстояло ему совершить свой подвиг, организовать последний «Фейерверк».

Одинокий шестиэтажный дом, некогда задуманный как «домик друзей» и построенный для президента и его свиты в Зимнем проезде, ныне пустовал.

Из обитателей здесь осталось жить лишь двое — помощник президента Шнопак, недавно перебравшийся в престижный дом, и его всесильный патрон — незаменимый лейб-цирюльник, по-нынешнему президентский визажист, Марат Тоцкий.

Они сидели в новой квартире Шнопака, откуда недавно съехал бывший премьер. Причем отбыл он так стремительно, что забыл закрыть краны в ванной. Следы потопа и сейчас виднелись на вздувшемся паркете.

Помощник президента и парикмахер пили джин с тоником.

— Что скажешь? — уныло спросил Шнопак.

— Хватит ныть, противный, — грубо оборвал его Марат. — Это расследование не первое и не последнее. И я не затем сюда забрался, чтобы поднимать ручки и раздвигать ножки при первом же шухере.

— Но что мы завтра скажем президенту? — недоумевал Шнопак. — К тому же эфэсбэшники ходят за мной по пятам. Я это жопой чувствую.

— Жопой не чувствуют, а ощущают. Так гораздо приятнее, — отметил Марат. — Не бзди, дорогуша. Во-первых, я увижу президента раньше, чем ты, и уж тем более раньше, чем недоумки из ФСБ. И все ему объясню.

— Что ты объяснишь? — наседал Шнопак. — Рекламный проспект «Юните-ла» ему покажешь? Будешь советовать президенту встретиться с Вагнером самому и за стаканом разобраться?

— Шнопак — дурак. Один-ноль в мою пользу. — Марат поднялся и добавил в стакан джина.

— Хватит трепаться! — обиделся Шнопак. — А как ты собираешься объяснить, что интересы и безопасность государства, все его, блин, секреты мы решили доверить заморской импортной фирме?

— Во-первых, не импортной, а совместной. Почти государственной монополии! — поднял палец Марат. — А во-вторых, все наши государственные секреты и так давно находятся в руках импортных фирм. Какая, по-твоему, видео- и телефонная аппаратура стоит в Кремле? В Думе? В «Белом доме»? Может быть, наша? Завода «Пролетарская связь»? Нет, противный мой друг! «Филипсы» там везде стоят да «сименсы». И все телевизионные и телефонные сети, соответственно, тоже их. Так чего нам бояться? Пусть эти контрики ежика голый жопой пугают!

— Если ежик увидит твою жопу, он умрет от инфаркта, — сказал Шнопак и залпом выпил свой стакан.

На ночные улицы тихо опускался снег. Черное небо было сплошь усеяно мелькающими белыми точками. В открытый ветровичок резко задувал ветер со свежим снежным запахом. Уличные фонари, казалось, горели особенно ярко. Хотелось стихов.

«Ну кто бы мог подумать? — негодовал Крюков. — Зима, вроде, только началась, и вдруг на тебе — снег. Как снег на голову».

В соответствии с национальной традицией Крюков оказался абсолютно не готов к приходу зимы. «Дворники» с «рябухи» у него недавно поперли, а резина на колесах была совершенно лысой — на такой удобнее выделывать финты и кульбиты. Зато сейчас, по легкому, слегка подтаявшему снеговому покрытию, его «рябуха» катилась как корова по льду. Но выбора не было, приходилось торопиться.

Крюков спешил не напрасно. Над засадой нависла серьезная опасность. Ему позвонил дежурный и сообщил, что начальник управления вместе со своим замом по оперработе отправились в ночной рейд по Москве, дабы со всей строгостью проинспектировать группы, работающие в ночную смену, и, в первую очередь, их смелую засаду.

Недавно переведенный с целью «укрепления руководства» из ФСБ и назначенный начальником Управления специальной службы полковник Старшинов привел с собой и зама по оперработе — майора Майорова. Должности у обоих были перспективные, на служебный вырост в генералы. В оперработе же ни тот, ни другой не смыслили ни бельмеса, поэтому с рвением принялись внедрять во вверенный им коллектив тезис: «Нам умные не нужны, нужны дисциплинированные».

Подобно молнии — не то, чтобы так быстро, но такими же зигзагами — Крюков достиг своего многоэтажного окопа и поднялся на лифте. Птенчик дремал напротив заветной двери, Грека — вероятно, на своей бальзаковской подруге.

«А оргазм я им все-таки поломаю!» — с недостойной радостью отметил про себя Крюков и возвестил:

— Аларм! Ахтунг! Увага!

И зазвонил во вдовью дверь.

Птенчик флегматично приподнял голову. Если бы не красная штанцмарка у него на лбу, которым он во сне опирался на стену, никто бы и не подумал, что он спал. Грека появился из соседней квартиры как ни в чем ни бывало, застегивая ширинку.

— Вот пописал, — не без смущения пояснил он товарищам. — А что случилось? Индейцы напали?.. Иль гонец появился наконец?

— Сейчас дорифмуешься. Будет тебе гонец на твой конец, — пообещал Крюков. — И потный индеец под длинный язык. К нам едет ревизор. Начальство с проверкой.

— Кто именно едет? Абрамыч или кто-то из «двойки»?..

— Угадал, приятель. Флаг тебе в руки и мешок семечек от президента. Едут, причем оба сразу в одной упаковке. Один трахает, другой сушит, потом первый снова трахает. И так по кругу. Технология, апробированная Минздравом. Приказываю занять места согласно боевому расчету, — распорядился Крюков.

— Встретим салютом и парадом?

— Отставить. — Крюков нахмурился. — Есть мнение инстанции, что проверка будет негласной. Враг подкрадет незаметно, на задних лапках, чуть дыша. Ну, и получит отпор. По рогам и в упор.

— Не понял. Мы их что, бить, что ли, будем? — недоумевал Птенчик.

— Можешь расцеловать в ягодицы, если это тебе доставит удовольствие, — предложил Крюков. — А я врежу. Один раз, но сильно. Когда еще такой случай представится? Все, шагом марш по норам! Грека, ты скроешься у вдовы. Глупый Птенчик робко спрячет тело жирное за мусоропроводом. Нападаем по моему сигналу — один зеленый свисток.

Грека кивнул и исчез за дверью. Где-то внизу дернулся и пошел наверх лифт. Крюков прислушался. Лифт остановился этажом ниже, потом пошел дальше наверх.

— Ты врубился? — спросил Крюков своего помощника. — Ух, и умные у нас начальники. Прямо как Маркс и Энгельс. Или Каменев и Зиновьев. Один ниже вышел, второй наверх поехал. В клещи берут. Птенчик, ты вешаешь хомут тому, кто пойдет сверху. Бей наповал, не мучай. Повторяю, другого такого случая не представится.

— А если убью? Посадят ведь.

— Не бзди! Я скажу на суде, что он первым на тебя напал и ты защищался. Но зато в управлении о тебе сложат песни и былины, а ради этого стоит жить. Даже в тюрьме. Стоп, замри!

Снизу осторожно поднимался человек. Сверху также слышались осторожные шаги. В ночном подъезде трудно пройти незамеченным. Крюков и Птенчик укрылись в непроницаемой тени мусоропроводного стояка. Гости — один сверху, другой снизу — сошлись на площадке перед квартирой, и майор зашептал на весь подъезд:

— Я же говорил, товарищ полковник, что их здесь не будет! Никого! Я бы этого Крюкова!..

Полковник раздраженно пробасил:

— Утром всех ко мне, майор. Всю команду на ковер!

— Ты берешь стихоплета! — Крюков хлопнул Птенчика по плечу.

Ревизоры за разговором не расслышали приближения опасности. Крюков подкрался к майору Майорову, нагнулся, дернул его за ноги и уложил носом в пол. Затем пропустил под свое правое колено согнутую правую ногу противника и заломил ее на болевой. Ловкость ног и никакого рукоприкладства.

Птенчик тем временем поступил еще проще. Он прихватил полковника Старшинова за большой палец руки и небрежным движением, как бы легонько встряхнув, завел его за спину к полковничьему же затылку. Полковник, хрюкнув, уткнулся носом в резиновый коврик рядом со своим замом.

Крюков с трудом удержался от желания засветить начальнику по затылку рукояткой пистолета. Он громко и внятно произнес:

— Один зеленый свисток!

Грека тут же вынырнул из-за вдовьей двери, звеня наручниками.

— Младший лейтенант Папасраки, зачитайте задержанным их права! — торжественно, как слова пионерской клятвы, произнес Крюков.

— Я не Папасраки, а Папастраки! — Грека растерянно замычал, соображая, что именно надо говорить. В основном в голову ему лезли сцены из американских боевиков и попури на темы родной Конституции. — Вы имеете право на труд, право на отдых и право... на самоопределение! — выпалил он наконец.

— Вплоть до отделения. Аминь! — подтвердил Крюков. — Теперь можете подняться. Но что это? Кого я вижу? Товарищ майор? Вот так встреча! Товарищ полковник? Быть не может! Ай, как нехорошо получилось! От лица вверенного мне подразделения прошу прощения за причиненные телесные повреждения! Как менее, так и более тяжкие.

— Ничего-ничего. — Полковник Старшинов вовсе не обиделся. Он с кряхтением поднялся и принялся отряхивать пальто и брюки. — Это мы, с проверкой. Вижу, службу несете бдительно, ничем, так сказать, не отвлекаясь. Отмечу в приказе. Что, не ждали?

— Ну прямо как снег на голову! — Лживые глаза Крюкова выражали неподдельное изумление.

— Как ты меня заломал? — спросил его майор Майоров. — Что за приемчик?

— Секретный, — таинственно сообщил Крюков. — Из арсенала ниндзя. Называется «Падение спелой сливы на опавшую листву сакуры».

— Спелой сливы? Красиво, блин! Надо запомнить. Молодец. Ладно, имей в виду — мы больше не приедем, так что если еще кто в квартиру полезет — бей на поражение. Как меня. Хе-хе. Шучу. Хвалю от лица службы. Можете проздравиться от имени руководства.

Начальство вызвало лифт и отбыло восвояси, донельзя довольное результатами проверки.

— Я знаешь о чем думаю? — поигрывая ненужными кандалами, задумчиво протянул Грека. — Если Майорову подполковника дадут, фамилию он тоже менять будет?

— А ты свою поменять не хочешь? Тебе бы больше подошла простая русская фамилия Какашкин, — осадил подчиненного Крюков.

— Во-первых, лучше иметь фамилию Какашкин, чем такое имя, как у тебя! — с обидой воскликнул Грека. — А во-вторых, за мою фамилию большие бабки платить надо. Меня в школе за десять лет учебы всего три раза к доске вызывали. И каждый раз весь класс полчаса от хохота лежал. И в армии лишний раз ни в наряд, ни в караул не ставили. Конечно, заделаться депутатом или президентом с такой фамилией мне не светит. Зато так жить спокойнее.

— Хорош умничать, Шопенгауэр. Вали к своей безутешной вдове, — напутствовал его Крюков. — Двигай, Грека, раком в реку.

— Она не моя вдова. Я, во-первых, живой, а во-вторых, неженатый. — Грека с обиженным видом скрылся за дверь.

— Вот так всегда. Кто по бабам, а мне опять всю ночь под дверь торчать, — посетовал Птенчик.

— Вот хрен-то, — принял непростое решение Крюков. — Поехали ко мне. Назло начальству и всем бабам в мире проведем ночь как мужчина с женщиной. Ну, чего ждем, противный? Поколбасили!

В скромной однокомнатной квартире Крюкова они уселись на кухне и откупорили принесенный с собой пузырь. Крюков достал из холодильника НЗ в виде банки соленых огурцов и окаменелого от древности фаллического фрагмента копченой колбасы, похожего на уменьшенную модель памятника русско-грузинской дружбы на Тишинке.

— Ну что, помянем Лешку? Не может же это быть тот наш Мясник? Туфта это все — зомби, вурдалаки. Нету их в природе. И быть не может! А тогда кто?

Крюков пожал плечами:

— Да кто угодно. Группа товарищей-единомышленников косит под маньяка-одиночку. Комиссары в пыльных шлемах, из которых одного убьют, а на его место двое становятся. Зачем им это надо? А хрен их знает. Мало ли на свете уродов? Сатанисты, сумасшедшие, просто идиоты по жизни, наконец. Ты спать собираешься?

— Расхотелось что-то, — буркнул Птенчик.

— Ну как хочешь. Сиди, кукуй. А я пойду маленько покемарю. Через час надо выдвигаться.

На парк Боженково и соседствующий с ним гарнизон тихо ложился первый

снег. Высокие ели и островерхие крыши военного городка неузнаваемо преобразились. Ни дать ни взять — Рождественская сказка.

Мясник не мог не отметить волшебной красоты окружающей картины. Секунду-другую он следил за полетом снежинок в ярком луче прожектора, потом подозвал часового-контрактника, стоявшего на страже склада артвооружения.

— Держи. — Он протянул часовому маленький пакетик со шприцами. — Тут две дозы. Уколешься, когда сменят, не раньше. Смотри, узнаю, что на посту стоите наширявшись — халява кончится.

— Да ни в жизнь! Что я, не понимаю, что ли! — выпучив глаза, забожился солдат.

Но Мясник знал, что тот врет. Стоит ему отойти подальше, как тот пойдет за угол и вколет дозу. Но это его не беспокоило. Он остался доволен результатами обследования. По его прикидкам, на складе хранилось по меньшей мере несколько тонн снарядного гексогена.

Опасный груз долго возили по железным дорогам, отфутболивая от одной станции к другой, потом он торчал на запасных путях, и наконец его привезли сюда, в забытую Богом и Министерством обороны воинскую часть, именуемую гарнизоном Боженково, или «хозполком Арбатского военного округа», и свалили на склад до лучших времен.

Вконец запутавшийся в коррупции, погрязший в сделках и склоках с нелегальными арендаторами, командир части полковник Павлов видел проблему в особом свете — гексоген пришлось разместить на складе, который он собирался сдать наркоторговцам, и уже успел получить с них аванс.

Но Мясник не собирался решать для него эту проблему. Столько гексогена ему было не нужно. Для «Фейерверка» хватило бы и пары сотен килограммов. Чтобы «Фейерверк» удался, кроме гексогена требовались и другие материалы, но и с этим проблем не было. Для того чтобы готовить взрывчатую смесь и хранить аммонал, требовалось помещение. Сырой подвал для этого не подходил. Мясник знал, что готовый аммонал достаточно удароустойчив, но боится воды. От влаги он мог сдетонировать в ответ на механическое или тепловое воздействие. Кроме того, аммонал терял силу от длительного хранения, но этого Мясник не боялся. Он собирался использовать взрывчатку в самое ближайшее время.

«Надо будет взять в помощники пару бомжей, — подумал он. — Своих людей привлекать нельзя. О «Фейерверке» не должна знать ни одна живая душа».

Мясник растер по лицу влажные снежинки и криво усмехнулся.

8

Крюков и Птенчик, разумеется, через час никуда не выдвинулись. Крюков выспался, послушал могучий храп Птенчика, доносившийся из кухни, и решил, что теперь самое время размяться.

Он сотню раз отжался на кулаках и попрыгал на них, поприседал раз по тридцать «пистолетиком» на каждой ноге по очереди и столько же раз перепрыгнул через спинку стула.

Вместо люстры в центре комнаты висел сорокакилограммовый боксерский мешок. Крюков натянул на руки снарядные перчатки — «блинчики», взял в каждую руку по килограммовой гантельке и принялся обрабатывать мешок сериями ударов и пинков.

Сначала удары были несильными, рассчитанными скорее на скорость, чем на силу. Но постепенно их мощь возросла. Наконец небольшой каскад пушечных залпов разбудил Птенчика. Тот так же оглушительно зевнул и произнес:

— Ты че, командир, опять дурью маешься? Сколько раз тебе повторять, что в тренировке самое главное — правильное питание. У тебя там в холодильнике размяться нечем?

Птенчик от природы был наделен внушительными размерами и богатырской силой и по этой причине физическими нагрузками обременять себя не любил.

Они позавтракали в ближайшей пивной, а когда, наконец, добрались до своей засады, то были приятно удивлены, обнаружив под охраняемой дверью Греку. Тот важно вышагивал, как аист по болоту, и так же широко зевал во весь клюв.

— Ты за телефоном следил, извращенец? — строго спросил его Птенчик.

— Глаз не спускал! — заверил его Грека с такой искренностью, что даже старый хитрый Крюков ему поверил. И напрасно.

— Ты, гвоздика, не п...зди-ка! — процедил Птенчик сквозь зубы.

Он проверил память определителя и выдал на-гора свежий результат:

— Ночью был звонок. Командир, запиши номер. Надо его проколоть.

— Бу сделано, господин хороший! — отрапортовал Крюков. — Ты пока узнай по номеру адрес, позвони в местную контору, участковому, поспрошай его. А я потом сгоняю и прокручу оперативную установочку по месту жительства. А сейчас крепко всех целую! Гр-р-руппа! Слушай приказ: по табуреткам сидеть! Так держать, с якоря не сниматься! Ждите изо всех сил. Может, сегодня кто-нибудь вылупится?

— А ты куда?

— На кудыкину гору воровать помидору. У меня плановая встреча с агентом. Всем привет! — Он посмотрел на часы. — У-ю-юй! Опаздываю!

И исчез. Птенчик с Грекой понимающе переглянулись.

— П...здит? — задал риторический вопрос Грека.

— Как Троицкий, — кивнул Птенчик. — Я его утром застукал. Опять тренировался.

— Старческие причуды. Раз ты ему помешал, теперь он в спортзал побежит, — пожал плечами Грека. — Налицо ураганно прогрессирующий маразм и необратимое впадение в детство.

Оба покивали головами с сочувствием к преклонному возрасту начальни-

ка. Крюков был лет на пять старше Птенчика и на все десять сопляка Греки. Обоим он казался ветхозаветным старцем...

После тренировки Крюковым овладела приятная истома. Из этого состояния его вывел сигнал мобильного телефона.

— Чаво надо? — лениво поинтересовался он в трубку. — Ах, это вы, Сан Саныч?

Подлинное имя и отчество начальника отдела оперативной разработки Управления спецслужбы майора Галкина, прямого и непосредственного начальника Крюкова, было Александр Абрамович, но звали его по привычке застойных времен Сан Санычем.

— Я, — ответил начальник. — А это вы, Пал Палыч?

— Я, — отозвался Крюков, хотя звали его совсем по-другому.

— Вы сейчас где? — поинтересовался начальник.

— В засаде! — бодро отрапортовал Крюков.

— И как дела?

— Будем брать... — Крюков едва подавил зевок.

— Ничего не берите, — рапорядился шеф. — Двигайтесь в отдел срочно. Я вместо вас группу Панченко пришлю.

— Ну что вы, Сан Саныч, — заныл Крюков. — Вы же знаете, сколько моя колымага бензину жрет. Может, не надо в отдел?

— Вы нахал, Крюков, я вам отпуск перенесу!

— Спасибо, гражданин начальник! Поскольку на прошлой неделе вы мне его уже перенесли на следующую зиму, значит теперь перекидываете обратно на лето?

На том конце трубки что-то громко упало. Спустя несколько секунд начальник смог возобновить диалог:

— Все! Не приезжайте! С меня довольно! Слушайте внимательно: проводится общегородское мероприятие. Объявлен розыск СПИД-террориста. Спуститесь в ближайшее метро и возьмите в комнате милиции его фоторобот. С утра в дежурной части телефоны раскалились. Ходит, подлец, по центру города и шприцем со спидовой кровью людей колет. Его в ГУМе сыщики из спецотделения случайно выпасли, думали — карманник, но упустили. В туалете в урне нашли шприц-тюбик с остатками крови и нож вроде того, что изъяли у Мясника. Фоторобот и приметы маньяка по всем отделениям и комнатам милиции разослали, даже в вытрезители. Вы проедете по лабораториям, где работают с кровью. Особенно по тем, где делают анонимный экспресс-анализ на СПИД. Покажите фоторобот персоналу, может быть, кто-то его опознает. Пишите адреса лабораторий, я продиктую. Пospрашивайте там как следует. Персонал в основном женский, вы это любите. К тому же маньяки — ваше хобби.

— Значит, все-таки проявился спидовый террорист? Вот здорово! — искренне обрадовался Крюков. — Диктуйте ваши адреса!

— Да? — обиделся начальник. — И чему же вы, Крюков, радуетесь? И что же здорово? С нас за этого террориста семь шкур спустят! А у нас, между прочим, своя линия работы имеется! Борьба с распространением наркотиков. И план горит!

— Учитесь радоваться предстоящим трудностям, так йоги советуют. Нам хлеба не надо — работу давай! Я вам завтра уши этого террориста подам на

блюдечке с голубой каемочкой. А еще лучше — натолкаю ему полные карманы маковой соломки. Тогда он и нам, убогим, в план пойдет. Хотите? Или вы мне не верите? Почему это вы так тяжело вздыхаете? Вам плохо? Ответьте!

— Ох, Крюков, я вам верю. Потому и вздыхаю. Я все никак не решу, что же опаснее для общества? Иметь такую преступность или такого борца с преступностью, как вы? Ладно, диктую адреса лабораторий. Пишите. И не забудьте взять компьютерный фоторобот преступника.

Крюков достал ручку с блокнотом и скептически усмехнулся. Техника составления фотороботов за последнее время значительно продвинулась вперед, чего нельзя было сказать о наблюдательности свидетелей. Ее недостаток зачастую компенсировался буйной фантазией. Поэтому, как правило, фотороботы выходили на одно лицо, причем кавказской национальности. Лучше бы свидетели, да и опера, кстати, конкретные приметы запоминали, чем портреты по памяти сочинять.

В комнате милиции станции метро «Площадь Ногина» (новых названий Крюков до сих пор не знал) кроме дежурного околачивался младший лейтенант Иванашко. С Крюковым его объединяло большое взаимное чувство, они друг друга на дух не переносили. Иванашко работал в одном из центральных отделений милиции и за приличную мзду прикрывал банду пенсионеров, которые пополняли свой стариковский бюджет за счет распространения наркотиков в розницу, как другие торгуют сигаретами.

Крюков такую старость не уважал и искоренял наркоторговлю без скидки на почтенный возраст дилеров, которые, прожив жизнь, не нажили ни ума, ни совести. Иванашко платил ему тем, что в отместку старательно отлавливал среди мелких нарушителей порядка крюковских стукачей и накручивал им административные санкции на полную катушку. Его постоянно мучила совесть, оттого что он не может впаять им какую-нибудь статью уголовного кодекса.

— Чего приперся? — ласково встретил Крюкова старый недруг. — Я твоего жиденка-стукачонка, который с табличкой «Куплю золото» крутится, вчера на десять суток оформил. За «поссал в общественном месте». Я же тебе говорил — здесь моя земля. Хочет покупать рыжье в моем переходе, пусть мне отстегивает. Ваши отношения меня не кантуют. Понял?

— Заткни помойку, ****ашка, не до тебя сейчас, — отмахнулся от него Крюков и обратился к дежурному. — Где тут у тебя фотоморда спидоносца?

Тот протянул ему стопку фотороботов. Как Крюков и предполагал, это был плод коллективной фантазии, помноженной на компьютерную графику, под названием «Портрет неизвестного мужчины». Лицо, лишенное какой бы то ни было определенности. Особые приметы — усов и бороды нет, очков не носит. Крюков посмотрел на фоторобот, потом на себя в зеркало и обнаружил с разыскиваемым поразительное сходство. Потом пристально взглянул на дежурного. Тот тоже оказался похож. Крюков сличил фоторобот с личностью недруга-микромайора. Маньяк был вылитый Иванашко, ну просто как две капли воды.

— Слушай, ****ашка, а спидоносца-то на тебя смахивает! — обрадовал его Крюков. — Дашь пять долларов, тогда никому не скажу!

— А рублями не возьмешь? — нахально поинтересовался друг стариков.

— Рублями теперь даже твои старые наркопердуны не берут, — осадил его Крюков. — Значит, не дашь? Ну и хрен с тобой! Мне эта морда еще пару-тройку знакомых напоминает. Пойду их потрясу, может, раскошелятся. Не все же такое говно, как ты!

И гордо покинул комнату милиции.

— Сам ты говно! — Иванашко не сразу нашел что ответить, поэтому ему пришлось орать через весь вестибюль, к неопишуемому восторгу публики.

Еще бы! Когда менты ругаются между собой, для народа это — праздник души. А уж когда дерутся!.. Но такое, увы, случается крайне редко.

Крюков остановил машину у очередного белого здания с красным крестом. В отличие от обследованных им ранее, бюджетных и убогих, это можно было считать утопающим в богатстве. Дорожки не растрескались, облицовка не выщерблена, фонари горят. Чем не роскошь по нынешним временам?

На табличке у двери значилось: «Центр исследований крови. Фонд Вагнера». Собственно, Центр исследований крови занимал небольшое боковое крыло основного, действительно роскошного здания медицинского вагнеровского комплекса.

На вахте Крюкова остановил охранник в камуфляже. На его нарукавном шевроне значилось: «РИФ-секьюрити».

— Странно, — заметил Крюков, помахав перед носом охранника своей ксией. — Ведь вашу контору, вроде, разогнали.

— Это там проблемы, — страж неопределенно покрутил над головой пальцем, — наверху, в главном офисе. Мы к их паклям отношения не имеем.

— Смотри-ка, одно дело делаем, — удивился: — Крюков и представился. Крюков из спецухи.

Он протянул охраннику руку. Тот пожал ее и представился в ответ:

— Драгун.

Крюков на всякий случай продемонстрировал охраннику универсальный фоторобот. Но тот лишь отрицательно покачал головой.

— По такому документу и себя не узнаешь! У персонала поспрашивай. Только когда внутрь пойдешь, клевый прикид не забудь надеть.

И выдал Крюкову обязательный для прохода в помещение комплект: безразмерный белый халат и белый же поварской (на докторский он мало походил) колпак, который сразу съехал Крюкову на уши. На ноги пришлось намотать похожие на тряпичные валенки бахилы.

Приобретя столь молодцеватый вид, Крюков вяло поплелся по коридору. Он чувствовал себя пугалом и полным идиотом. Ходить по Центру и приставать с вопросами к женскому персоналу как-то сразу расхотелось. Но альтернативы не было. Крюков вздохнул и открыл первую дверь в надежде, что наткнется на мужика. Хозяйкой кабинета была женщина, молодая и красивая. За неимением шпор Крюков звякнул завязками бахил. Не получилось. При этом он особенно четко ощутил, как колпак съезжает ему на уши.

— Здрасьте, доктор, — как можно веселее сказал он. — Я ищу брата, пропавшего в годы войны в блокадном Ташкенте. Не поможете? Вот его портрет, взгляните. Видите, как мы похожи? А что вы делаете сегодня вечером? В смысле, как вас зовут?

— Вечером, как видите, я работаю, делаю анализы крови. А зовут меня Ма-

рия.

— Мария, а к вам не обращался похожий человек? — Крюков показал ей фоторобот. — Внизу отмечены параметры его крови: четвертая группа, резус отрицательный.

Мария нервно усмехнулась:

— Вы не себя имеете в виду? Этот портрет похож на вас, а заодно на половину моих знакомых. Лучше признайтесь откровенно, зачем он вам понадобился. Или ваше ведомство без секретов жить не умеет?

— Какие секреты могут быть от красивой женщины? — Крюков произвольно приосанился, забыв об идиотском колпаке на ушах. — Маньяк шляется по улицам и ширяет всех подряд шприцем со спидовой кровью. Может, знаете такого или слышали что-нибудь?

По глазам женщины и вазомоторной реакции (если не выпендриваться, это значит, что у нее лицо покраснело) он безошибочно определил, что она что-то знает. Но не скажет, это он тоже понял.

— Вряд ли я смогу вам помочь, — неуверенно протянула Мария.

Помявшись, Крюков приподнялся со стула.

— Тогда я пошел. Извините. Не буду мешать.

Он вышел в коридор и исполнил детский прикол — потопал ногами на месте, изобразив затихающие шаги. Потом он припал ухом к неплотно закрытой двери. Он, конечно, сильно рисковал — мог бы и дверь по уху получить. Но мог также получить и ценную информацию. И она не заставила себя ждать. Судя по всему, Мария кому-то звонила. Причем вместо того, чтобы набрать номер, она просто постучала по рычагу для трубки. Крюков догадался, что у них на один номер как минимум два аппарата и Мария как раз вызывает тот, другой. Он напряг слух.

— Алло, Лидка? — спросила Мария. — У меня только что был человек из милиции. Он интересовался маньяком, который колет людей шприцем с зараженной ВИЧ-инфекцией кровью. Помнишь парня, который привозил тебе кровь на анализ, якобы его Галина рекомендовала? Анализ тогда оказался положительным. Ты с ним случайно не...? Да ладно, вы же как-то встречались пару раз. У тебя нет его данных? Очень жаль. Почему я на него подумала? Нет, фоторобот вообще не похож, но на нем отмечены группа крови и резус. Людей с четвертой группой и отрицательным резусом не так много. Его анализ делала я, поэтому и запомнила. Конечно, совпадение возможно, но очень маловероятно. Разберешься? Ну пока!

Крюков никаким образом, даже с риском получить не только по ушам, но и по носу, не смог бы услышать другого телефонного разговора, который состоялся вслед за этим. Закончив разговор с Марией и положив трубку, Лидка тут же набрала нужный номер.

«Только бы он взял трубку», — думала она.

Он взял трубку. Лидка была счастлива.

— Хэлло, Антон! Узнал? Что звоню? Сегодня тобой интересовались. К Марии приходил мент с фотороботом, она предупредила меня. Нет, фотка не похожа, но там отмечена группа крови. Предупреди своего друга. Ну, того, чью кровь на анализ привозил. Хорошо, узнаю подробности, тогда встретимся.

Спустя час после ухода Крюкова Мария собралась идти домой. У дверей ее

остановил охранник. У него было какое-то странное имя. То ли Гусар, то ли Драгун. Он наклонился к ней и тихо спросил:

— Чего хотел этот парень из ментовки?

Мария пожала плечами:

— Искал какого-то маньяка.

— А он не упоминал таких имен: Риф или Бурый?

— Нет, ничего подобного. Он вообще никаких имен не упоминал.

Мария почувствовала, что ее охватывает раздражение. Мало того, что она устала как ломовая лошадь и ничем не могла помочь своим пациентам. К этому добавилась внезапная смерть Галины, визит этого болвана из милиции, а теперь еще и идиотский допрос.

— Слушай, как тебя там, Гусар, я могу, наконец, пройти? — резко спросила она.

Драгун не обиделся.

— Конечно. Иди, но будь осторожна. И поменьше распускай язык. Возможно, от этого будет зависеть твоя жизнь.

— Ты мне угрожаешь? — изумилась Мария.

— Дура, я тебя предупреждаю. Почувствуй разницу.

По дороге домой Марией овладело необъяснимое чувство тревоги. Пару раз ей даже показалось, что ее преследует какой-то тип в длинном плаще. Но на пересадке в метро он отстал и больше не появился.

9

— Разрешите, товарищ генерал? — Полковник Тюрин вошел в кабинет Лентулова.

— Входи, не стесняйся. Здесь все свои.

Генерал имел в виду своего нового зама. Полковник Спицын стоял у большого окна кабинета и, казалось, был целиком погружен в созерцание заснеженного городского пейзажа.

— Разрешите доложить информацию по Вагнеру? — спросил Тюрин.

— Валяй, — махнул рукой генерал. — Может, что новенькое услышим.

— Сведения настораживающие. Вагнер имеет тесные связи со спецслужбами. Работает на всех и всех использует. Об этом свидетельствуют утечки совершенно секретной информации на разных уровнях, вплоть до самого высокого. Я переговорил с начальником агентурного отдела полковником Рудаковым. По его информации, Вагнер организовал крупные поставки афганского героина в Соединенные Штаты. Но ему мешают конкуренты из кавказской группировки. Сегодня вечером я жду курьера. Подозреваю, что осведомители Вагнера имеются и в нашем управлении.

Брови Лентулова в недоумении поползли на лоб:

— И с такими данными этот Вагнер еще ходит на свободе? Я немедленно доложу начальнику главка!

— Не спешите, — вздохнул Тюрин. — Это не поможет. Вагнер является лучшим другом и спонсором помощника президента господина Шнопака и Марата Троцкого, главного президентского визажиста, а попросту говоря, цирюльника. Президент очень считается с их мнением.

— По вопросу прически?

— По разным вопросам.

— Это же какие-то пережитки самодержавия, — развел руками генерал и, помолчав, добавил: — И что ты предлагаешь?

— Подождать. Через два часа мой связник предоставит нам полную и исчерпывающую информацию по интересующему нас вопросу, — отчеканил Тюрин. — Он везет коды доступа в святая святых сети «Юнител» — систему управления. Она называется «Малой пирамидой». Информация сверхсрочная и сверхсекретная.

— Источник вашей информации входит в окружение Вагнера? — снова спросил генерал.

Тюрин бросил взгляд на напряженную спину застывшего у окна Спицына. Казалось, тот весь превратился в слух.

— Нет. — Тюрину пришлось несколько исказить факты. — Информация получена от американцев, из Агентства по борьбе с распространением наркотиков.

— Пошлите своих людей встретить связника, — распорядился генерал.

— Они готовы. Вот мой приказ. Завизируйте.

— Я, пожалуй, пойду, — заспешил вдруг Спицын. — Надо в структуре «Юнитела» покопаться.

У себя в кабинете он достал трубку мобильного телефона и набрал номер.

— Алло, Риф? Нужно срочно встретиться. Очень срочно.

Внутреннее убранство одной из казарм Боженовского гарнизона, в которой располагались контрактники из взвода охраны, напоминало бункер Гитлера сразу после взятия его советскими войсками. Отличие было в одном — вряд ли на полу фашистского логова валялось столько использованных шприцев.

Мясник ворвался в казарму и обвел ее уничтожающим взглядом. Свободные от караула, в основном, пребывали в глубокой отключке. Единственным дееспособным человеком среди них казался Сармат. Он валялся на койке, потягивал пиво и смотрел по виду «тряпочную» копию еще не вышедшего на экраны «И целого мира мало» с Джеймсом Бондом.

— Сармат, подъем по тревоге! Халтура подвернулась, — сообщил Мясник. — Есть маза пострелять.

Сармат быстро поднялся и стал обуваться. Было заметно, что предложение повоевать его обрадовало.

— Давно пора, — тихо проворчал он. — А то без боевых совсем тут сдуреешь. Чем вооружаться?

— Возьми «винторез» и «шмель». Я жду на улице.

И Мясник поспешно вышел на свежий воздух.

Черная «Волга» двигалась от центра Москвы по Ленинградке в направлении аэропорта Шереметьево. Машина проскочила мост над каналом, не снижая скорости миновала блокпост ГАИ. Инспектор только покачал головой, посмотрев вслед. Номера ясно указывали на принадлежность машины к автопарку ФСБ. Она пролетела новую автомобильную развязку с окружной дорогой и помчалась по трассе в сторону Питера. Справа мелькнули огни жилых домов, потом потянулись бесконечные заводские заборы. Автомобильная рация зашипела:

— Сто четырнадцатый, ответь Старикуну!

Молодой, спортивного вида, человек, сидящий рядом с водителем, неволь-

но подтянулся и выкинул в окно сигарету. Он узнал голос начальника — полковника Тюрина.

— На приеме сто четырнадцатый!

— Где находитесь?

— Проскочили Химки, скоро поворот на Шереметьево. Успеем, не волнуйтесь, встретим курьера вовремя!..

Он не договорил. Из кустов с обочины шоссе прогремел выстрел. Зажигательная капсула, выпущенная из огнемета «шмель», ударила в машину и превратила ее в пылающий факел. Горящая «Волга» слетела в кювет и опрокинулась. Никто из экипажа даже не попытался открыть заклинившие дверцы — все сторели почти мгновенно.

А буквально через пару секунд после взрыва от обочины отъехала такая же черная «Волга» — близнец с точно такими же эфэсбэшными номерами и направилась в сторону аэропорта...

Самолет прилетел вовремя, но солидный, похожий на дипломата пассажир так торопился покинуть аэропорт, словно опаздывал на собственные похороны. Вещей у пассажира, кроме небольшого кейса, не было. Он беспрепятственно миновал «зеленый коридор» и прошел к выходу из аэропорта. Стеклопакеты двери аэровокзала автоматически раздвинулись перед ним, и он оказался на улице.

Увидев солидного клиента — на вид вылитый дипломат или крутой фирмач — к нему тут же рванулись пираты асфальтированных просторов, но тот не обратил никакого внимания на посыпавшиеся с разных сторон заманчивые предложения прокатить с ветерком и девочками. Солидного пассажира должны были встретить. И он не ошибся.

Расталкивая возмущенных извозчиков, сквозь их нестройные ряды как ледокол «Ленин» среди байдарок и каноэ пробился сумрачного вида человек в черной кожаной куртке. Он подошел вплотную к дипломату и тихо сказал:

— Вы Николай Романович? Все в порядке, я от Тюрина. Можете называть меня Антоном. Я буду сопровождать вас до места.

Он предъявил удостоверение сотрудника ФСБ, после чего кивнул на стоящую поодаль черную «Волгу»:

— Едем, нас ждут.

Солидный пассажир бросил взгляд на номера и убедился, что машина принадлежит его службе. Он сел на заднее сиденье и расслабился. Встретивший его человек сел рядом и хлопнул водителя по плечу:

— Давай, Сармат, гони!

В машине сопровождающий скинул куртку. Короткий рукав черной майки задрался, и на левом плече обозначилась татуировка — весело оскаленный череп с крылышками и надпись: «ОШБОН-КУРГАЙ».

— Можете отдохнуть, считайте, что вы уже дома. Давайте ваш чемоданчик, — предложил он связному.

Тот в ответ лишь отрицательно покачал головой и продемонстрировал железную цепочку, соединяющую его запястье с ручкой кейса. После этого связник откинулся на спинку сиденья и как будто задремал. Чувствовалось, что последнее время он находился в сильном напряжении.

Неожиданно гость открыл глаза. «Волга» летела по великолепно отделанной кольцевой дороге.

— Скажите, Антон, разве мы едем не в Москву? — спросил гость.

— Мы спрячем вас на нашей новой базе в Боженово. Там прекрасные дачи. Там вам будет удобнее встретиться с полковником Тюриным и генералом.

— Приехали, сворачивай, — велел водителю сопровождающий.

Машина притормозила и свернула на узкую дорогу, тесно обсаженную по обеим сторонам высокими старыми липами. Здесь машина остановилась.

— Прибыли. Дальше пешком. — Сопровождающий полез из машины.

Гость вылез следом. Сопровождающий повел его мимо темного длинного барака. В лицо дипломату пахло тиной и сыростью.

— Мы идем к реке?

— Да, там мост, — кивнул провожатый.

По шуму воды дипломат определил близость плотины. Они свернули за угол, и он понял, что не ошибся. Свет луны отражался в неподвижной глади водоема. На плотину падала черная тень от высокого штабеля прогулочных лодок, вытасненных на зиму из воды.

— Ну вот и пришли. — Сопровождающий повернулся к связнику и ткнул его парализующим электрошокером. — Теперь можете называть меня просто Мясником.

— Сармат, помоги! — Мясник склонился над лежавшим на земле связником. — Сумку захвати!

Сармат подбежал, вынимая на ходу из кожаной сумки небольшой врачевательный несессер. Он собрал шприц и наполнил его из большой ампулы.

— Держи его, засучи рукав. Слишком сильно ты его вырубил, — сделал он замечание Мяснику, но тот лишь отмахнулся.

Сармат медленно, сверяясь с секундной стрелкой на светящемся циферблате, ввел лекарство в вену связнику. После долгой паузы тот стал приходить в себя. Он открыл глаза и сделал попытку дернуться, но его удержали. Мышцы связника напряглись. Предупреждая его попытку вырваться, Мясник ударил его основанием ладони в лоб. Удар привел к неожиданным результатам. Вместо возбуждения пленник вдруг стал обмякать и прямо на глазах отключился.

— Блин, я же его слегка приложил!

— Не бзди, сейчас разбудим. Свяжи его, только покрепче. Чтобы рыпнуться не мог.

Сармат говорил тоном начальника, и Мяснику оставалось лишь повиноваться. Он принес из багажника толстую веревку и крепко стянул руки и ноги связника. Потом посмотрел на Сармата:

— Что ты теперь хочешь сделать?

— Сейчас вколю ему лошадиную дозу амфетамина. При пробуждении у него будет мощный выброс энергии, и вся она сублимируется в словесный понос. Будет языком чесать — хрен остановишь.

— Откуда ты все знаешь? Ты что, был врачом?

— Зубным техником. А в детстве посещал кружок «Юный химик». Во, видишь? Проснулся. Задергался! Диктофон врубай!

Спустя десять минут связник окончательно вырубился.

— Отстегни кейс. — Мясник снова обрел свое руководящее положение.

Сармат быстро справился с браслетом и отнес добычу и кассету с показаниями связника в машину. Когда он вернулся, Мясник уже разрезал связывав-

шую пленника веревку.

— Помоги, — сказал он.

Вдвоем они подхватили тело и потащили к возвышающемуся над плотной высокому речному берегу. Здесь из глубокой пещеры вытекал ручей. В глубь горы уходил горизонтальный штрек, укрепленный гнилыми деревянными подпорками. Самые отчаянные смельчаки не рисковали проникать в пещеру далее десяти-двенадцати метров.

Сгибаясь в три погибели и матерясь, Мясник с Сарматом затащили бесчувственное тело метров на тридцать. Сармата невольно пробрала дрожь.казалось, что он уже никогда не увидит звездного неба.

— Хорош, — сказал наконец Мясник. — Уходим.

— Мы оставим его здесь? — спросил Сармат.

— А ты бы хотел переть его и обратно?

С недоброй усмешкой Мясник извлек из-за пояса нож и наклонился к связнику.

— Посвети, — приказал он Сармату.

Тот понял, что если он сейчас выкажет слабость, Мясник оставит в пещере не один, а два трупа.

Он направил луч фонаря туда, куда велел ему Мясник, и отвернулся. Но внезапно взгляд его зацепился за маленький блестящий предмет. На шее Мясника на золотой цепочке болтался маленький золотой череп с крылышками — талисман, взятый убийцей у Волкодава.

— Ты что замер?

Из оцепенения Сармата вывел окрик Мясника. Пока тот мыл окровавленные руки и нож в ледяной воде ручья, Сармат ломал голову на предмет того, как ему вылезти из смертельной ловушки, в которой он оказался. И о том, сколько еще времени ему отпущено.

Генерал Лентулов и полковник Тюрин сидели в генеральском кабинете. Из всего освещения горела лишь массивная зеленая лампа. Она придавала лицам обоих мертвенный оттенок. Полковник Тюрин был и без того бледен. Его твердо сжатый рот превратился в узкую щель. Он взглянул на часы. Операцию можно считать полностью проваленной.

Полковник нажал кнопку связи.

— «Старик» — всем! Отвечать только тому, у кого есть информация по объекту или группе обеспечения!

— Докладывает сто восемнадцатый. Самолет объекта прилетел черыре часа назад. На таможне он не отмечен, вероятно, прошел «зеленым коридором». Из аэропорта уехал на черной «Волге». Номерной знак...

— Машина наша, — заметил генерал.

В динамике рации снова щелкнуло.

— Сто третий на связи. Докладываю: машина с группой обеспечения была взорвана на Ленинградском шоссе и полностью сгорела вместе с людьми. Это затруднило идентификацию, поэтому нам сообщили только сейчас. Видимо, это случилось в тот самый момент, когда с ними прервалась связь.

— Почему не среагировали сразу? — спросил генерал.

— Сочли, что связь прервалась по техническим причинам, — пояснил полковник. Сами знаете — материальная часть на ладан дышит. Аппаратура ла-

таная-перелатаная.

— Это ясно. Мне другое непонятно, — остановил генерал привычный поток жалоб полковника на отсутствие современной техники. — Откуда люди Вагнера могли узнать о прилете связника?

Тюрин развел руками.

— Полной информацией обладали трое: вы, я и Спицын. Решайте сами, кого подозревать.

— Ну хорошо. — Генерал потер затылок. — Допустим, мы трое вне подозрений. Кто остается?

Тюрин пожал плечами:

— Полковник Рудаков, конечно, тоже мужик проверенный, но кто знает, не ведет ли он свою игру на стороне Вагнера?

— Кстати, где сейчас Вагнер?

— По моим сведениям, в Нью-Йорке.

Генерал Лентулов снова закурил.

— Хотел бы я знать, что он там делает, в этой Америке. Ох, как бы хотел знать!

За окнами по-прежнему тихо падал снег.

10

В Нью-Йорке было тепло. Градусов пятнадцать. Деревья шумели зеленой листвой. Длинный представительский «мерседес» мистера Вагнера двигался через Манхэттен по прихотливым изгибам Бродвея. Следом за ним, но на почтительном удалении, следовал микроавтобус ФБР. Кроме него в наблюдении были задействованы еще две машины.

Кавалькада давно проскочила между Линкольновским центром искусств и Центральным парком, миновала церковь Грейс-черч. За ратушей, не доезжая Федерального резервного банка, длинный «мерседес» непонятно как свернул под острым углом, потом повернул еще раз и выскочил к Бруклинскому мосту.

— Объект движется через Ист-ривер на Лонг-Айленд, — доложила рация. — Предположительно в направлении Бруклина... Неужели встреча будет на русской территории?

Тут рация поперхнулась и замолкла. Руководивший операцией специальный агент ФБР Роберт Мерфи, похожий на актера Эдди Мерфи, загримированного под Майка Тайсона, изрыгал проклятия:

— Вот дерьмо! Где связь? Фак е маза-фаза-систа-браза!

Так ругаться его научил далекий друг мистер Крюк, с которым они вместе боролись когда-то против международной наркомафии.

«Ох уж эта мне русская мафия! — думал специальный агент Мерфи. — Неужели придется снова лететь в Россию?»

Тем временем рация снова ожила:

— Шеф, он движется через Бруклин в направлении на Рокауей. Как слышно? — доложил помощник.

— Тебя нормально. Если бы так же слышать то, что происходит внутри салона вагнеровской телеги!

— Шеф, с этим проблема! Микрофон не работает, но радиомаяк исправен. Сигнал хороший, сидим на хвосте плотно.

Месяц назад оперативной группе под руководством Роберта Мерфи с большим трудом удалось внедрить к Вагнеру шофером своего агента. ФБР получило информацию, что сегодня Вагнер собирается встретиться с представителями нью-йоркской наркомафии, чтобы договориться о способах доставки товара. Поэтому Мерфи со своей группой неотступно преследовал Вагнера от самого дома.

Но сейчас, в самый ответственный момент, связь с агентом почему-то прервалась. К счастью, радиомаяк, который агент поставил на представительский «мерседес» Вагнера, исправно посылал сигналы о его местонахождении.

— И все же не нравятся мне такие совпадения, — заявил Мерфи.

— Шеф, так, может быть, взять его?

— И что мы ему предъявим? Неоплаченный счет из «Макдональдса» или штраф за неправильную парковку? Хотя мой друг Крюков именно так бы и сделал. Но это там, в далекой, благословенной и счастливой России, где народ так беден, что не в состоянии содержать армию пронырливых адвокатов, а назойливому журналисту можно просто врезать по носу.

«Мерседес» снова непостижимым образом свернул в узкий проулок, где едва мог проехать, не ободрав свои черные лакированные бока.

— Куда это он, шеф? — не понял водитель микроавтобуса, в котором ехал Мерфи.

— Понятия не имею. Смотри, сейчас мотоцикл собьет.

Дорогу «мерседесу» перегораживал мотоцикл без седока. «Мерседес» затормозил и едва не уперся в него бампером. Микроавтобус с сыщиками остановился на почтительном удалении.

— Что будем делать?

— Не могу понять, зачем он сюда забрался.

— Смотри!

Люк в крыше «Мерседеса» открылся, и из машины выскочил человек. Он ничем не напоминал Вагнера. Судя по фигуре, он был молод. Определить точнее не представлялось возможным — голову незнакомца скрывал мотоциклетный шлем с темным стеклом. На неизвестном были надеты кожаные штаны и кожаная безрукавка. Он пробежал по капоту машины, спрыгнул на землю, затем вскочил на мотоцикл и завел движок.

— Уйдет! — воскликнул Мерфи.

Как всегда, специальный агент Мерфи оказался прав. Оставив шлейф дыма, мотоциклист рванул по проулку и скрылся за ближайшим углом.

— За ним!

Куда там! «Мерседес» перегораживал проулок так, что мимо него и человеку было трудно пролезть. Одна машина попыталась вести преследование, но из этого ничего не получилось. Мотоциклист как в воду канул.

Остальные оперативники собрались возле «мерседеса». За тонированными стеклами разглядеть что-либо внутри салона не представлялось возможным.

— Разглядели парня? — спросил Мерфи.

— Как ты его разглядишь? Он же был в шлеме.

— А примет не было?

Рост выше среднего, физически развит. Стоп! У него на плече была татуировка! То ли птица, то ли череп с крыльями и какие-то странные буквы. Может, китайские? Почему он был в безрукавке? Ему жарко?

— Да, жарко, потому что он русский и привык к морозам. И буквы у него на плече не китайские, а русские, — подтвердил Мерфи.

— Значит, все-таки русская мафия?

— Что будем делать? Вагнер, кажется, не собирается никуда уезжать.

— Ал, залезь внутрь и отгони машину на более широкое место, — велел Мерфи своему водителю. — Не думаю, что внутри ты обнаружишь мистера Вагнера. Но если я ошибаюсь, не забудь с ним поздороваться. И постарайся не продавить крышу.

Водитель залез на багажник, затем проследовал до люка. Здесь он засунул голову внутрь салона и тут же высунул обратно.

— Шеф, — крикнул он, — отогнать машину не удастся, придется тянуть.

— Это еще почему?

— Там водитель. Он сидит за рулем. Он убит, сэр!

— Вот дерьмо! — прорычал Мерфи. — Этот подлец убил нашего парня!

— Он его зарезал, сэр! — сообщил водитель. — Причем зверски. Тут все залито кровью!

— Этот подонок его расшифровал, поэтому и микрофон не работал! — Мерфи с такой силой саданул кулаком по багажнику «мерседеса», что от удара осталась неглубокая вмятина. — Теперь мистер Вагнер, чего доброго, потребует, чтобы мы вымыли и почистили обивку его салона.

— Его надо брать, шеф, — стоял на своем помощник.

— А в чем ты собираешься его обвинить? Уверен, в полицию давно поступило его заявление об угоне «мерседеса». Операция закончена, дождемся криминалистов и едем в отдел.

В Москве по-прежнему мело и морозило. Когда специальный агент Мерфи матерился в его адрес на двух языках, сам мистер Вагнер уже спокойно сидел в уютном маленьком ресторанчике в центре Москвы, потягивал водку со льдом и ожидал прихода нужного ему человека. Он давно заметил пристальный интерес, проявляемый к его персоне спецслужбами.

Такое внимание не могло ему понравиться, но и оставить подобные выпады без ответа он не мог. Особенно сейчас, когда практически все было поставлено им на карту. Необходимо было срочно принять контрмеры.

Господин Вагнер издали увидел своего гостя и помахал ему. Когда тот подошел, он кивком указал ему на место за своим столиком. Внешность гостя изобличала в нем лицо кавказской национальности в ранге высокопоставленного чиновника.

— Можете не представляться, я вас узнал. Что вам угодно? — Гость даже не старался скрыть своего раздражения.

— Сейчас объясню, — с готовностью ответил господин Вагнер. — Очень любезно с вашей стороны было встретиться со мной. Надеюсь, вы приняли необходимые меры предосторожности? Ну и замечательно. Тогда расслабьтесь, посмотрите, как здесь красиво. Вы здесь раньше не бывали? Я так и думал. Ведь с вашим другом господином Рудаковым вы обычно встречаетесь в другом месте, господин Асланбек? Если я не ошибаюсь, именно так звучит ваша агентурная кличка?

Гость вздрогнул.

— Я не...

— Перестаньте, не унижайте себя ложью или оправданиями. Я прекрасно знаю, что вы — осведомитель ФСБ, которому закладываете своих братьев по вере и общему делу. Но я не требую от вас признания. В конце концов, это ваш маленький гешефт. Просто хочу напомнить, что вы предатель. Это для того, чтобы вас не удивило мое предложение. Вам придется выполнить привычную работу. Но, разумеется, если вы будете согласны.

— Что я должен сделать?

— Вы должны будете передать своему хозяину некую секретную информацию.

— И что это за информация? — севшим голосом спросил гость. — Я же должен знать хотя бы общий смысл того, что передаю.

— Это фамилии. Фамилии сотрудников ФСБ, которым вы и ваши друзья платите деньги. Что вы раздумываете? Эфэсбэшники вам за это орден дадут и денег заплатят. Они будут благодарны вам за работу, а ваши соотечественники — за то, что вы не продали настоящих сообщников. И овцы сыты, и волки целы.

— А не наоборот?

— Насчет овец вам виднее. Мы живем в эпоху, когда следует учитывать все факторы, даже самые противоречивые и незначительные.

Гость нервно облизнул пересохшие губы:

— Вы что, хотите, чтобы этих людей расстреляли?

— Очень хочу, — признался господин Вагнер. — Но вряд ли это получится. У нас уже не расстреливают предателей. А жаль, так было бы гораздо надежнее...

Вернувшись к засаде, Крюков первым делом поинтересовался:

— Ну что, телефон, по которому сюда кто-то звонил, прокололи?

— Так точно, — доложил дисциплинированный Птенчик. — Вот адрес. Квартира принадлежит пенсионеру Финочкину. Он ее сдает каким-то парням.

— Давай-ка звякнем для начала. — Крюков принялся набирать номер. — Может, там вообще никто не живет?

— Засветимся, — предостерег Птенчик.

— Ни хрена.

В трубке слышались длинные гудки. Наконец ответил молодой, с хрипотцой, мужской голос:

— Смольный на проводе.

— Эй, старик, позови Джимми Хендрикса, — залепил Крюков первое, что пришло в голову.

— У нас нет такого парня, — ответил неизвестный и повесил трубку.

В небольшой однокомнатной квартирке на тринадцатом этаже веселье было в самом разгаре. Телефонный звонок лишь на секунду привлек общее внимание. Трубку снял хозяин, а вернее, съемщик помещения, хакер по кличке Бонза.

— Смольный на проводе, — по обыкновению представился он.

— Кого там? — глубоко затянувшись сигаретой с дрянью, спросил его приятель Никсон.

— Хрен его знает. — Бонза в непонятке покрутил головой. — Какого-то

Джимми Хендрикса. Наверно, не туда попали.

— Если им действительно нужен Джимми Хендрикс, они точно не туда попали, — ухмыльнулся Никсон. — Здесь крепче дури и колес не употребляют.

Он вернулся к подружке, которая не сводила глаз с их третьего друга, Антона. Тот, в свою очередь, целиком погрузился в изучение информации, светившейся на компьютерном мониторе. Внезапно он встал и направился к холодильнику за очередной бутылкой пива. Девушка тут же заняла его место за компьютером. Никсон подошел к ней сзади:

— Эй, Мальвина, не влезай — убьет! — предупредил он.

Девушка была бы довольно привлекательна, если бы не зеленовато-голубой цвет торчащих в разные стороны волос.

— Но это же обычная игра. «Армагеддон», — прочитала она на экране монитора.

— Да, игра. Только не совсем обычная, — страшным шепотом сообщил ей Никсон. — Тут непонятно — кто с кем играет. Вроде ты кнопки нажимаешь, а она тебя тем временем зомбирует. Поиграла полчаса, потом берешь ножик, убиваешь соседку и снова садишься играть. И ничего не помнишь.

— А Антону почему можно? — с вызовом спросила Мальвина.

— Это кто тебе сказал, что мне можно? — Антон бесцеремонно приподнял ее со стула. — Я вот еще полчаса поиграю и пойду людей резать, как тот Мясник. Смотри, этой ночью мне не попадись. И вообще, вали в угол, развлеки Питера. Видишь, скучает человек.

— А кто он? Я его не знаю.

— Вот и познакомишься. Это наш лучший друг — нод из Питера. Они там своих хакеров нодами называют. А мы его зовем Питером. Давай, он не укусит. Тем более, Питер — это то же, что Пьеро.

— А может, мне как раз надо, чтобы укусил! — Мальвина хлопнула Антона по спине и разочарованно направилась в угол комнаты, где сидел питерский хакер.

— И вообще, надо говорить не «хакер», а «хэкер», — поправил Бонза.

Никсон наблюдал за этой сценой с явным неудовольствием...

В особняке Божененово царила темнота. Пространство вокруг ограды просматривалось инфракрасными камерами. В бывшем дворце Касьяна все окна были закрыты глухими ставнями.

Риф вошел в комнату связи. Здесь царил полумрак. Светились лишь экраны компьютерных мониторов и лампочки подсветки.

— Что случилось? — спросил он начальника группы связи.

— На конспиративную точку номер шесть прибыл гонец из Нигерии. Доложил по электронной почте. А телефон не отвечает.

— Хорошо, — ответил Риф. — Сегодня же пошлю связного для проверки. Возможно, обычная неисправность. Что еще?

— Точка снабжена спецкабелем и через «Армагеддон» имеет выход в Малую пирамиду. Если это не «обычная неисправность», оборудование необходимо уничтожить, — сообщил начсвязи. — Оно ни в коем случае не должно попасть в чужие руки.

— Не волнуйся, — успокоил его Риф. — Я пошлю квалифицированного специалиста. Он сам на месте разберется и примет адекватные меры...

В квартире на тринадцатом этаже снова зазвонил телефон. На сей раз трубку взял Питер.

— Антон, это тебя, — сказал он.

Антон выслушал короткое сообщение.

— Понял, уже выхожу, — ответил он и положил трубку, потом обратился к друзьям. — Мне надо отвалить. Срочное дело.

— Да? Ну, тогда и я исчезаю, — капризно сообщила Мальвина.

— Я, пожалуй, тоже, — поддержал ее Никсон.

— Ну и валите, козлы, — обиженно протянул Бонза. — Мы с Питером лучше телок вызовем. — Да, Пит?

Но тот, видимо, перебрал горячительного, уже дремал в глубоком кресле.

В засаде наметились первые признаки разложения. К ночи Крюков окончательно заскучал.

— Пора завязывать, — решительно заявил он. — Абрамыч обещал прислать Панченко на замену. Вокруг такие дела творятся! Тарелки летают, маньяки свободно ходят! А мы здесь вчерашний день караулим. Табуретки на выносливость испытываем.

— А что тут плохого? — не согласился Грека. — Тепло, светло, табуретки новые, люди вокруг хорошие.

— Особенно твоя вдова, — съязвил Птенчик. — Но у нас с Крюком, в отличие от тебя, здесь родственников нет. Я согласен, командир, пора сваливать. Хоть сейчас.

— Тихо! — прошипел Крюков.

Снизу из гулкого колодца ночного подъезда послышались осторожные шаги. Человек тихо поднимался по лестнице, стараясь не производить лишнего шума. Криминала в подобных действиях, конечно, не содержалось, но людей знающих такая манера настораживала.

Крюков знаками отправил подчиненных вместе с табуретками на верхнюю площадку. Он отвернулся, так как при виде крадущейся машины Птенчика и мумия Ленина не смогла бы удержаться от смеха. Сам Крюков снова укрылся в тени мусоропроводной трубы. Где же еще спрятаться мусору, как не рядом с мусором?

Неизвестный не заставил себя ждать. Голову его закрывала шапка-маска, на нем был надет черный бушлат армейского покроя и черные штаны, заправленные в ботинки с высокими берцами. Эдакий ниндзя в зимнем исполнении.

Бушлат был перехвачен широким ремнем, на котором крепилась поясная сумка и большой нож. В опущенной руке гость сжимал пистолет с глушителем.

Гость подошел к двери квартиры, возле которой больше суток торчали сыщики, и она открылась. При этом он не стучал, не звонил и даже не произносил заклинаний. Скорее всего, связался с временным жильцом по рации. Тут Крюков и покинул свое убежище.

Противник, услышав шум за спиной, резко обернулся. Черный набалдашник глушителя качнулся в сторону Крюкова, но в этот момент с грохотом горного камнепада с верхней площадки скатился Птенчик, а за ним, правда, с меньшим шумом, Грека.

Ночной визитер отвлекся лишь на долю секунды, но Крюкову хватило и этого, чтобы ударом ноги выбить у него пистолет. Тому пришлось отскочить от двери, чтобы не быть раздавленным массой Птенчика. Путь в квартиру был ему теперь закрыт.

— Держите дверь, — скомандовал Крюков.

Услышав шум, осажденный попытался было захлопнуть ее изнутри, но Птенчик так рванул ее на себя, что наверняка вывихнул бедняге руки из суставов. Грека крутился за спиной гиганта, не имея возможности прорваться к полю битвы.

Но битвы не получилось. Таинственный посетитель, не принимая боя, скользнул к окну лестничной площадки и выхватил из ножен огромный нож с крупными зубьями по обуху. Крюков потащил из-под куртки свою главную артиллерию — двуствольный обрез. В критические дни этот предмет неизменно вселял в него чувство уверенности.

Противник взмахнул ножом. Раздался щелчок, и из упора-ограничителя рукоятки вдруг растопырились крючкообразные лапы. Одну из лап он зацепил за железные перила лестницы и ломанулся спиной прямо в оконное стекло. Крюков успел заметить, что от массивного кольца в основании рукоятки ножа к сумке на поясе визитера тянется тонкий трос.

Через мгновение ночной посетитель исчез в ночной тьме, и только колебания натянутого троса и сквозняк из разбитого окна говорили, что это был не бестелесный призрак.

Крюков извлек из кармана выкидной нож, щелкнул клинком и полоснул по тросу. Послышалось звяканье металла о металл.

— Стальной, зараза! Грека, кусачки! И в лифт!

Но и кусачки, которыми Грека с такой ловкостью перегрызал всевозможные провода, оказались бессильны. А прежде чем Крюков сумел подналечь на них изо всех сил, натяжение троса ослабло. Это означало, что беглец достиг земли. В ту же секунду гостеприимно раскрылись двери подошедшего лифта.

— Отставить лифт, — распорядился Крюков. — Птенчик, как у тебя?

В отличие от остальных, Птенчику было чем гордиться. Скованный наручниками черный постоялец нехорошей квартиры лежал носом вниз.

— Тащи понятых, — приказал Крюков Греке. — Лучше поздно, чем никогда.

— Картина художника Лисснера «Выход поляков из Кремля», — блеснул интеллектом Грека. — Он там мышей и кошек не сожрал?

И отправился будить свою вдову.

Мышей и кошек осажденный не жрал. Зато на кухне Крюков обнаружил рассыпанные по столу среди черных пластиковых капсул с героином запасы крупы, растворимого кофе и сахара.

— Похоже, он это все насухую трескал, — предположил Птенчик. — Водичкой бы, что ли, размочил. Плохо без электричества?

Пленный радостно закивал и ткнул пальцем в угол. Крюков заглянул за стул и увидел, что осажденный в поисках утечки электроэнергии развинтил розетку. Та же участь постигла и остальные, кроме той, в которую был включен компьютер. Он был снабжен стабилизатором напряжения с аккумулятором, поэтому наркоторговец успел забить в память материал, с которым работал.

Теперь этот материал был перед глазами. На экране виднелись списки на

английском языке, снабженные комментариями. Крюков посмотрел на атрибуты открытого файла. Цепочка была довольно странной. Сначала значилась сеть «Юнител», затем шла надпись «Игра «В пирамиде»», после нее «Апекс». Замыкала цепочку надпись: «Малая пирамида».

Надпись внизу экрана спрашивала — собирается ли пользователь удалить программу. В этом случае вся информация могла быть уничтожена одним нажатием кнопки подтверждения. Крюков вовремя уловил движение пленника и торопливо нажал клавишу «N», то есть «нет». Списки на экране сохранились, но в углу появилась красная маска-табличка с надписью: «Информация строго конфиденциальная. У вас есть минута для подтверждения права пользования».

— «Минутка»!

Вирусная программа с таким названием уничтожала всю информацию на носителе, а также размыкала и заклинивала информационную цепь по прошествии одной минуты с момента предупреждения, если в нее не вводился условный код или пароль. После этого повторно войти в сеть с данного компьютера было уже невозможно. Поэтому ее часто использовали в качестве шифра для особо важных материалов.

Бытовало мнение, что «Минутку» изобрели яйцеголовые умники «Юните-ла» для борьбы с конкурирующими сетями.

Крюков и Птенчик растерянно пялились на экран как два барана. Нигери-ец не скрывал детской радости.

— Он наверняка пароль знает, — высказал свое мнение Птенчик.

— Тогда спроси у него, — предложил Крюков. — Ты знаешь английский или суахили? По-человечески он вряд ли поймет. Скажи: «Акуна матата»!

— А что это значит?

— Хрен его знает. Может, ругательство? Типа — ты бы мог быть моим сыном, если бы я в тот раз забыл надеть презерватив. Ну, короче, маму твою... По звукам очень похоже.

— Тогда лучше не говори. А если на языке жестов спросить?

— Как это?

— Ствол ко лбу приставить. Может, поймет?

— Не поверит. Нашего так расколоть еще можно, а эту табуретку черного дерева — хрена.

«Бум! — сообщила надпись на мониторе. — Вы проиграли, ваша пирамида рухнула!»

Крюков плюнул и выключил ставший ненужным прибор. В прихожей слышались голоса приглашенных Грекой понятых.

Пока делали обыск, составляли протокол и доставляли черного невольника в ближайшую ментовку, где имелась камера, бесконечно долгая ночь подошла к концу. Они вернулись в свою контору. Большие напольные часы в кабинете начальника пробили шесть часов. Крюков упал на продавленный диван в секретарской и пригрозил:

— Кто разбудит меня раньше восьми, тот получит большую сладкую конфету. Во всю пасть.

Но разбудили его через минуту.

— Вставай, шеф, там тебя какой-то поп спрашивает, — дергал начальника

за рукав Птенчик.

— Если не отстанешь, ему придется заняться твоим отпеванием! — пообещал Крюков и проснулся.

В дверях секретарской стоял молодой священник. Лицо его выражало серьезную тревогу.

— Вы Крюков? — спросил он.

— Да. Чего надо? — проворчал Крюков в ответ.

— Меня зовут отец Николай. Час назад я исповедовал умирающего. — Священник, не дожидаясь приглашения, сел на стул. — Он был бездомный. Бомж, как вы говорите.

— Я бомжами не занимаюсь.

— Но вы занимаетесь Мясником? Я видел передачу по телевизору. Криминальная хроника, кажется? И запомнил, что вы говорили об этом маньяке.

— Я там и мелькнул-то всего на секунду, — припомнил Крюков. — У вас есть информация по Мяснику?

— По-моему, да. Человек, которого я исповедовал, был смертельно ранен. Убийца, судя по ране, был вооружен именно таким страшным ножом, какой вы тогда показали. Мне кажется, это и был Мясник.

Крюков вскочил с дивана и в упор взглянул в глаза отцу Николаю:

— А что вам успел сказать тот бомж? Или это тайна исповеди?

— У него не было других грехов, кроме излишнего смирения и долготерпения, — ответил священник. — И эти грехи я ему отпустил. Но он рассказал мне о готовящемся преступлении. И вот я пришел к вам.

— Я слушаю вас внимательно, как Жеглов Берию, — произнес Крюков.

— Этого человека нанял неизвестный, похожий на военного. Нанял двоих. Он нашел их на подмосковной свалке. Их привезли в воинскую часть, в какую именно — неизвестно, но, похоже, она расположена на территории Москвы. Там их привели на какой-то склад, где лежали большие мешки с надписью «Сахар». Я думаю, сегодня и дети догадываются, что может находиться в таких мешках.

— Как что? Сахар, — пожал плечами Крюков.

— Или взрывчатка. Наниматель заставил их перетаскивать мешки в глубокую шахту, расположенную там же, на территории части.

— У нас в Москве что, баллистические ракеты под землей торчат? — заинтересовался разговором Грека.

— Нет, ракет в Москве не держат, но у связистов тоже будь здоров шахты — метров по сто с лишним в глубину. Так вот ими вся Москва истыкана, — сообщил Крюков.

— Когда они открывали люк, чтобы войти внутрь, на двери была табличка: «Осторожно, гамма-излучение», — продолжал священник. — Туда они и затащили мешки с так называемым сахаром. Двадцать мешков.

— Если мешки стандартные, по полцентнера, то это тонна, — подсчитал Крюков. — А дальше?

— Потом неизвестный вывел их в лес, пообещал заплатить, но вместо этого стал наносить удары огромным ножом с зазубренным лезвием.

— Клинком, — поправил Крюков. — Шоковые зубья обычно пускают по обуху.

— Вам виднее, — согласился священник. — Один из грузчиков погиб на ме-

сте, другой сумел добраться до вентилятора, который гонит теплый воздух из метро. Там его подобрала нищие и принесли ко мне в храм.

Крюков поблагодарил священника и записал его приходской адрес и телефон.

11

Контрразведчик или оперативник среднего звена, как правило, встречается со своим агентом или доверенным лицом на конспиративной квартире, где выслушивает и записывает его сообщение, после чего дает ему новое задание и по мере надобности инструктирует.

Разведчику высшего уровня такая роскошь недоступна. Завербовав агента, он общается с ним как можно реже, в основном через тайники. Единственной формой прямого контакта для них остается «МП» — моментальная передача контейнера с информацией или заданием.

Поэтому полковник Рудаков был просто поражен, когда его сверхсекретный агент Асланбек, освещавший наркоторговлю и террористическую деятельность экстремистских кавказских группировок, вдруг позвонил ему по телефону и открытым текстом сообщил:

— Нам необходимо срочно встретиться. Минус два на обычном месте.

Это означало, что агент будет ждать его в метро на станции «Киевская-кольцевая» у последнего вагона, где они до этого никогда не встречались, и идти на встречу следует немедленно. Рудаков оделся и спустился в гараж.

Через пять минут Рудаков был на платформе. Время перевалило за полночь, и народу кроме них почти не было. Асланбек ждал его. Подошел поезд. Они вошли в вагон через разные двери и как бы невзначай уселись рядом. Конспирация не Бог вещь какая, но иногда важнее выиграть время. Сейчас, похоже, был именно такой экстренный случай.

Рудаков профессиональным взглядом окинул почти пустой вагон. Их попутчиками были трое поддатых парней — типичные работяги с Пятого троллейбусного или с ЗИЛа. Они пили портвейн из горла и громко общались на универсальном народном языке. Заслышав издали отборную матерщину, другие пассажиры не стремились попасть в один вагон с ними, а попав, на следующей же остановке переходили в соседние. Но Рудаков давно перестал бояться местных хулиганов. Видимо, и Асланбека они тревожили куда меньше, чем принесенные им новости.

— Вы уже отправили мое сообщение? — спросил он.

— Да.

— Вот дерьмо! Не нужно было этого делать!

— Почему? — нахмурился Рудаков. — Это дезинформация?

— Да. Я подозревал, что он...

— Кто? — перебил агента Рудаков.

— Вагнер. Он заставил меня передать список сотрудников ФСБ как продажных и связанных с чеченской мафией.

— Вагнер! Я так и знал. — Рудаков выругался сквозь зубы. — Интересно, чем эти люди ему помешали? Или могут помешать? Я с самого начала был уверен, что вагнеровский «Юнител» — прикрытие для наркоторговли. А теперь он решил утопить всех, от кого можно ждать неприятностей. Но он за- был внести в список меня!

— Может быть, и не забыл, — мрачно проговорил Асланбек. — Когда мы с ним прощались, я прицепил ему микрофончик, который вы мне дали в прошлый раз. Решил послушать. И услышал кое-что интересное: следующими он собирается сдать меня и, соответственно, вас. Но почему он думает, что, когда меня возьмут, я не назову его имя или не расскажу своим то, что знаю о нем самом?

Рудаков вздохнул:

— У меня на это только один ответ — список этих имен найдут в кармане твоего трупа... Или моего, что вернее.

Он не договорил. Два хлопка слились в один. Шприц-стрела со слоновьей дозой снотворного попал ему в плечо. Второй такой же вонзился в Асланбека. Тот еще успел заметить, как трое «работяг» рванулись к ним. Отключаясь, он услышал имя «Мясник». Или ему это только показалось?

Наутро все газеты пестрели сенсационным сообщением:

«Вчера в вагоне метро был найден мертвым сотрудник аппарата уполномоченного по делам Северного Кавказа. Он был убит ножом, с особой жестокостью. Рядом с ним в бессознательном состоянии был обнаружен один из высокопоставленных чиновников ФСБ. Имена в интересах следствия не разглашаются, но авторитетные источники в ФСБ сообщают, что убийство — дело рук чеченской наркомафии.

Подозреваемые в совершении этого чудовищного преступления задержаны и доставлены в следственный изолятор «Лефортово». Роль в этом деле высокопоставленного сотрудника ФСБ, найденного рядом с убитым, уточняется».

Прочитав эту заметку, полковник Рудаков скомкал только что полученный приказ директора ФСБ о своем увольнении и закрыл глаза.

«Итак, ФСБ обезглавлена. Причем, с моей помощью. Похоже, в наших спецслужбах сейчас никто не в состоянии противостоять натиску господина Вагнера».

Участковый инспектор Московской краснознаменной милиции капитан Мурашов органически боялся начальства. Кроме незаслуженных разносов и втыков он не видел от него иных знаков внимания — ни тебе очереди на квартиру, ни путевки в Сочи.

Поэтому он предпочитал пребывать на своем опорном пункте, находившемся в самом сердце спального микрорайона Годуново, или на объекте — непосредственно в жилмассиве этого самого микрорайона. Заходя в родное отделение милиции, он старался сделать свои дела и исчезнуть как можно быстрее и незаметнее. Он был рабочей лошадью системы правопорядка, причем изрядно ею заезженной.

Но сегодня день был особый. Последний день службы. Приказ уже подписан, с завтрашнего дня он свободный человек. Ему уже поступило с десятков предложений от местных коммерсантов относительно дальнейшей работы. Мурашов проработал на своем участке десять лет и как облупленных знал не только алкашей и хулиганов, но и членов серьезных группировок. Будучи мужиком честным и принципиальным, но не нахрапистым, он пользовался авторитетом среди людей самого разного уровня и социального положения, поэтому сейчас испытывал уверенность не только в завтрашнем, но и в после-

завтрашнем дне.

Не успел Мурашов войти в отделение, как его заметил дежурный:

— Что, Петрович, сегодня гуляем отвальную? Не зажмешь?

— Обижаешь, гражданин начальник, вечером жду всех в «Зеленом змие», — отмахнулся было участковый, но дежурный не отставал:

— Тебе тут под занавес халтурка одна перепала. Ребята из спецухи звонили, квартиркой одной интересуются. Квартира номер шестьсот шестьдесят шесть в тринадцатом доме. Тьфу. — Дежурный сплюнул через левое плечо и едва не перескрестился левой же рукой.

— Это в «Красном», что ли?

Дом получил свое название из-за цвета балконов. Во всех соседних домах они были голубыми.

— В «Красном», — подтвердил дежурный. — Что там у тебя, притон? Спецуха просто так носом крутить не станет. Или не владеешь информацией? Эх ты, пенсионер!

— Да знаю я, — махнул рукой Мурашов. — В десятом подъезде и на тринадцатом этаже. Там два пацана квартиру снимают. Хотя какие они пацаны — в армии уж отслужили. Семью заводить пора, а у них все гулянки на уме.

— Притон, что ли, держат? — сдвинул брови дежурный.

— Да какой притон. Так, пошумели пару раз, соедка заявление накатала. Проверил документы.

— Не черные?

— Да нет. Наши. Один москвич, другой из Питера. Регистрация в порядке.

— А то смотри, с черными поостроже, — напутствовал дежурный. — Про взрыв дома слышал? Говорят, чеченцы сработали. Поступила установка проверить бесхозные подвалы и чердаки. Выполняй!

Мурашов поспешно вышел на улицу.

«Ну вот, блин, нашел напоследок работенку на свою жопу. Может, плюнуть? — подумал он. Но привычное чувство долга одержало верх. — А, ладно, устрою дембельский аккорд. Схожу посмотрю. Лишь бы в конторе не торчать».

Напротив десятого подъезда «Красного» дома стояла синяя «копейка» с прожарившимися крыльями. В квартире шестьсот шестьдесят шесть на тринадцатом этаже, согнувшись над клавиатурой компьютера, сидел Бонза.

На экране компьютерного монитора засветилось название игры: «Армагеддон». Бонза нажал на «Enter».

«У вас есть минута, чтобы подтвердить правомерность доступа» — сообщила надпись в углу экрана.

Бонза ввел пароль, и надпись исчезла. Его пальцы забегали по клавиатуре. Это было проворство пианиста или карманного вора. На экране монитора замелькали картины Армагеддона — грядущей битвы, которая ознаменует собой конец света.

На Бонзу со всех сторон наседали чудовищные танки с башнями в форме черепа. Их поддерживала целая армия скелетов-роботов. С багрового неба на него со свистом пикировали самолеты-штурмовики, похожие на птеродактилей с перепончатыми крыльями, и металы атомные ракеты.

Бонза двигался прихотливым маршрутом. Он уничтожал не всех врагов, а

только некоторых, известных одному ему. При этом двигался он в строго определенной последовательности. Наконец на экране появилась надпись «Апекс. Вход в Малую пирамиду». Он удовлетворенно фыркнул:

— Слышь, Антоха, я за полторы минуты до «ворот» дошел. Мой личный рекорд. А тебе слабо? — сообщил он приятелю, развалившемуся позади него в глубоком кресле с беломориной в зубах.

— Отвянь, вислоухий. Достал своей игрой.

По особой манере держать беломорину, зажав между большим и указательным пальцами, горящим концом строго вверх, и по специфическому запаху нетрудно было догадаться, что Антон зашмалил косячок дури и помаленьку тащится. Поэтому Бонза не обиделся и не стал приставать к товарищу, а целиком погрузился в работу. При этом он бубнил вполголоса:

— Так, мы в Малой пирамиде. Что у них на входе? Защитная программочка «файрволл»? Обходим, вошли в «СУНФС». Так, имеем «юзерс френдли» — под сказочку для тупых. Теперь выбираем дичь пожирнее.

Сейчас картинка на экране монитора ничем не напоминала игру. Это были какие-то списки. Имена, цифры, малопонятная информация на английском языке. Наконец Бонза оторвался от блуждания среди компьютерных сетей:

— Секи, Антоха, вот подходящий кабан. Дэн Торнтон, сорок восемь лет, работает в аппарате президента Клинтона. Бабок — немерено. Думаю, если мы с его куста баксов немного сострижем, штук этак по десять на рыло, он даже не почешется. Как считаешь?

— А если почешется? — лениво поинтересовался Антон.

— Никаких проблем! — отозвался Бонза. — Перекидываем бабки, — он разговаривал сам с собой и при этом двигал курсором по очередному списку, — на счет посреднической фирмы... Вот! Эта подойдет. Теперь оттуда перебрасываем... Куда? А вот куда! На счет салона эротического массажа «Либидо-ленд». Есть! Можно идти обналачивать и пропивать. С наступающим!

— До него еще дожить надо, — хмуро проговорил Антон.

12

Ирина перехватила Крюкова прямо возле его конторы.

— Хорошо, что ты мне встретился, — сказала она. Есть дело. Семен просил заказать в церкви заочное отпевание.

— Как это заочное? — удивился Крюков, запуская двигатель «рябухи» и трогаясь с места. — Без Бога или без попа?

— Заочное — это когда без покойника.

— Понятно. — Крюков, из последних сил борясь со сном, рулил в потоке Садового кольца. — Кстати, ты в курсе, что самоубийц не отпевают?

— У тебя же есть знакомый священник. Где его адрес? Судя по тому, что ты о нем рассказывал, он способен отпеть бедную Галину без бюрократической волокиты. Он — настоящий.

Крюков нашел адрес отца Николая. По дороге они обсуждали вопросы веры и религии.

— Я думаю, если бы Иисус Христос пришел к нам сегодня, его снова казнили бы по приговору святейшего синода под аплодисменты публики, — убежденно заявил Крюков. — И единственные, кто заступились бы за него, это наши всеми оплеванные правозащитники.

— А что бы ты хотел? — печально усмехнулась Ирина. — Ведь Он пришел бы к бомжам, проституткам, наркоманам. Ко всем тем, кого наша церковь в лучшем случае предпочитает не замечать. Когда священник взасос целуется с сильным мира сего, он перестает служить Царю Небесному и становится рабом князя тьмы. Третьего, к сожалению, не дано.

— Уж не хочешь ли и ты завести шарманку насчет конца света? — с опаской поинтересовался Крюков.

— Наоборот. Я уверена, что эта сатанинская, рабская конструкция размером в одну шестую часть земной поверхности не сегодня-завтра развалится и люди здесь смогут, наконец, жить, как подобает людям, а не скотам. Все, приехали, заворачивай в этот переулок, — указала Ирина.

Первое, что они увидели, была не сама церковь, а нелепая постройка из шифера.

— Что это за дворец? — поинтересовался Крюков у бомжеватого на вид типа, который с весьма довольным видом вышел из дверей шиферной избушки.

— Дворец не дворец, а кормят нормально, — хмуро отозвался тот, окинув машину и самого Крюкова неодобрительным взглядом. — Хочешь попробовать? Боюсь, ты от нашей шамовки рыло отворишь. Рябчиков и икры тебе вряд ли подадут.

— И не надо, у меня диета — три раза в день сто грамм водки и огурец. До и вместо еды, — охотно пояснил Крюков.

Бомжеватый усмехнулся, на этот раз куда дружелюбнее.

— Этого здесь тоже не водится. А жаль. Столовка тут бесплатная. От церкви, значит. Отец Николай тут руководит.

— Отец Николай? — переспросила Ирина. — Ну, слава богу, он на месте.

— Это точно, на своем месте, — поддержал ее собеседник. — Там он, в церкви.

Церковь была небольшая и явно нуждалась в ремонте. В притворе были сложены трубы строительных лесов, в левом приделе стоял массивный метал-

лорежущий станок, так и не вывезенный предыдущими владельцами помещения. И хотя икон в храме было немного, а стены и потолок не сверкали золотом и яркой росписью, Крюков испытал вдруг необъяснимое чувство присутствия Бога. Причем не только в храме, но и в себе самом.

В храме пели. Певчих было только двое, мужчина и женщина, но они стояли целого хора. Никогда в жизни Крюков не слышал ничего подобного. Это пение переворачивало все внутри его сознания, убирая из него темное и вынося на свет Божий все лучшее. Еще чуть-чуть, почувствовал Крюков, и он будет не в состоянии выстрелить даже в самого отвратительного ублюдка.

Он не выдержал и вышел на улицу. Посмотрел на милые сердцу морды сограждан, послушал их лай, втянул носом привычный запах испражнений организма большого города. И ему полегчало.

Когда он вернулся в церковь, служба уже закончилась. Ирина разговаривала со священником. Крюков подошел к ним и поздоровался. Отец Николай узнал его.

— Вы что-нибудь выяснили по тому убийству или зашли по духовной необходимости?

— Мы хотим заочно отпеть мою подругу, отче, — сказала Ирина.

— Сказать вам, что я думаю о заочном отпевании? — спросил священник.

— Не стоит, мы и сами догадываемся. Что-то вроде коллективной исповеди. Вы знаете, отче, она покончила жизнь самоубийством. Некоторые считают этот грех смертным.

— Самоубийство есть следствие смертного греха — уныния, — пояснил отец Николай. — Но тот, кто смеет осуждать за это, сам впадает в другой смертный грех — гордыню. Судить — прерогатива Господа. Я не вижу причин отказать вам.

— Но это может не понравиться вашему начальству, — вставил реплику Крюков.

— Я служу не начальству, но Богу, — ответил священник.

— Странно, что вас еще терпят. Впрочем, у меня похожая ситуация. Сколько это будет стоить? — поинтересовался Крюков.

— У меня не магазин по продаже таинств, прејскуранта нет. Вон стоит банка для пожертвований. Положите сколько сможете.

— А я и не подумал. — Крюков переглянулся с Ириной и опустил в банку пятьсот долларов. Потом подумал и добавил сто рублей от себя.

На улице он едва не прослезился от сознания собственной праведности, но вовремя вспомнил, что праведник не может манкировать служебными обязанностями. А он так и не провел оперативную установку по адресу, откуда кто-то звонил прошлой ночью на квартиру наркоторговца.

Крюков развернул бумажку с адресом:

«Дом тринадцать, квартира шестьсот шестьдесят шесть. Это называется — ирония судьбы», — подумал он и не поленился трижды плюнуть через левое плечо.

Риф по-хозяйски расположился в кресле Касьяна в его особняке. Вместе с усадьбой он унаследовал и наркобизнес покойного авторитета. И до сих пор прав на касьяновское наследство у него никто не оспаривал.

В дверь сунулась лохматая яйцеобразная голова одного из ипсилоновских

гениев-программистов. Вчера Риф дал ему задание вычислить канал утечки денег с касьяновских счетов.

— Есть, шеф, я его засек! Снял тридцать штук. У нас пока недостача не замечена. Но даже если это не наши бабки, то дело еще хуже — нас подставляют. Тот, у кого их увели, обязательно будет их искать и придет за ними к нам.

— Вора вычислили? — спросил Риф.

— Да, вот его адрес. Это в районе Годуново. Я рядом живу, это место хорошо знаю. Такой дом с красными балконами. Дом тринадцать, квартира шестьсот шестьдесят шесть.

— Как ты сказал? — Риф встревожился не на шутку. — Ладно, все равно молодец. Получи почетную грамоту. — Риф отсчитал несколько стодолларовых купюр.

Когда дверь за лохматым гением закрылась, Риф встал и нервно прошелся по комнате. Дело принимало очень неприятный оборот. Внезапно он остановился. Его взгляд замер на лежащем на столе огромном ноже, украшенном мощной пилой по обуху клинка.

«Неужели придется лезть в эту грязь самому?» — с неудовольствием подумал он.

В квартире шестьсот шестьдесят шесть кипели страсти.

— Не тяни! Иди обналичивай бабки! — наседал на Антона Бонза. — Я свое дело сделал!

Антон наконец докурил травку, неохотно поднялся и стал обуваться.

— Слушай, а что стесняться? — вдруг замер он с одним ботинком в руках. — Чего мелочиться по дичке на рыло, если все равно не найдут? Давай по полтинничку снимем!

— Нельзя, — покрутил головой Бонза. — Те крутые ребята, через чью фирму я бабки прогнал, не должны ничего заподозрить. Тридцать штук баксов — это мелочь, они на нее и внимания не обратят, если это не из их кармана утекло. Проверено. А если у них мимо носа полторы «кати» проедут, точно заинтересуются, вычислят и хвост прищемят. А уж тогда придут сюда и горло перережут.

Бонза за компьютером не заметил, что Антон ушел, и продолжал свои странненькие разъяснения:

— Если бы не этот отдельный, но неприятный недостаток, я бы уже на «мерсе» раскатывал. Но — никак нельзя. Заметят, вычислят, придут и напишут, причем так, что ты и сам не заметишь. Вот так ты сидишь, ничего не подозреваешь, а дверь распахивается и врывается...

Дверь резко запахнулась, и в комнату ворвался взъерошенный сосед Бонзы, с которым тот делил снимаемую площадь, питерский хакер Питер.

— Где Антон? — с порога спросил он.

— Только что тут был, — отозвался Бонза. — Видно, только что свалил. Странно, что ты его не встретил.

— Сам ушел, а тачку оставил?

— А он недалеко. Тут рядом, за углом. Бабки пошел обналичивать.

— Какие бабки? — глаза Питера сузились. — Ты что, опять, сука, в «Армагеддон» лазил? Я же тебя предупреждал. Нас всех из-за твоих копеек перережут! Братъ надо один раз и много! И сваливать. А ты, козел, нас под нож под-

ставляешь! Считай, допрыгался!

— Да ладно, кончай, Питер, — вытаращился на него Бонза. — Перепугал до смерти! Я же немножко! Я больше не буду!

— Поздно! Сматываться надо, зажопили нас! Информация стопроцентная. Через пять минут здесь будет море крови. Хочешь убедиться? Тогда оставайся.

При этом Питер лихорадочно бросал в спортивную сумку свои вещи.

— Ну ни хрена себе! — расстроился Бонза. — А я телку пригласил! Скоро прийти должна. И бабки за квартиру за три месяца вперед уплатил, а теперь отсюда сваливать?

— Ты что, не понял? — Питер даже растерялся от такой непосредственности. — У нас минута на сборы! А ты о какой-то телке болтаешь! И бабки, между прочим, за квартиру отстегнул мои. Лучше подумай, куда двинем? К Анто-ну?

— Куда же еще? Но его надо подождать... И Валька приканает.

— Нет, у тебя совсем крыша течет, — тяжело вздохнул Питер. — И как долго ты здесь светиться собираешься? Звони Антохе на пейджер и давай ключи от его тачки. А из-за бабы твоей нас точно заметут.

Уже в машине Питер спохватился:

— Ты компьютер выключил? Или так в «Армагеддоне» и оставил?

— Да, в Малой пирамиде, — уныло протянул Бонза. — Но я не пойду! Хочешь — сам иди выключай. Да ты не ссы, Пит. Там же «Минуткой» заминировано. А кода кроме меня никто не знает. Я от Антохи через «Юнител» попробую войти в свой аппарат и замкнуть информацию.

Питер сплюнул в окно и дал газу. Он едва не задел человека в черной куртке и вязаной шапке, лица которого нельзя было рассмотреть за поднятым воротником.

И уж конечно никто не смог бы рассмотреть длинного ножа с пилой по обу-ху, который тот скрывал под курткой.

Участковый инспектор Мурашов поднялся на тринадцатый этаж дома номер тринадцать и остановился возле квартиры шестьсот шестьдесят шесть. Дверь была приоткрыта. Это показалось участковому странным. В Москве не принято оставлять дверь нараспашку. Он покашлял и заглянул в прихожую.

— Есть кто дома? — культурно поинтересовался он.

Никто не ответил. Мурашов позвонил в соседнюю квартиру. Ему открыла чем-то сильно недовольная старуха в фартуке. Инспектор поздоровался и представился.

— Скажите, а где ваш сосед слева? — спросил он.

— Что он мне, брат или сват? Я его сторожить не нанималась. — В ворчании старухи отчетливо прозвучала ветхозаветная тема. — Сдал он свою квартиру, а сам у бабы живет. В Кузьминках где-то. Мне не докладывает.

— И кто сейчас здесь проживает? — продолжал инспектор.

— А я почему знаю? Молодые какие-то. Может, бандиты, а может, это челноки какие. Кто их разберет? Шумят, таскаются туда-сюда. Зайди к ним сам да спроси!

С этими словами она захлопнула дверь перед самым носом инспектора и припала к дверному глазку в ожидании продолжения. Участковый обзвонил остальные квартиры на этаже, но там то ли никого не было, то ли открывать

не решались. Милицейскую форму сегодня любой бандит надеть может.

У Мурашова была альтернатива. Он мог оставить дверь открытой и сходить за понятыми на другой этаж или войти в квартиру один, без понятых. Поиски понятых могли затянуться на неопределенно долгое время, поэтому он толкнул дверь и вошел. За спиной послышался тихий шорох: любопытство заставило соседку выйти из квартиры и на приличной дистанции последовать за участковым. Он не стал закрывать дверь в квартиру.

«Пусть хоть издалека наблюдает, — подумал Мурашов, — какой-никакой, а свидетель».

Он вошел в прихожую. В квартире было тихо. Упавший на пол мужской зонт и сдвинутый половик свидетельствовали об экстренной эвакуации здешних жителей. Похоже, в квартире действительно никого не было. Но что-то сильно тревожило участкового. Что? Соседка замерла за входной дверью, входить она побоялась. Мурашов напряг слух, но ничего не услышал. Что же ему не нравилось? Запах!

В затхлом и прокуренном воздухе квартиры ощущался специфический запах «травки». Но не это встревожило участкового. Что-то примешивалось к нему такое, что заставило его нервы собраться в комок. Терпкий запах свежей убоины! Мурашову уже приходилось ощущать такой запах на скотобойне, а также на человеческой бойне в Грозном и Самашках.

Инспектор шагнул в комнату. Здесь также царил беспорядок. На столе в углу стоял включенный компьютер. А в центре комнаты лежало тело женщины, судя по одежде, скорее, девушки. Пол вокруг нее был залит кровью.

Мурашов поспешно рванулся вперед. В этот момент скрип за спиной заставил его напрячься. Еще не повернув головы, он понял, что убийца сзади. Участковому необходимо было сделать немного: открыть кобуру, извлечь из нее пистолет, снять его с предохранителя, передернуть затвор, направить оружие в сторону подозреваемого, предупредить его голосом о применении оружия, в случае неповиновения сделать контрольный выстрел, а там можно и стрелять. Лучше по ногам, на худой конец — на поражение. И на все эти процедуры у него оставалось ровно полсекунды.

13

Крюков остановился возле подъезда и окинул взглядом уходящие ввысь ряды красных балконов. Других красных домов поблизости не было. Он вошел в лифт, поднялся на тринадцатый этаж и нос к носу столкнулся с растрепанной старухой. Крюков в совершенстве владел искусством оперативной установки, которое, главным образом, сводилось к умению запудрить мозги объекту установки и его соседям. В голове Крюкова с компьютерной быстротой защелкали комбинации:

«Кем прикинуться на этот раз? Сантехником, бродячим фотографом или работником собеса? Главное, чтобы никто не догадался, что ты мент».

Старуха в упор посмотрела на Крюкова:

— Ты из милиции?

Хороший вопрос и, главное, вовремя. Типа: «Пал Андреич, вы шпион»?

— Ммм... — Крюков замялся. — Как вам сказать...

— Быстро примчался! Я же только что позвонила. А ты что, один? Без автомата, без бронежилетки? Ну-ну, гляди, тебе жить. — И старуха исчезла за дверью соседней квартиры.

Дверь в шестьсот шестьдесят шестую была приоткрыта. Как в мышеловку. Интересно, что именно имела в виду бабка?

В квартире Крюков внимательно огляделся. В прихожей имела место легкая неразбериха. Эдакая картина Ван-Гогена «Дети, сбежавшие от грозы». Причем сбежали они весьма поспешно. Испугались? Значит, было чего. В комнате что-то мягко упало. Сбежали не все? Крюков проявил природное любопытство и пошел посмотреть — что там зашумело. Может, люди?

Его ожидания оправдались, в комнате были люди. Их было трое. Из них двое мертвых и один живой. На полу в лужах крови лежали тела девушки и капитана милиции в форме. Человек в черной куртке как раз подтаскивал их поближе друг к другу, чтобы уложить покомпактнее.

«Не иначе — ждет еще кого-то и хочет, чтобы всем места хватило. Хороший хозяйственник», — отметил про себя Крюков.

Человек в черном разогнулся, и в лоб Крюкову уставился ствол пистолета. Неизвестный процедил сквозь зубы:

— Грабли в гору!

Крюков дисциплинированно поднял руки и спросил:

— Я только пописать зашел. Извини, но у тебя было не заперто. Ты не подкажешь, где тут можно отлить?

— Ща уссышься прямо здесь, — утешил его человек с пистолетом.

В этот момент его внимание привлек шум за окном. Он бросил быстрый взгляд на улицу. Крюков даже дергаться не стал, по скупым, но точным движениям убийцы он определил, что имеет дело с профессионалом.

— Твоя мусорня прибыла, — сообщил тот Крюкову. — Но ты, легаш, не радуйся. Тебе уже никто не поможет. Лови пулю — стреляю!

По глазам убийцы Крюков определил, что период эйфории у того кончается. Первые признаки растущей тревоги и раздражения были налицо. Это состояние следовало усугубить. Крюков продолжал:

— А сам застрелиться не хочешь? Один хрен тебе кранты. Через пять минут сюда войдет СОБР и начнет тебя мочить. А через пять с половиной — кончит.

— На хрена я буду лоб подставлять? — ухмыльнулся убийца. — Я же не дурак. Я дурак со справкой. Башка у меня контуженная. Так что сначала я тебя до кучи замочу, а потом янычарам сдамся. Мой дом — «Серпы»*. Подлечусь и выйду. Не в первый раз. Душевнобольной я, невменяемый. А вас, мусоров, резал и буду резать.

— Ладно, ментов ты не любишь. А девка в чем провинилась? — поинтересовался Крюков. — Песком в тебя бросалась? Нет, ты не душевнобольной, а просто мудака по жизни. Таких в раннем детстве убивать надо, чтобы воздух не портили.

Убийца заводился прямо на глазах. Ему уже требовалась очередная доза. Его рука с пистолетом начала немного дрожать, глаза забегали.

— Попробуй! — прорычал он. — Может, я и мудака, только я буду жить, а вы все подохнете! И ты первый.

Риф сидел за рулем черного «лексуса». Машина стояла в пробке возле Белорусского вокзала, когда засигналил мобильник. Риф поднял трубку:

— Слушаю!

— Не узнал?

— Спицын, ты? — оживился Риф. — Ну что, морда кэгэбэшная, все в полковниках бегаешь? Что поделаешь, это твой потолок. Шестеркам генеральских званий не присваивают. За помощь спасибо, выручил.

— Можно без фамилий?

— Не бзди. Моя линия защищена.

— А моя нет.

— Ты что звонишь? — поинтересовался Риф. — Надыбал ценной информации или просто бабки кончились?

— И информация для тебя есть, и бабки мне не помешают. Только что ОМОН с СОБРОм обложили Мясника в квартире жилого дома. Оттуда ему не уйти. Он взял заложников. Двух ментов и девку. Кого-то из них уже убил.

Риф сделал вид, что сильно удивлен:

— А почему ты мне об этом сообщаем? Что это вдруг тебя Мясник заинтересовал? Я слышал, ты в комиссию по проблеме двухтысячного года пристроился? Не пойму, какое отношение Мясник имеет к концу света? И причем здесь я? Или ты думал, что я и есть Мясник, и хочешь проверить мою реакцию? Тут ты что-то спутал. Я к этому не имею ни малейшего отношения. Извини, я сейчас занят. Звони.

Риф отключил связь и заскрипел зубами: «Проклятье, только этого не хватало!»

Полковник ФСБ Спицын тоже раздраженно бросил трубку. Он нервно прошелся взад-вперед по комнате и остановился перед книжным шкафом, где на одной из полок в виде украшения лежал огромный нож с чудовищными зубьями по обуху.

В прихожей хлопнула дверь. Крюков оглянулся на шум. Дверь в комнату распахнулась, и в нее вломилась пара молодых балбесов в камуфляже, бронжилетах и с автоматами. Из тех, которые долго не живут, потому что это скучно.

— Всем лечь на пол! — заорали они, вместо того, чтобы сразу стрелять на

поражение.

Убийца перевел ствол на ближайшего из бойцов. Крюков почувствовал — сейчас пули «гюрзы» с бронебойным сердечником прошьют обоих спецназовцев навывлет вместе с их бронежилетами и вдобавок попортят стену позади них. Придется ее штукатурить и переклеивать обои. А это нынче дорого. Допускать этого было нельзя.

Крюков рванулся к убийце и врубил тому свой коронный апперкот в голову. Таким ударом он отправил в нокаут своего старого знакомого — чернокожего фэбээровца Роберта Мерфи в боксерском поединке на Всемирных играх полицейских и пожарных в Стокгольме.

Затем Крюков одной рукой подхватил убийцу за ногу и рванул кверху, а локтем другой резко толкнул под нижнюю челюсть. Звон разбитого стекла смешался с криком удивленных собровцев. Убийца перевалился через подоконник, взмахнул ногами и исчез.

— Надеюсь, оцепление внизу уже выставили, — с надеждой предположил Крюков. — А то рухнет как снег на голову. Эти засранцы-маньяки только и ищут, чтобы человек хороший попался. Ну что, будем считать, что теперь дело Мясника закрыто. Или опять «продолжение следует»?

С улицы послышался звук упавшего тела. Собровцы все еще в недоумении глядели на Крюкова.

— Это был Мясник? — спросил один из бойцов.

— Похоже, он. Его перышко. — Крюков нагнулся над хорошо знакомым ножом с пилой по обуху и металлическим кольцом в основании рукоятки. — А что, грифы-стервятники из убойного отдела уже прибыли?

— Внизу ждут, — ответил боец.

Крюков получил, наконец, возможность спокойно осмотреться. На тела, лежащие на полу, он старался не обращать внимания, с ними разберутся ребята Шабанова. Он подошел к столу, на котором стоял невыключенный компьютер и лежали некоторые интересные предметы.

— Эй, орлы! — позвал Крюков. — Гребите сюда. Вот, обратите внимание: видите шприц-тюбик? Это ваше внеочередное звание. Похоже, наш потрошитель им кололся. Шабанову обязательно покажите, он его очень заинтересует. Пусть разбирается. Сто пудов за то, что спидовый маньяк и Мясник — это два флакона в одной упаковке.

Крюков наклонился к компьютеру и засветил экран. На нем показалась уже знакомая картина — опять списки людей и какие-то данные на английском. Крюков собрался было просмотреть их, но как только прикоснулся к кнопке, в верхнем углу экрана появилась красная маска с предупреждением:

«Информация строго конфиденциальная. У вас есть минута для подтверждения права пользования».

— Снова «Минутка»!

Крюков плюнул и стал обреченно ждать, пока вирус закончит свое черное дело.

«Бум! Армагеддон! Конец света! — сообщила надпись. — Вы проиграли».

Он снова проиграл. Компьютер безнадежно завис. Самое лучшее, что можно было теперь с ним сделать, это переформатировать винт или использовать прибор в качестве подставки под цветы.

Крюков плюнул еще раз и повернулся к бойцам:

— А теперь выходим, закрываем дверь, и вы начинаете ее ломать. Скажете — вошли, а маньяка уже нет дома. Упорхнул, ведь ночью за окном темно, а она улетала все равно...

— А ты?

— А меня вообще здесь не было. — Крюков посмотрел на часы. — Я в настоящий момент встречаюсь со своим особо доверенным лицом в вестибюле «Театра имени трех хохлов» — Станиславского, Немировича и Данченко.

— Что это, блин? — один из бойцов ткнул пальцем в экран.

Крюков обернулся. На экране вроде бы намертво переклиненного компьютера засветилась надпись:

«Я еще вернусь. Я бессмертный. Мясник».

— Нет, это никогда не прекратится, — обреченно, с тоской подумал Крюков и двинулся к выходу...

В окне одной из лабораторий Центра исследований крови допоздна горел свет. Телефонный звонок оторвал Марию от работы и заставил посмотреть на часы. Ничего себе, засиделась! Лидка в своем кабинете не брала трубку. Наверно, уже ушла. Мария неохотно оторвалась от микроскопа.

— Слушаю.

Голос был мужской, незнакомый. Вероятнее всего, измененный.

— Запомни, сучка, разинешь пасть — на куски разрежу, — сказал он.

— Кто это? — Мария была в недоумении.

— Мясник.

Вслед за этим послышались короткие гудки. Мария тоже положила трубку. Она не могла понять, что имел в виду неизвестный. Скорее всего, того больного, что лежал у них в платном отделении. Его палату охраняли неразговорчивые парни с автоматами, а лечил таинственного пациента приходящий врач из отделения хирургии.

Дверь в кабинет резко распахнулась. Мария вздрогнула от неожиданности. На пороге стояла Лидка. Ее покачивало. Мария с изумлением поняла, что ее подруга и коллега пьяна.

— Что с тобой? — спросила она. — Я думала, что ты уже ушла.

— А, ерунда. — Лидка отмахнулась. — Расслабилась немного. А ты что-то с лица сбледнула. Съела что-нибудь? На, запей.

Она протянула Марии бутылку мартини и громко икнула. Мария взяла у нее бутылку и поставила на стол.

— Мне сейчас звонил какой-то урод, — сообщила она подруге. — Назвался Мясником и велел молчать. Иначе обещал, что разрежет на куски. Не фигу себе, пионерская клятва!

— И молчи, — посоветовала Лидка и снова икнула. — А я не буду. Надоело!

— Успокойся, сядь! — Мария усадила Лидку на кушетку. — Говори, что ты знаешь! Кто этот Мясник?

Лидка дотянулась до стола, ухватила бутылку и сделала могучий глоток мартини.

— Помнишь того хмыря, что от Галины анализы привозил? Его Антоном звали. Зовут. У которого анализы на ВИЧ положительными оказались? Так вот. По-моему, про друга он наврал, его это анализы.

— Я это знаю...

— Ну и не перебивай! — пьяно обиделась Лидка. — Так вот, я с ним пару раз встречалась. Нет, не трахалась. В кабаке посидели, потрепались. Очень он мне не понравился.

«Логично, — подумала Мария, — встречаться с человеком, который тебе очень не нравится».

— Он показался тебе странным? — спросила она.

— Нет. Он показался мне страшным. Когда в кабак забежали легавые и стали проверять документы, он протянул мне тяжеленный сверток и велел спрятать. Я его еле засунула в сумку рядом с зонтиком.

— И что это было?

— Никогда не догадаешься. — Лидкина улыбка сияла торжеством. — Огромный нож! С одной стороны острый как бритва, я едва не порезалась, а с другой кошмарная такая пила. Я такой ножик видела потом в криминальной хронике, когда убитого Мясника показывали. Больше я с Антоном не встречалась. Только знаешь, что я думаю? — Лидка перешла на страшный шепот, каким дети рассказывают кошмарные истории. — Я думаю, что он и есть Мясник.

— Ты же говорила, что Мясника убили, — не поняла Мария.

— Ха, деревня! Кантри! Ты свой ящик хоть иногда включаешь? После того случая Мясник еще четверых раскрошил. Убьешь его, как же! У этого Антона и глаза, как у убийцы, зрачков совсем нет. А потом, зачем, думаешь, его мент приходил искать? Сама же мне говорила. Я Антоше потом брякнула, он сильно обосрался. Тоже пугал насчет языка за зубами.

— Слушай, хватит. — Мария прервала поток буйной фантазии подруги. — Мне домой пора. Ты идешь?

— Не, я попозже. Пойду к себе в кабинет. Вздремну часок, потом двинусь.

Мария подождала, пока дверь за Лидкой закрылась, и сняла трубку телефона. Визитная карточка Крюкова лежала под стеклом. Он отозвался сразу же:

— Крюков на проводе.

— Это Мария. Вы были в нашем Центре исследований крови. Помните? Вы интересовались одним человеком, фото его показывали. Только оно совсем не похоже. Я бы хотела вам кое-что рассказать.

— Готов встретиться хоть сейчас.

— Нет, сейчас уже поздно, — возразила Мария. — Давайте завтра. Я вам сама позвоню.

Чтобы добраться от Центра исследований крови до остановки автобуса, нужно было пересечь довольно обширный, засыпанный строительным мусором и заросший бурьяном пустырь. Сейчас все препятствия прятались в сугробах, но между ними отчетливо извивалась утоптанная тропинка.

Через пустырь шла девушка в недорогой шубе. Фонарей вокруг не было, но снег отражал свет окон далеких домов. Где-то невдалеке отчетливо скрипнул снег. Девушка остановилась и прислушалась. Кругом, как ей показалось, не было ни души. Но так ей только показалось.

Две тени быстрым шагом двигались за ней следом. Девушка снова оглянулась и теперь разглядела преследователей. Она бросилась бежать, ежесекундно проваливаясь в снег и оскальзываясь. Тени тоже прибавили шагу. Расстояние между преследователями и жертвой быстро сокращалось. Они почти на-

гнали ее, когда впереди в белесом мраке вдруг резко обозначился силуэт. Девушка приняла его за одного из грабителей и без сил упала на снег. Но и преследователи замерли. Они явно были озадачены ничуть не меньше своей жертвы.

— Ты что за хрен? — поинтересовался у незнакомца один из них. — А ну сдрихни по-быстрому!

— А ты что, газет не читаешь? — рассмеялся тот в ответ.

В его руке сверкнул длинный клинок ножа, усеянный по обуху острыми зубьями.

— Блин, Мясник, что ли?! — выдохнули грабители одновременно.

Незнакомец не ответил. Одним прыжком он приблизился к противникам. Тот, что стоял спереди, грязно выругался и потянул из кармана тулупа облезлый ТТ. Взмахом ножа Мясник перерубил ему высунувшуюся из рукава руку в запястье словно топором, вместе с суставом. Вторым ударом он практически отсек грабителю голову. Тот кулем рухнул на землю.

Его напарник тем временем отступил немного назад. В его руке раскрывшимся веером замелькал тусклый металл. Сначала половинка рукоятки, затем клинок. Длиной он лишь немного уступал ножу Мясника, но был значительно уже.

Это был нож-бабочка — болизонг. В умелых руках он представлял большую опасность, а грабитель, вне всякого сомнения, имел опыт работы с боевым ножом. Он вытянул вперед левую невооруженную руку. Нож он держал прижатым рукояткой к правому боку, острием вперед, в сторону противника. Позиция немудреная, но при хорошей реакции и отработанных навыках она обещала успех.

Мясник перехватил свой нож обратным, «иньским» или «испанским» хватом. Он прижал клинок к предплечью, и тот слился с его правой рукой, причем острие доставало почти до локтя. Грабитель сделал обманное движение и нанес молниеносный прямой укол в корпус. Мясник заблокировал удар предплечьем с прижатым к нему клинком. Ножи встретились с лязгом.

Острие болизонга грабителя пропахало рукав куртки на плече Мясника. Сам Мясник неуловимым движением кисти полоснул лезвием своего ножа по его руке, рассекая мышцы волнообразным разрезом от запястья до локтя и дальше по плечу. Тем же движением, завершая выписывать прихотливую кривую, Мясник концом лезвия располосовал горло противника. Через секунду тот упал на тело своего сообщника, заливая его и себя собственной кровью.

Мясник повернулся к девушке. Она уже пришла в себя, но сидела неподвижно в ужасе от происходящего. Казалось, она навеки утратила дар речи.

— Вставай. — Он похлопал девушку по щекам. — Эй, примерзла, что ли? Поднимайся!

— Кто это? Антон? — Она наконец отвела глаза от трупов и едва слышно проговорила: — Ты их... убил?

— А ты что, сама не видишь? Или тебе справка о смерти требуется?

— Спа... Спасибо... — еле слышно произнесла она.

— Не за что. — Мясник схватил ее за воротник и погрузил клинок в тело. Потом снова и снова.

При этом края его располозованного ножом противника рукава разошлись, и в разрезе мелькнуло плечо с татуировкой — весело оскаленный череп с кры-

лышками по бокам и буквы «ОШБОН...».

14

Крюков очень расстроился из-за того, что Мария перенесла встречу на завтра. От ее информации могло зависеть очень многое. Но при этом он не пренебрегал и менее ценными источниками, поэтому, как и обещал бойцам СОБРа, двинул по театрам, в одном из которых рассчитывал перехватить одного знакомого говоруна.

Став коренным москвичом, Окике Марафет пристрастился к худшим порокам столичных жителей, в частности, к театру, завел кучу знакомых среди сценической богемы и таскался по премьерам. Не у «Трех хохлов» и не сразу, но Крюкову удалось поймать Марафета на выходе из небольшого, но очень модного театра-студии и привлечь его внимание сигналом клаксона. Марафет сел к нему в «рябуху» и оскалил все свои сорок четыре зуба.

— А, масса капитан! Давно не виделись!

— Что скажешь? — спросил Крюков вечного студента.

— Не знаю-не знаю. — Марафет сделал в воздухе пальцами неопределенный жест.

— Ты мне разъясни: кого ты нам подсунул? Что это за землячок твой такой там сидел и кто к нему в гости заходил? На редкость скромные ребята. Но что самое интересное — кто же все-таки дом взорвал?

— Я сам ничего не понимаю, — покачал головой Марафет. — Раньше постановки героина контролировал Касьян. Но недавно, где-то с месяц назад, появились эти, новые. Касьяна с тех пор никто не видел и ничего о нем не слышал. Новые пока ведут себя тихо, но подгрести под себя касьяновский бизнес. Наши нигерийцы уже всюду на них работают.

— Твои люди среди них есть?

— Есть, — печально вздохнул Марафет. — Мой племянник Абдулла. Молодой, глупый. Говорит — хорошие бабки платят. Больше, чем при Касьяне. Он в Америке жил, пока его не выслали.

— За что?

— Он в банк уборщиком устроился, чтобы секретные банковские коды узнать. Его поймали, когда он залез в главный компьютер банка. Мы, нигерийцы, лучше всех в мире делаем две вещи: торгуем наркотиками и взламываем компьютерные программы.

— А я думал, что в этих делах самые лучшие — это мы, русские, — удивленно пожал плечами Крюков.

— Ты ошибался, но теперь ты знаешь правду, — заверил его Окике. — Хочешь, докажу?

— Я тебе и так верю, давай к делу. Что это за новая группировка?

— Пока не знаю.

— Узнай. Я буду ждать. Куда тебя подбросить?

— Давай в центр, — распорядился Марафет. — Там разберемся.

«Неужели снова передел сфер? — думал Крюков. — Снова война? С чего бы?»

Причин могло быть три: первая — на рынке труда появилась новая сила, вторая — на рынке предложения появился жирный кусок, ради которого стоит повоевать, и, наконец, третья — появилось и то и другое...

Высадив Марафета, Крюков принял твердое и неуклонное решение ехать домой и как следует выспаться. Но тут, как всегда не вовремя, запищал его мобильник. Звонила Ирина:

— Ты где? Не забыл, что взял халтуру на дом? Семен уже выдал первую пачку денег.

— В таком случае конвертируй их как можно быстрее и жди меня.

— Конвертировать доллары? — удивилась она. — Во что?

— Во что хочешь. В коньяк, водку, джин, лосьон «Свежесть»! Хорошему человеку все на пользу.

Через полчаса Крюков вошел в знакомую квартиру. Башенные часы, украшавшие когда-то кабинет Геббельса, встретили его звоном курантов. Крюков устроился в любимом кожаном кресле с низкой спинкой в стиле «сталинский ампир».

— Ну, давай по порядку. — Ирина села напротив него.

— Во-первых, подтвердилась информация относительно спидового террориста. Все так и было, как предполагал Семен. Ходит какой-то недоносок и колет в толпе шприцем с зараженной кровью. Предположительно — своей собственной.

— А при чем тогда Мясник?

— У второго Мясника я нашел шприц-тюбик.

— И тоже с кровью?

— Нет, с дозой героина. Но он из той же партии. Можно сказать, рядом лежали. В одном кармане.

— Хорошо, дальше.

— У обоих Мясников на левом плече была татуировка. Череп с крылышками и надпись «ОШБОН-КУРГАЙ».

— Что это значит? Название банды или секты?

— Вроде того. Это значит Отдельная штурмовая бригада оперативного назначения ВДВ. Раньше говорили: «особого назначения». В недалеком прошлом — элитный спецназ войск КГБ. Кургай — место их дислокации. Я чисто случайно узнал, что в службе безопасности Семенова банка служат бывшие бойцы этого подразделения. И в банке же на презентации Галине была сделана смертельная инъекция. Круг замкнулся.

— Значит, Мясник работает в охране банка, — закончила за него Ирина. — К тому же, вероятно, он болен СПИДом.

— Молодец, — похвалил ее Крюков. — Мешок урюка тебе от Ленина. Остается поднять результаты анализов крови сотрудников «Ипсилона», и Мясник у нас в кармане. Особенно если учесть его редкую группу крови. Нормально, Холмс? Элементарно, Ватсон!

— Это ты так думаешь. А мне кажется, все несколько сложнее. Во-первых, в «Ипсилоне» сотни, если не тысячи, сотрудников. Во-вторых, забраться в их файлы не так просто. А в-третьих, Мясник мог принять меры и сам поработал над файлами. Ты же не будешь в принудительном порядке брать у всех сотрудников «Ипсилона» анализ крови?

— Да, — мечтательно завел глаза к потолку Крюков. — Человечка бы к ним внедрить.

— Эврика! — Ирина радостно вскочила с дивана. — Антон, мой племянник,

служил в этом самом Кургае. Я ему несколько раз деньги отправляла ко дню рождения и на Новый год.

— А сейчас где он работает? Случайно не у Семена в банке?

— Случайно у него.

— В охране?

— Нет. Семен устроил его пусконаладчиком в фирму «Росюнител». А его банк с ней крепко завязан. Ладно, посмотри пока просто телевизор. Я пойду соображу что-нибудь на стол. И подтяни гири в часах, если не трудно, а то призрак старикашки Геббельса заявится. Говорят, он всегда подтягивал их сам, никому не доверял. Он ужасно не любит, когда часы встают.

— Ну что ж, продолжим дело дедушки Геббельса. — Крюков встал с кресла и направился к часам. — Не тревожьте старика, хватит с нас и Мясника.

Ирина включила телевизор.

— У тебя случайно нет кассеты «Русский «Плейбой»»? — поинтересовался Крюков.

— Нет. А что там?

— Ну как же, прокурор и министр юстиции трахают девочек в сауне, министр дошкольного образования — мальчиков в лифте, а министр культуры писает в подъезде.

— Посмотри-ка лучше новости, там и так все это покажут, — предложила Ирина и вышла из комнаты.

15

Генерал Лентулов расхаживал по своему кабинету. Он был чернее тучи. В кресле напротив его стола сидел полковник Тюрин.

— Я не виноват, — снова сказал он.

— Дело не в том, виноват ты или нет. — Генерал замер возле стола. — Главное — это то, что ты влип. А виноват ли в этом Рудаков или его информатор, не суть важно.

— Виноват не Рудаков, а Вагнер, — возразил Тюрин. — По моей информации, все деньги, полученные Вагнером для внедрения «Юнитела», осели в иностранных банках на счетах наших продажных чиновников.

— Но тогда кто же оплачивает эту чертову паутину? — нахмурился генерал.

— «Юнител» в России монтируется за счет наркомафии.

— И ты можешь это доказать?

— Нет, это оперативная информация. Я только слегка копнул, как у меня волосы дыбом встали.

— Да, волосы — это еще не доказательство. — Генерал пытался собраться с мыслями, но полученная информация его подавляла.

— Вы хотите доказательств? Их нет, потому что мой связной с секретной информацией так и не приехал. Скорее всего, он убит, а доказательства изъяты — это первое. Второе — после скандала со мной и другими так называемыми продажными операми в Лефортовском изоляторе оказались практически все дееспособные сотрудники ФСБ. Остальные, я не сомневаюсь, либо ни на что не годны, либо куплены тем же Вагнером. Если так пойдет и дальше, у нас вообще не останется никого, кто сможет справиться с его организацией. Вас и это не убеждает? Жаль. Иногда отсутствие доказательств говорит крас-

норечивее любых доказательств. Но у меня есть и документы, с помощью которых я могу доказать вину Вагнера и его шестерок.

— Где они? — Генерал побледнел от волнения.

— А вот этого я вам не скажу. И документы не отдам. Ни вам и никому другому.

— Ты внедрил в «Ипсилон» своего агента. Где документы на него?

— Я их уничтожил, — признался Тюрин. — Я сам буду поддерживать связь с ним. Если будет что-нибудь интересное, я доложу вам лично.

— Ты даже мне не доверяешь? — в голосе Лентулова послышалась нескрываемая горечь.

— Сейчас я не верю никому. — Тюрин поднялся. — И ни перед кем не обязан отчитываться. Я теперь человек гражданский. Спасибо, что от тюрьмы спасли. Другим меньше повезло. Я этого не забуду.

Генерал протянул Тюрину руку. Тот в ответ крепко пожал ее.

— Я буду добиваться проверки деятельности «Юнитела», — твердо сказал Лентулов. — А с Рудаковым тебе обязательно надо встретиться. Его ведь тоже вышибли из конторы. Если понадобится помощь, звони.

Полковник Спицын внимательно слушал все, что происходило в генеральском кабинете. Установить в нем микрофон ему ничего не стоило, так как именно в его функции входила защита начальника от прослушки.

Не заходя к генералу, он вышел на улицу, сел в машину и долго колесил по Москве, проверяя, нет ли за ним хвоста. Хотя следить за ним было практически некому. Наконец он остановил машину и из ближайшей телефонной будки позвонил Рифу.

— Нужно увидеться, — потребовал он. — И как можно скорее.

— Хорошо, в Боженово. У меня дела в том районе. Давай через полчаса возле северной стены Большого дворца. Найдешь?

— Не беспокойся. — Спицын положил трубку.

Под ногами хрустел снег. Потемневшие кирпичные стены дворца навевали мрачное настроение. Рифа Спицын увидел издалека. Тот подошел как всегда улыбающийся и всем довольный.

«Сейчас перестанешь улыбаться», — с мрачным удовлетворением подумал Спицын. И с ходу заявил:

— Лентулов намерен провести тотальную проверку «Юнитела».

— И что ты предлагаешь?

— Генерала надо срочно убирать, — жестко процедил Спицын.

— Ха! Ты не слишком много хочешь? — Риф покачал головой. — Генерал Лентулов — это тебе не полковник Тюрин. Его так просто не свалишь, для этого нужно время. А его как раз нет.

— Если нет времени действовать терапевтически, надо применить хирургию. Нужно радикальное средство. Кстати, Тюрин мы недоработали. Он на свободе и имеет на руках компру на Вагнера.

— И что ты предлагаешь? А? Не слышу. — Риф откровенно насмеялся над полковником.

— Мочить их надо. И Тюрин, и генерала. Причем немедленно.

— Ух какие мы крутые! — Губы Рифа исказила презрительная усмешка. — Надо, так возьми и убей. Интересно, за что ты так своего шефа ненавидишь?

Чем он тебе так насолил? Может, он тебя в жопу трахает, а ты отказать стесняешься? Или просто у тебя порода такая? Хорошо, что не я твой начальник. Есть у меня один бригадир, уши у него, как и у тебя, оттопыренные, и ноздри точно так же, как ты, раздувать любит. Надо будет ему несчастный случай организовать. От таких ребят надо подальше держаться — дольше проживешь. Ладно, а какая вторая проблема? Ты пока только одну назвал.

— Забыл про Рудакова? Мы же ему козью морду организовали. Не думаю, что он утрется и затихнет. А если, не дай Бог, он снюхается с Тюриным или с Лентуловым?

— Рудаков и Тюрин — моя забота. С ними проблем не будет, — заверил Спицына Риф. — А Лентулова убивай сам, здесь ты крайний и кроме тебя других дураков нет.

— Не знаю. Я попробую... Но я еще никогда никого...

— Тем более, надо же когда-то начинать. Дедушка Гайдар в шестнадцать лет уже счет убитым потерял, а ты все целку из себя строишь. Вот так и договоримся. — Риф снова презрительно улыбнулся. — Я займусь отставниками, а ты уберешь своего начальника.

Полковник Тюрин внешне напоминал бомжа. В лучшем случае — спившегося и опустившегося кандидата наук. Старая облезлая кроличья шапка, давно утратившее цвет и форму пальто. В руках рваный пакет, из которого торчали горлышки пустых бутылок. Он нетвердой походкой шел вдоль железнодорожных путей.

Слежку он заметил давно, еще на вокзале. Он быстро прошел в конец перрона, спрыгнул на рельсы и зашагал вдоль путей. На него косились охранники, но предпочитали не связываться. Взять нечего, а возни много. И только двое неброско одетых парней неотступно продолжали висеть у него на хвосте.

Они не спешили. Направление его движения их устраивало. Разобраться с объектом было удобнее там, в заставленном вагонами отстойнике, чем на людном вокзале.

Преследователи прибавили шаг. Далеко отпустить объект не следовало. Они поняли это лишней раз, когда Тюрин рванул вдруг с места и упел прыгнуть перед самым носом маневрового тепловоза, который тянул за собой длинную вереницу пустых пассажирских вагонов.

Один из преследователей бросился назад, в надежде опередить медленно тащившийся поезд и обогнуть его спереди. Похоже, этот безумный шаг ему удался.

Другой побежал вдоль состава к его хвосту, чтобы перехватить жертву с другой стороны. Поезд казался бесконечно длинным. Он пытался заглянуть под вагоны, но обзору мешал высокий сугроб, наметенный вдоль путей.

Когда последний вагон, громыхая железом на стыках, миновал, взгляду второго преследователя открылась малоприятная картина. Его напарник лежал на снегу, раскинув руки. Во лбу у него зияло огромное выходное отверстие. Он получил пулю в затылок, когда не ждал. Его собственный пистолет валялся рядом.

Напарник убитого подобрал упавший пистолет, который даже не был снят с предохранителя. Стало не по себе. Объект оказался гораздо серьезнее, чем они думали. Во всяком случае, на кабинетного чиновника он не походил. И

сейчас он мог быть где угодно, возможно, за спиной.

Он наклонился к мертвому товарищу и забрал из его кармана документы и деньги. Потом подумал и снял у него с руки часы. Пусть нашедшие тело решат, что перед ними жертва грабителя.

С пистолетом мертвого напарника и его документами в кармане он торопливо зашагал обратно. И лишь отойдя на значительное расстояние, взял трубку мобильного, набрал номер шефа и доложил о случившемся проколе.

Полковник Тюрин исчез в неизвестном направлении. Исчез для всех — и для друзей, и для врагов...

Полковник Рудаков был принят самим директором ФСБ. Директор, с которым Рудаков когда-то вместе начинал службу в органах, ни в чем его не упрекнул, но и не ободрил. Просто предложил написать заявление об отставке в связи с уходом на пенсию. Директор был смущен, но помочь опальному товарищу ничем не мог.

— Поверь, — сказал он на прощанье, — если бы это зависело от меня, я нашел бы тебе достойную должность. Но решение пришло сверху. Так что не могу предложить тебе даже преподавательскую работу. Асташков просил тебя позвонить, когда вернешься. Может быть, он чем поможет?

— Спасибо тебе за все, — в который раз горько усмехнулся Рудаков.

Разговор Рудакова с Асташковым состоялся в служебной машине начальника главка по дороге в аэропорт. Тот вылетал в Чечню.

— Скажи, как ты вообще вышел на Вагнера? — поинтересовался Асташков.

— Америкашки из ФБР помогли. Он и у них нагадить успел, но они его упустили.

— Понятно. А я-то думаю — с какой стати к нам председатель «Фонда борьбы с наркотиками» Ван дер Декен приезжает. Воистину — левая рука не ведает, что творит правая. Отсюда и бардак. Ну, хватит о работе, давай поговорим о тебе. Значит, выходишь на пенсию? А знаешь, я тебе немного завидую. Конец суете, можно отдохнуть.

— Как прикажете отдыхать? На подмосковном ранчо-сранчо клубнику квадратно-гнездовым методом окучивать или хреном груши околачивать? — проворчал Рудаков.

— Ну почему? Устройся в какое-нибудь охранное агентство. Я уже об этом думал и навел кое-какие справки. Ты Щербакова помнишь?

— Какого? Из первого главка? Конечно помню, в Афгане вместе служили. Я тогда со многими ребятами из контрразведки познакомился. А я слышал, он погиб.

— Погиб, но его дочка именно сейчас открывает частное охранное предприятие. Предложи свои услуги. Думаю, от специалиста твоего уровня и с твоими связями она не откажется. В рекомендациях не нуждаешься? Или похода-тайствовать за тебя?

— Обойдусь, — буркнул Рудаков. — Мой сын — председатель Ассоциации охранно-сыскных предприятий и служб безопасности России. Особого взаимопонимания между нами, правда, давно не наблюдается, но уж куда-нибудь старика пристроит.

— Ну и хорошо. Мой шофер тебя обратно в Москву отвезет. Вернусь, погово-

рим подробнее. И вот что, свяжись с Лентуловым. Ты ему можешь очень сильно помочь в деле Вагнера.

Вечером Риф сам заскочил на работу к Спицыну. Они закрылись в кабинете полковника, защищенном от подслушивания, и Риф похвастался:

— С тебя бутылка. Полковник Рудаков в списках ФСБ больше не числится. Вышибли с треском. Понял, как надо работать? Чисто и аккуратно. Хватило одного телефонного звонка.

— А как другой полковник? Тюрин?

Риф несколько замялся, но быстро справился с эмоциями.

— С ним работают.

— Послушай, — Спицын привык приказывать и терпеть не мог просить, — может быть, ты все-таки разберешься заодно с моим генералом?

— Не-а! — помотал головой Риф.

— Но почему?

— По кочану! Я тебе что — швабра для мокрой уборки? Или ты думаешь, что я Мясник и получаю удовольствие, кромсая людей ножичком? Нет, эту работу ты сделаешь сам! И сегодня же, иначе первый день проверки, о которой ты мне говорил, станет последним днем твоей жизни. Ты слишком много знаешь, поэтому тебя я уберу с особым удовольствием и чувством выполненного долга. Главное, не робей. Думаю, тебе понравится убивать людей. Все холуи — скрытые садисты и человеконенавистники по природе. Так что ты мне еще спасибо скажешь за помощь в раскрытии твоей подлой натуры. А теперь в путь, моя крошка!

С этими словами Риф дружески потрепал полковника по щеке. На безымянном пальце его болтались на кольце ключи с фирменным жетоном-брелком частного охранного предприятия «РИФ». Звон этих ключей вывел Спицына из себя. Он резко ударил Рифа по руке. Брелок оторвался от цепочки и отлетел в угол комнаты. Риф не заметил потери и, все так же нагло ухмыляясь и покручивая ключи на пальце, направился к дверям. Он вышел, оставив Спицына давиться в одиночестве от праведного негодования.

После работы генерал Лентулов вызвал удрученного Спицына к себе в кабинет.

— Ты у меня на даче под Звенигородом еще не был? — спросил он своего помощника. — Я там и зимой и летом. Ели, сосны, красота! И места исторические. Один монастырь чего стоит! Это тебе не Николина плешь, где всех достопримечательностей — одни заборы. Тот — министра, а этот — президента, дальше — плетень народного артиста. Оградки выдающихся людей, как на Новодевичьем кладбище. Это не считая воров. И, опять же, мое говно к ним вниз по Москве-реке плывет, а не наоборот. Ха-ха-ха! Короче, едем. Надо о делах поговорить. Машину поведешь ты, я больше никому не доверяю.

Они доехали быстро и без приключений. Дом генерала стоял в соснах. Это был коттедж в альпийском стиле.

Ворота дачи открыл охранник по имени Вадим. Он улыбнулся приехавшим, но генерал от этого только еще больше помрачнел. Он провел Спицына в хорошо натопленный дом. Валентина, жена генерала, была дома. Лентулов бросил свою старую и верную жену и попал под каблук секретарше, известной по кличке «Валька-быстро». Ее дежурной фразой в ответ на предложение пере-

пихнуться было: «Давай, только быстро».

Увидев Спицына, Валентина заметно обрадовалась. Полковнику ее оживление показалось даже слишком наигранным. Он и сам в последнее время стал замечать за женой генерала некоторые странности. То, что Валентина глотала колеса и нюхала кокаин, он знал и раньше. Но сейчас дело пахло героином. В голове полковника родился перспективный экспромт. Он подумал, что Валентину, возможно, не придется убивать.

За ужином генерал много пил. Спицын понял, что никакого разговора о делах не получится. Наконец Лентулов тяжело поднялся и, пошатываясь, направился к лестнице на второй этаж.

— Ты куда собрался, зайчик? — проворковала супруга.

— Надо поработать, — буркнул в ответ генерал и затопал по лестнице.

— Я сейчас вернусь, — ответил Спицын и пошел наверх вслед за начальником.

Тот уже крепко спал в рабочем кресле на колесиках, уткнувшись в клавишу «Г».

«Тоже символично», — отметил про себя Спицын.

Он попробовал растолкать шефа, но тот только пускал слюни и невнятно матерился. Тогда Спицын откатил его немного в сторону и выдвинул ящик письменного стола.

Перед ним лежали два пистолета — наградной «байкал» и подарок от самого Спицына — стечкинский «дротик». Оба были малокалиберными. Калибр «дротика» был даже меньше, чем у «байкала», но зато сам патрон, бутылочной формы, значительно мощнее. Для выстрела в упор он подходил меньше — и звук громче, и пуля могла пройти навывлет, не задев жизненно важных органов. Если бы Спицын собирался убить шефа, он выбрал бы «байкал».

— Что ты там ищешь?

В дверях кабинета стояла Валентина.

— Так, ничего, — засуетился Спицын. — Хотел найти свободную дискету, чтобы запечатлеть творчество шефа, а потом показать ему.

— Хватит заниматься ерундой, — раздраженно бросила женщина. — Пошли.

Она потянула Спицына в свою спальню, которая находилась в другом крыле особняка. Здесь она скинула с себя халат и абсолютно голой растянулась на постели.

— Я тебя не привлекаю? — спросила она.

— О чем ты говоришь! — Спицын принялся поспешно стягивать брюки и ботинки одновременно.

Через минуту он был в постели.

— Кроме нас в доме еще кто-нибудь есть? — как бы невзначай поинтересовался он.

— Нет, кроме нас — только Вадим, охранник. Он спит внизу. Ну давай же! — зло прошипела она и потащила Спицына на себя.

Сношение получилось никудышным. Спицын не удержался и непроизвольно эякулировал. Как пионер-первоходчик.

Валентина пришла в ярость. Она наградила партнера презрительным:

— ...барь кошачий!

И, не одеваясь, выскользнула из комнаты.

Спицын нашел ее внизу, в холле. Она полулежала в глубоком кресле, уставившись вверх отрешенным взглядом. Спицын посмотрел в направлении ее взгляда. Кроме толстой, почерневшей балки, пересекавшей потолок, ничего примечательного он не обнаружил.

Рядом с женщиной на столике в плоской тарелке лежал шприц. Здесь же, открытая, валялась коробка с ампулами. Спицын подошел и взял со стола «машинку». Потом набрал тройную дозу и ввел наркотик в вену Валентине. Затем собрал лишние ампулы и убрал в карман.

После этого Спицын снова поднялся наверх в кабинет генерала. Через несколько минут оттуда раздался приглушенный выстрел.

Крюков подвез Ирину к зданию районного Управления внутренних дел. При виде массивных дверей она вздохнула:

— Врата преисподней. Оставь надежду, всяк сюда входящий!

— В каком смысле? — не понял Крюков. — Тебе здесь почки отбили?

— Нет, только нервы вымотали. И как будто еще не все. Мне начинает казаться, что проще получить лицензию на убийство, как у Джеймса Бонда, чем на оружие. Причем никак не могу врубиться — то ли с меня взятку тянут, то ли это действительно так строго.

— Не бери в голову, это же не пуля, — успокоил ее Крюков. — Если все чиновники начнут удовлетворять тебя по первому требованию, их перестанут уважать, и страна тут же развалится. Признайся, ты ведь не хочешь, чтобы наша страна развалилась?

Ирина вздохнула и вышла из машины. В длинном коридоре ее уже ждала очередь товарищей по несчастью. Она приготовилась ждать, как вдруг ее окликнули:

— Простите, вы случайно не Ирина Щербакова?

Перед ней стоял незнакомый молодой мужчина. Он улыбнулся:

— Я угадал? А вот меня вы вряд ли узнаете. Мы виделись всего пару раз, и то мельком. Наши отцы работали вместе. Я тоже успел немного потрудиться в их компании. Меня зовут Ионой. Довольно редкое имя.

— Вы правы, я вас не помню, — ответила она. — Единственный Иона, про которого я слышала, был, кажется, известный американский обозреватель.

— Он был другом моего отца, меня в честь него и назвали. Но не важно, что вы про меня не слышали, — как ни в чем не бывало продолжал незнакомец. — У вас проблемы? Могу я чем-нибудь помочь? Не паспорт же вы пришли сюда получать.

— Помочь мне невозможно. Я пытаюсь оформить лицензию на свое частное охранное предприятие.

— Ну так вам просто повезло. Я являюсь вице-президентом Российской ассоциации частных охранных предприятий и служб безопасности. Волокита — любимый конек наших чиновников. Так что с вашей проблемой мы сталкиваемся по восемь дней в неделю. Тут один идиот догадался назвать свою фирму знаете как? «СМЕРШ»! Ха! И хочет, чтобы ее зарегистрировали.

Ирина поджала губы:

— Этот идиот, вернее, идиотка — я.

— Да? — Вице-президент Иона был озадачен. — Извините. Действительно, иногда лучше жевать, чем говорить.

— Ладно, проехали. Значит, вы считаете, что «СМЕРШ» не пройдет? Тогда, может быть, что-нибудь попроще? Например, «ОГПУ». Оказание гражданам правовых услуг. А?

— Почему бы и нет? Во всяком случае, можно попробовать написать название полностью. Может, в комиссии не врубятся? Теперь после моей похвалы мне остается только пойти и застрелиться. Или добиться регистрации вашей фирмы. Для начала попробую второе. Ваша индивидуальная лицензия и учредительные документы в порядке? Вам нужна лицензия и на охрану и на частный сыск? Напишите полные данные, постараюсь что-нибудь придумать.

Ирина подозрительно прищурилась:

— А что потребуется взамен? Неужели вы думаете, что я так вот сразу возьму и поверю в благотворительность?

— Вы угадали, — чуть смущенно улыбнулся Иван. — Я хотел бы попросить вас об одной неоценимой услуге. Мой отец, в недавнем прошлом сотрудник разведки, вышел на пенсию. Я подыскиваю ему хорошее место. Может быть, вы возьмете его к себе? А в качестве компенсации обещаю поставить программное обеспечение «Цербер♦XXI век».

Ирина тут же позвонила Крюкову:

— Слушай, у меня появился первый кандидат в наш кооператив. Говорят, неплохой профессионал.

— Мент или эфэсбэшник?

— Из «Глубокого Бурения». Они с моим отцом вместе работали в Афганистане. Его выперли на пенсию, и он предлагает свои услуги в качестве начальника. Что скажешь?

— Бери.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Почему я должен быть против?

— А профессиональная ревность?

— Но я же не собирался оформляться в твое агентство. А на твоего разведчика недр надо, конечно, посмотреть. Они, когда выходят в отставку после своей нервной работы, иногда очень быстро спиваются. Им привычного риска не хватает. В крови адреналин кипит и требует реакции нейтрализации. Но если он нам понравится, мы ему и здесь жизнь полную опасностей организуем. Не заскучает. А ты что такая радостная? Колись!

— Да так, — неопределенно протянула Ирина. — Просто нашелся человек, который помог мне с документами. Очень надежный, внимательный и еще не старый. Такие нравятся женщинам, не то, что ты.

— Влюбилась, что ли? И как нас зовут?

— Дурак ты, Крюков. Он действительно нормальный парень, тоже моего отца знал. А зовут его Ионой.

— Как? Нет, это серьезно? Это который в чреве кита плавал? Ну, старуха, ты дала! Уж оторвала, так оторвала!

— Нет, кто бы говорил! — возмутилась Ирина. — Да с твоим именем вообще только сидеть в туалете и кричать: «Занято!»

— Зря ты это сказала, — обиделся Крюков. — Грешно смеяться над врожденными недостатками. Я же не говорю, что у тебя ноги кривые.

— У меня?! — Ирина едва не задохнулась от возмущения. — Да у меня ноги прямее, чем у тебя руки!

— Так я же и не говорю, что они кривые! Я именно так и выразился. Ладно, я тебя прощаю и желаю большого человеческого счастья. А сейчас извини, ко мне пришли. Привет твоему ветхозаветному пророку! — и Крюков прервал связь.

Крюков медленно ехал в потоке машин. Выходные производили на него гнетущее впечатление. В поисках, чем бы заняться, он вспомнил мудрый завет ротного замполита: «Солдат, полчаса не занятый делом — потенциальный преступник». На преступление его, правда, пока не тянуло, но напиться от скуки хотелось.

Дело Галины Зелинской зависло, как оба компьютера с игрой «Армагеддон». Спидовый маньяк оказался подозрительно похож на Мясника, который, в свою очередь, раздвоился. Если не размножился. Может, их кто-то клонирует? Судя по татуировке на плече, убийцей может оказаться кто-то из охраны Семенова банка. Кстати, о трупиках... Он достал трубку мобильного и набрал номер. В отделе трубку взял майор Галкин.

— Это вы, Крюков? Отдыхаете? Ну, отдыхайте. С завтрашнего дня усиление. Кстати, вам тут звонили из налоговой полиции.

— С чего бы это? — удивился Крюков. — Я в жизни никаких налогов не платил и не собираюсь.

— Это по поводу вашего воззвания.

Крюков вспомнил, что просил Птенчика разослать образец татуировки с крылатым черепом по дружественным управам и околоткам. Не опознает ли кто? Вот и ответ.

— Говорите, Александр Абрамыч, я весь внимание.

— Так вот, вам звонил Матфеев из налоговой полиции. Группа лиц с такими татуировками была задержана при проверке частного охранного предприятия «РИФ». Они там работали охранниками.

— Это, часом, не та ли охранная фирма, которая президентовых сродственников прослушивала?

— Она самая. Охранное предприятие «РИФ» после этого, естественно, прикрыли. Пытались доказать их связь с фирмой «Ипсилон-нефть», но безуспешно. Правда, позже выяснилось, что все сотрудники «РИФа» перебравшись в службу безопасности финансово-промышленной группы «Ипсилон». Что, зачесалось? Как информация?

— Занятно, занятно. Но имейте в виду, Александр Абрамович, что у меня выходной. Так что не уговаривайте.

Крюков отсоединился и набрал номер убойного отдела:

— Але, Жека?

Трубку взял начальник отдела Шабанов.

— Крюк, ты? Извини, некогда. Выезжаю на убийство в область.

— С какой стати в область? — удивился Крюков. — Тебя что, унизили в должности и перевели в деревенские детективы?

— Дело на контроле в министерстве, а свои сыщики у них в разгоне по Чечням и Дагестанам, — пояснил Шабанов. — Жена генерала Лентулова повесилась.

— Сама? — Крюков был разочарован. — А я подумал, опять Мясник кого-то грохнул. А кого же тогда убили? Мне говорили про три труп.

— Самого генерала и его охранника. Похоже, это она их. Короче, перезвони вечером, сейчас мне некогда.

— А может, я с тобой прокачусь?

— Катись, если заняться нечем. Я минут десять еще в отделе покручусь. Успеешь?

— Нет базара. Жди.

Крюков оставил «рябуху» возле управления и пересел в «Волгу» Шабанова. За ними пристроился «рафик» со следственной группой.

Шабанов закурил и откинулся на спинку сиденья.

— Пашу, блин, как Золушка, — пожаловался он другу. — Только в дороге и отдыхаю. Слушай, Крюк, твой здоровый бугай работу поменять не хочет?

— Птенчик, что ли? — переспросил Крюков. — Не знаю. Сам спроси. А на хрена он тебе?

— Такой спец в нашем отделе просто незаменим. У меня жмуры через один — висельники. Их снимать — сплошной геморрой. А он парень длинный и здоровый. Мне такой как раз и нужен.

— Перебьешься, — разочаровал его Крюков. — Сам попрыгай. Лучше скажи, что у тебя на моих Мясников?

— Странные ребята. Ты знаешь, что они покойники?

— Надеюсь на это. Но боюсь ошибиться. Как говорил Стивенсон, мертвые не кусаются. А эти так и норовят голову отгрызть.

— Я имел в виду, что оба погибли пять лет назад во время взрыва цистерны на воинском складе ГСМ. И оба, кстати, подозревались в причастности к этому взрыву.

— Данные точные или «от Укроп Помидорыча»?

— Из военной прокуратуры.

— Я так и думал, — со злорадным торжеством ухмыльнулся Крюков. — Военные следаки — это парни, на которых всегда можешь рассчитывать, если хочешь запутать дело. Тайну хищения портянок они раскрутить еще в состоянии, а все, что чуть сложнее — в висяки.

За разговором они не заметили, как приехали на место.

— Красиво здесь, — огляделся Шабанов.

— Горы, сосны. Подмосковная Швейцария, — согласился Крюков. — Хороший город Звенигород.

Возле дома слонялись милиционеры в форме и в штатском. К воротам подъехал черный «ауди». Из машины вылез лощеный, представительного вида мужик с элегантным зачесом.

— Полковник ФСБ Спицын, — представился он. — Что с генералом?

Крюков внимательно посмотрел на приехавшего. Глаза по сторонам рыщут, трет кончик носа — синдром Пиноккио-Клинтона. Знает, козел, намного больше, чем хочет сказать. И что с генералом случилось, тоже знает.

«Сюда бы сейчас «ДЛБ» — «детектор лжи бытовой», — подумал Крюков, — в смысле, пакетик целлофановый хлопцу на голову. И через пять минут истина восторжествовала бы».

— Пройдемте в дом, нужно опознать тела. — Шабанов пошел впереди, генеральский холуй — за ним. Крюкова никто не приглашал, и он после долгой дороги решил прогуляться до заснеженных кустов, примыкающих сзади к участку генерала. Здесь внимание Крюкова привлекла куча тряпья посреди плотно

истоптанного пяточка в рыхлом снегу. Он приблизился, стараясь не добавить следов к тем, что уже имелись.

От кучи пахло жареным. Вернее, горелым. При детальном изучении Крюков сделал вывод, что под обгорелым тряпьем покоятся обгорелые человеческие кости. Рядом в снегу блестела металлическая пластинка. Крюков подобрал ее. Это был то ли жетон, то ли брелок охранного предприятия «РИФ».

На крыльцо генеральского дома вышли Шабанов, следователь и Спицын.

Крюков сунул жетон «РИФа» в карман и незаметно вернулся к дому. Спицын кивал головой как больная лошадь:

— Да, это генерал Лентулов, его охранник, кажется, его звали Вадим. И жена генерала. Неужели ее тоже убили?

— Сама повесилась. Вы не в курсе, она наркотики не употребляла?

— Вы что, издеваетесь? — взвился Спицын. — Жена генерала Лентулова — наркоманка? Нет, это какая-то провокация. Я требую привлечения к расследованию сотрудников ФСБ!

Шабанов развел руками:

— Видите ли, пока виновной в совершении убийств подозревается жена генерала, оно проходит как бытовое. Если будут основания считать, что генерал убит в связи со служебной деятельностью, дело будет передано в ФСБ. Согласитесь, так объективнее.

— Но я требую самого тщательного исследования всех фактов, — настаивал Спицын. — Вы только в доме смотрели?

— Да. Сейчас отправлю ребят обследовать окрестности, — раздраженно оправдывался Шабанов.

Крюков пристально посмотрел на Спицына. Его разбирало желание показать эфэсбэшнику брелок «РИФа» и спросить — не его ли тот ищет. Но он удержался.

Двое постовых, посланных на проческу местности, нашли обгорелые останки почти сразу. Крюков отметил, что Спицын очень заинтересовался находкой и выразил желание немедленно ее осмотреть.

Крюков подошел к Шабанову.

— Я, пожалуй, поеду. До Москвы подскочу на труповозке.

— А тебе разве не интересно, что там ребята нашли в кустах?

— Нет. Интуиция подсказывает мне, что это никакого отношения к убийству генерала не имеет.

— Тогда что это может быть? Совпадение?

— Конечно. Бомжик хотел погреться у костра и сторел. Проверь, не пропали ли у них на здешнем вокзале бомжи.

Крюков не спеша удалился, а Шабанов еще долго с величайшим подозрением смотрел ему вслед.

В особняке Боженково проходил совет нечестивых. В каминном зале располагалась группа людей, среди которых сидели и потягивали разные напитки полковник ФСБ Спицын, возглавивший отдел после трагической смерти его начальника генерала Лентулова, и полковник Павлов. Все собравшиеся по разным причинам были кровно заинтересованы в развитии монополии Бориса Семеновича Вагнера.

— Что ж, можно подводить итоги, — предложил Шнопак. — Операция проведена блестяще. Все, кто реально или хотя бы потенциально представлял опасность для нашей программы, выведены из игры. Несколько незначительных факторов риска находятся под строгим контролем. Но есть и неприятные новости. Со дня на день мы ожидаем прилета в Москву председателя «Международного фонда борьбы с наркотиками» Ван дер Декена. Надеюсь, мы справимся и с этой проблемой.

Присутствующие одобрительно зашумели...

Утром Крюков позвонил Ирине:

— Я сегодня работаю, попробую вырваться минут на двадцать. Нужно срочно поговорить с Антоном насчет его сослуживцев из Кургая. Подскажи мне его адрес.

Ирина назвала адрес, по которому племянник снимал квартиру. Затем потребовала:

— Подтверди получение информации.

Трубка молчала.

— Эй, на проводе! — переспросила Ирина. — Ты живой? Крюков, что с тобой? Ответь!

Она не на шутку испугалась. Наконец в трубке послышался невнятный хрип.

— Пока живой. — Крюков прокашлялся. — Слушай, не знаю, как тебе сказать...

— Чем проще, тем лучше, — с тревогой заверила его Ирина.

— Короче, дело было так. Недавно мы накрыли одну нехорошую квартиру. В самый неподходящий момент туда позвонил неизвестный. Номер телефона мы определили и по нему вышли на другую квартиру, еще хуже первой.

— И туда тоже позвонили? — догадалась Ирина.

— Не совсем. Неизвестный связался с той квартирой по модему. Что именно он сообщил, сейчас неважно. Самое главное, что мы вычислили и третий адрес. Этот адрес ты мне только что назвала.

— Адрес Антона? — Ирина была поражена. — Объясни, зачем он звонил в эти нехорошие квартиры!

— Дело в том, что звонил не Антон. Это был Мясник.

В Антоновой квартире Бонза расположился как дома. В том смысле, что к компьютеру никого, в том числе и хозяина, не подпускал.

— Из нас троих я один — настоящий хэкер, — говорил Бонза. — А вы так, ломеры. Пшено. Не обижайтесь. Ты, Пит, может, у себя в Питере и ходил в авторитетах, но у нас это не уровень. Антоха тоже не лучше.

— Хватит трепать языком, — осадил его Антон. — Твою телку и мента вчера

зарезали. Если бы мы не свалили, зарезали бы и нас. А дом взорвали. Так же взорвали и тот дом, куда ты звонил позавчера. Козе понятно, что за тобой хвост. Поэтому телефоном и модемом не пользуйся, в «Юнител» и Интернет не выходи.

— Ладно, отстаньте от меня! — потребовал Бонза. — Этот компьютер спецкабелем не подключен, в «Армагеддон» я отсюда не попаду. Чего вы боитесь?

Антон с Питером переглянулись и вышли из комнаты.

— Я должен отойти на полчаса, — предупредил Питер. — Ты все-таки последи за ним. Мне кажется, Бонза влип в какие-то серьезные игры. Причем чужие.

— Ладно, не волнуйся.

Антон закрыл за Питером дверь, прошел в свою спальню и завалился на постель. Тем временем Бонза прислушался, убедился, что в квартире тихо, и достал из кармана плоскую коробочку с лазерным диском си-ди-райтера, в просторечье — «золотом». Он отвалил за эту пластинку с объемом информации в шестьсот мегабайт триста долларов и переписал на нее в полном объеме игру «Армагеддон».

Бонза запустил игру, ввел коды и двинулся хорошо известным ему путем сквозь разрывы ядерных снарядов и лазерные залпы к точке входа в Малую пирамиду.

Другими словами, он сейчас делал именно то, что друзья категорически ему запретили. Он целиком погрузился в работу и не слышал тихих шагов у себя за спиной. Только громкий скрип паркетины под ногой гостя заставил его вздрогнуть.

Он не успел повернуться. Убийца прихватил его левой рукой за подбородок, а правой вонзил в тело огромный нож. Хрустнуло ребро — сталь рассекла его как хлебную корку. Убийца вырвал клинок и нанес повторный удар. Потом еще и еще. Зубья, расположенные на обухе ножа, увеличивали раны до страшных размеров.

Бонза вырвался и заорал. В этом крике не было ничего человеческого — только звериный сплав боли и ужаса.

Убийца махнул пилой по горлу жертвы, и крик оборвался. Он хотел тут же достать диск из компьютера, но сообразил, что липкими от крови пальцами может наставить кучу отпечатков, и направился в ванную.

Чтобы не испачкаться, убийца еще в коридоре сбросил куртку и рубашку, оставшись в черной майке с надписью «РИФ-секьюрити». Короткий рукав открывал татуировку: на левой руке чуть ниже плеча весело скалился череп с крылышками по бокам. Сверху и снизу вокруг черепа синела аббревиатура: «ОШБОН-КУРГАЙ».

На входную дверь снаружи обрушились сильные удары...

Крюков подъехал к указанному Ириной дому и направился в подъезд. Из двух лифтов ни один не работал. Впереди Крюкова поднималась пара молодых людей. Толстый молодой человек и девушка с голубыми волосами. «Мальвина», — обозвал ее про себя Крюков.

Молодежь о чем-то весело болтала. Крюков хотел было опередить их, но вдруг услышал среди трепы имя Антона. Он поотстал на этаж и пошел тише. Когда до нужного шестнадцатого этажа оставалось совсем немного, тишину

подъезда прорезал жуткий крик. Так могли кричать разве что жертвы Мясника. Крик, судя по всему, раздался из квартиры Антона.

Парень с девушкой рванули вверх по лестнице и забарабанили кулаками в дверь. Крюков в два прыжка догнал их и отстранил. Дверь была железная и на вид казалась совершенно непреступной.

Друг босоногого детства вор-медвежатник Лях научил Крюкова двум вещам, жизненно необходимым каждому нормальному человеку: вскрывать замки и махать на ножах. Крюков мог бы в спешке выскочить из дома без трусов или партбилета, но никогда не забывал прихватить подарки друга — набор титановых отмычек и настоящую финскую пукко с выжженным на березовой рукоятке слонем, что по мысли Ляха граничило с тонкой галльской иронией. Аббревиатуру «СЛОН» в определенных кругах принято расшифровывать: «Смерть Легавым От Ножа».

С помощью бесценного дара Крюков справился с дверью за считанные секунды. Пока он осторожно, чтобы не погнуть и не сломать, выуживал инструменты из замка, Толстяк и Мальвина, опередив его, ввалились в квартиру. Когда он следом за ними сунулся в темную прихожую, они с такой же скоростью выскочили из комнаты и снова чуть его не затоптали.

Интуиция сыщика подсказала Крюкову, что в комнате что-то произошло. На сей раз из несессера джентльмена он извлек небольшой двуствольный обреза и осторожно направился в распахнутую дверь комнаты.

В комнате царил беспорядок. Возле стола с включенным компьютером лицом вверх лежал труп. Это был не Антон. Тело было покрыто страшными ранами. Под ним успела натечь огромная лужа крови. Раны были нанесены определенно ножом, но самого орудия преступления нигде не было видно.

— Что тут у вас творится? — раздался голос в прихожей.

— Стой там, не двигайся! — предупредил вошедшего Крюков. — Эй, молодежь! Вы тут ножика не брали?

Из ванной послышались утробные звуки — там кого-то рвало.

Крюков вышел в коридор и набрал на мобильнике номер Шабанова:

— Алло, Жека? Собирайся на выезд, у меня для тебя имеется кое-какая работа по профилю. Ага, по твоей основной специальности. И из прокуратуры кого-нибудь прихвати. Если можно, самого башковитого. Тут потрошитель поработал, и похоже, что это снова Мясник. Не забудь следственный чемодан.

Он прошел по квартире. Мальвина топталась в прихожей рядом с новым персонажем, парнем лет двадцати пяти.

— Это Питер, — представила она парня.

— Я здесь живу, — пояснил он.

Из ванной снова донеслось тигриное рычание — там все еще неудержимо рвало Толстяка.

— Его зовут Стас, — пояснила Мальвина. — А вы из милиции?

— Да. Где Антон? — спросил Крюков у Питера.

— Понятия не имею. Я уходил, он оставался дома. С Бонзой.

— Бонза — это тот, что в комнате? — спросил Крюков Мальвину.

Та кивнула. Входная дверь раскрылась, и на пороге появился еще один молодой человек, длинный как жердь.

— Чегой-то вы здесь делаете, а? — глупо ухмыляясь, спросил он.

— Понятия не имею, — пожал плечами Питер.

— Бонзу убили, — внесла наконец ясность Мальвина.

Крюков принялся выталкивать всех из квартиры:

— Вы ничего здесь не трогали? Брысь все на лестницу!

Он прошел по квартире. Балконная дверь на кухне была распахнута. За перила якорной лапой был зацеплен нож, который Крюков искал на месте преступления. Клинок был покрыт не успевшей засохнуть кровью. К кольцу в ручкоятке крепился трос, уходивший вниз, к земле. Не хватало только поздравительной открытки с пожеланием: «Ищи-свищи»!

Свистеть Крюков не стал, а вернулся в комнату, где лежал убитый, и пробрался к компьютеру. На мониторе значились почти те же параметры, что и в двух предыдущих вариантах. Те же игра «В пирамиде» — «Апекс» — «Малая пирамида». Но не совсем. Даже при своем более чем низком уровне компьютерной грамотности, вернее, высоком уровне неграмотности, Крюков врубился, что в игру «В пирамиде» аппарат входит не напрямую через сеть Юнител, а с дискеты.

Он нажал кнопку на панели компьютера. Это был лазерный диск. Крюков вставил его на место. Может быть, в таком варианте ему не придется иметь дело с проклятой «Минуткой»?

Но его надежды не оправдались. При первом же нажатии клавиши в углу экрана снова появилась проклятая маска и сообщила, что для подтверждения полномочий у Крюкова в запасе имеется ровно минута.

На этот раз он не стал любоваться картиной крушения мира, а выключил аппарат, извлек из него сверкающий золотом диск и сунул в карман. После этого он продолжил осмотр квартиры.

Вторая комната была закрыта на навесной замок. Обычно хозяин двухкомнатной квартиры, сдавая ее, использует вторую комнату в качестве склада собственной мебели. Крюков подергал замок, и тот легко открылся. Здесь и в самом деле хранилась сдвинутой в кучу мебель. Большой шкаф, буфет, пара кресел, опрокинутых на стол.

Но хозяин заблуждался относительно неприкосновенности своей собственности. На углу стола стоял включенный, правда, без звука, телевизор. Рядом, на диване, лежал в наушниках Антон. Глаза его были закрыты, лицо бледно.

Крюков шагнул к нему и сжал запястье. Капитан не был китайским врачом, который может поставить по пульсу полный диагноз, но ему показалось, что жизнь Антона вне опасности. Более того, судя по пульсу, тот спал здоровым крепким сном. Так спит тот, кто имеет чистую совесть, либо тот, кто не имеет ее совсем.

Часть вторая

Финансовый армагеддон

17

Крюков толкнул дверь и вошел. В кабинете начальника убойного отдела Жеки Шабанова кроме него самого сидели двое оперов из его убойной команды, следователь прокуратуры и понурый, как больная лошадь, Антон. Остальных свидетелей, похоже, уже отпустили.

— Ну что, не колется? — кивнул Крюков на Антона.

— Говорит, что спал в наушниках при включенном телевизоре и ничего не слышал, — покачал головой следователь. — Но, как бы то ни было, дверь его комнаты была закрыта снаружи на шпингалет. Сам он ее закрыть, естественно, не мог.

— А если у него был сообщник? — предположил Крюков.

Он не собирался топить Антона. Напротив, хотел исключить все сомнения в его виновности.

— Какой сообщник? Ты сам в квартире посторонних видел? — проворчал Шабанов, которому это преступление уже стало поперек горла.

Крюков посмотрел на Антона.

— Ты не в курсе, что за дискета у Бонзы в компьютере стояла?

— Это не дискета, — неохотно сообщил Антон. — Это «золото». Лазерный диск для записи объемом в шестьсот мегабайт. Бонза за него триста баксов отвалил. Он на него игру переписал. «Армагеддон».

— Не дороговато за одну игру триста баксов платить? — недоверчиво поинтересовался Шабанов.

— Не знаю. Мне она и даром не нужна, — отрезал Антон.

Крюков промолчал. Приобщить похищенный лазерный диск к остальным вещдокам означало окончательно потерять его.

— Бонза последнее время вообще странный стал, — продолжал Антон. — С тех пор как в стройбате «Юнител» монтировали.

— Что это за стройбат, которому понадобилась компьютерная связь? — удивился Шабанов.

— Понятия не имею, — пожал плечами Антон. — Их казармы за парком Боженово находятся. Там Бонза в основном работал. Мы с Питером на подхвате были — достань-привези. Тогда ему диск и понадобился. У него в тот момент денег не хватило, я добавлял.

— Но для чего стройбату такие примочки? — не унимался Шабанов.

— Может быть, они решили в коммерцию удариться? — предположил следователь прокуратуры.

— Короче, Жека. Ты Антошку в камеру закрывать собираешься? — спросил Крюков Шабанова.

Тот пожал плечами:

— Наш номер шишнадцатый. Вон прокуратура сидит, пусть решает.

Крюков перевел на следователя вопросительный взгляд. Тот развел руками:

— Пока он свидетель. Вообще-то я бы его задержал ненадолго для его же

безопасности. Но ты ведь знаешь наше положение с изоляторами. Отдельных номеров нет. Придется ограничиться подпиской о невыезде.

— Ну вы и крючокотворы, — усмехнулся Крюков. — Так кем он у вас все-таки проходит: свидетелем или подозреваемым?

— Как тебе сказать, чтобы не обидеть? — поднялся со своего хозяйского места Шабанов. — В общем, пусть расписывается, и катитесь отсюда оба.

— А ты уже во всем разобрался? — удивился Крюков.

— Не фигу разбираться, работать надо! — напутствовал Крюкова Шабанов. — И без вас тут дышать нечем.

— Ладно, получишь ты у меня палку к плану, — мстительно пообещал Крюков и хлопнул по плечу Антона, который все еще находился в какой-то прострации:

— Пошли, пока эти доброхоты тебя в камеру не законопатили для твоего же блага. Ненадолго — лет на пять-десять.

— А ведь прокуратура дело говорит — будь осторожен, — напомнил Шабанов. — У тебя не создалось впечатление, что Мясник наведывался именно к Антону?

— У меня создалось впечатление, что ты у Мясника работаешь то ли пресс-секретарем, то ли рекламным агентом. У тебя ко мне все? — обернулся Крюков в дверях.

— Если обиделся, набери в рот говна и плюнь в мою сторону, — предложил Шабанов. — А ведь я тебя другом считал, хотел сказать, что сожженный труп возле дачи генерала Лентулова принадлежал скорее всего бомжу. А теперь точно не скажу.

— Ну и не говори. А что за бомж?

— Местный, со станции. У них там при буфете один завсегда пропал, грязнорабочий, который за стакан портвейна. Люди видели, как он в машину садился. В черную «Волгу». И не вздумай про номера спросить, убью. Теперь все, свободен, как негр в Синг-синге.

— Ухожу. А что с веревкой, на которой генеральшу повесили?

Шабанов подозрительно прищурился:

— Откуда знаешь? Кто-то из моих наступал?

— Кроме тебя больше некому. А все знаю, потому что умный и интуиция у меня развитая. Ты колись быстрее, тогда я быстрее уйду. Тебе же приятнее будет.

— На веревке почти по всей длине следы трения на волокнах, — с неохотой сообщил Шабанов.

— То есть ей сначала накинули петлю на шею, а потом подтянули к потолку? — уточнил Крюков.

— Да. Теперь все? Или ты уже знаешь, кто это сделал? Тогда поделись с нами, бестолковыми.

— Утверждать не могу, но если спрашивать того эфэсбэшника, генералова помощника, который всюду нос совал, может, он что и скажет. Может, даже признается. Чистосердечно.

— И что я должен у него спросить? Не вы ли, товарищ полковник, убили жену своего генерала?

— Нет. Спроси так: «Не вы ли убили своего генерала, его телохранителя и его жену?» И: «Почему у убитого вами бомжа оказался служебный жетон част-

ного охранного предприятия «РИФ»? А вообще-то про жетон лучше не спрашивай. Все, я полетел, мне некогда.

И Крюков вытолкал Антона в дверь и исчез сам прежде, чем озадаченные Шабанов и следователь постигли смысл его слов.

Спускаясь по лестнице и толкая впереди себя заторможенного Антона, Крюков размышлял, зачем все-таки привокзальному бомжу понадобилось ехать на генеральскую дачу с жетоном РИФа в кармане.

Внизу его окликнул дежурный:

— Эй, Крюков, ты интересовался сводкой по Мяснику? Вот, позади Вагнеровского Центра исследований крови на пустыре нашли три трупа. Два парня и баба молодая. Он их всех троих порезал.

Антон пошел в сортир справлять малую нужду. В ожидании его Крюков задумался. Активность Мясника и разносторонность его интересов — от резни до взрывов — не вписывались ни в какую последовательную систему. Но что-то должно было объединять все формы проявления этого кошмара. Знать бы, что!

Воспоминания о взрывах навели Крюкова на тревожные мысли. Странная последовательность — два виртуальных взрыва, за ними два реальных. Третий раз взрыва в «Армагеддоне» не произошло, но это не значило, что его не случится и в действительности.

Идею подать рапорт Крюков сразу забраковал. Попытка объяснить связь компьютерных катаклизмов с реальными взрывами закончилась бы неизбежной регистрацией новатора в психиатрическом диспансере.

«Мы пойдем другим путем», — позвал когда-то Ильич.

И Крюков отозвался. Он отвернулся от дежурного, достал трубку мобильного и набрал номер, который был написан крупными цифрами у дежурного на будке.

— Алле, — прошамкал он, изображая старушечий голос. — Это милиция?

Изображал он плохо, но дежурный поверил. Окрыленный успехом, Крюков продолжил:

— В доме номер тринадцать, — он назвал адрес Антоновского дома, — где вчера убийство нашли, какие-то кавказские национальные лица носят мешки, не иначе — взрывчатку. Да. Ты, милиция, уж проверь.

По возникшему в тот же момент оживлению Крюков догадался, что его семена пустили корни. Оставалось подождать всходов.

«Рябуха» мчалась, разбрызгивая колесами смесь снега, соли и грязи на неловких либо беспечных москвичей и гостей столицы.

— Куда мы едем? — безразлично спросил Антон.

— Сегодня Галину хоронят, — напомнил Крюков. — Надо Семена поддерживать. Ты сам-то как, оклемался?

— Более-менее.

— Расскажи-ка мне, бестолковому, что это за система такая — «Юнител», — попросил Крюков. — Только имей в виду, для меня не то что компьютер, а обычные деревянные счеты и логарифмическая линейка — суть предметы, недоступные пониманию.

— Но ты вообще компьютер когда-нибудь видел?

— Любовался издалека.

— То, что люди называют компьютером, состоит из трех частей: монитора, то есть телевизора, клавиатуры и самого компьютера — это такой железный ящик, — начал Антон. — В системе «Юнител» все предельно упрощено. Ящик тебе не нужен. То есть ты пользуешься услугами одного огромного суперкомпьютера, который находится где-то далеко. Тебе не надо совершенствовать свой прибор, ремонтировать и так далее. У тебя клавиатура, соединенная с монитором или обычным телевизором. Все это подключено к «Юнителу» через обычную же телевизионную антенну с помощью маленькой коробочки. В ней находится служебная плата и микрочип. В нем весь фокус и состоит. Этот чип работает по принципу нечеткой логики со скоростью десять миллионов логических выводов в секунду. Нечеткий контроллер.

— Что это за фигня? Я работаю по принципу нечеткой логики, когда много пью и мало закусываю, — удивился Крюков.

— Нечеткая логика — это принципиально новый раздел математики, — пояснил Антон. — Можно сказать — революция. До этого вся математика, как и компьютеры, базировалась на двоичной системе отсчета, то есть отвечала на вопрос четко — «да» или «нет». А нечеткая логика позволяет улавливать нюансы и тонкости. Одно слово — быстрые системы.

— Как это? Ты не умничай, а покажи на пальцах, — потребовал Крюков.

— Хорошо, сейчас попробую. — Антон задумался. — Вот ответ мне, ты водку пьешь?

— Еще как!

— Отвечай «да» или «нет», как в математике.

— Ну, если тебе нужен научный ответ, то «да». Пью, — клятвенно заверил Крюков.

— А поллитровую бутылку один выпьешь?

— Э... Если... Ну, в общем, да.

— О'кей, — удовлетворенно кивнул Антон. — А после этого голова у тебя болеть будет?

— Не знаю, — признался Крюков. — Это будет зависеть от качества водки и количества закуски. Опять же если пивка...

— Ну вот, это и есть нечеткая логика. Когда не «да» и не «нет», не белое и не черное, а светло-черное. Или темно-зеленое. Понятно объяснил?

— Ну, это уже не наука, а искусство какое-то, — предположил Крюков. — Абстр-р-рационализм. Шагал на кобыле прискакал.

— Это точно. Где-то на стыке науки и искусства, — согласился Антон. — Во всяком случае, на этом принципе и строятся современные компьютерные системы, в частности «Юнител». Поэтому ты просто включаешь телевизор на определенном канале, получаешь на экране меню и выбираешь, что тебе нужно. В отличие от Интернета, в котором можно бродить сутками и не найти нужного тебе сайта, «Юнител» структурирован в форме пирамиды. То есть ориентироваться в нем не просто, а очень просто. Можешь параллельно с телевизором поставить обычный компьютерный монитор. Можешь ящик смотреть и играть, в смысле, работать, одновременно. Не отходя от телевизора, можешь переводить деньги в любой конец света, делать покупки, обмениваться информацией с кем угодно. Мечта идиота!

— Заманчиво. А сколько стоит подключение? — с сомнением спросил Крюков.

— Копейки. А если найдешь троих желающих, получаешь назад половину своих бабок. За каждого следующего — премия. Пирамида, одним словом. Получается бесплатное кино.

Крюков наморщил лоб:

— А что ты думаешь насчет Бонзы? Каким краем он перехлестнулся с Мясником?

— Ты же сам предположил.

— Что именно? — не понял Крюков.

— Бонза знал коды доступа к той информации, что была записана на его диске с «Армагеддоном». Разберешься с диском — разберешься с Бонзой. В смысле, с Мясником.

— А ты не хочешь помочь? Все-таки это и тебя касается.

— Честно? Не хочу. — Антон внезапно помрачнел. — Поскольку я в этом дерьме уже замазан по самые гланды, то чем дальше я буду держаться от следования, тем лучше.

— Но что ты по этому поводу думаешь, что там на дискете может быть?

— Хрен его знает. Какая-нибудь секретная информация плюс киллерная программа.

— Что значит киллерная? — насторожился Крюков.

— При определенных условиях — опоздание с введением кода или незнание пароля — программа убивает информацию на диске. А ты что подумал? Программа по подготовке киллеров?

— Не совсем. Есть ведь такие программы, которые воздействуют на подсознание человека и делают его невольным самоубийцей или убийцей.

— Я слышал об этом, — кивнул Антон. — Но для этого требуется более сложная аппаратура. И суточная энергия Красноярской ГЭС. Слушай, даже если допустить, что я убил Бонзу во сне или под гипнозом, как я мог потом запереться снаружи?

— Но ты точно ничего не помнишь? — спросил Крюков.

— И ты туда же? Точно не помню. Я ящик смотрел, потом заснул. Проснулся оттого, что вы в дверь ломились. Кто меня запер, кто Бонзу завалил — понятия не имею. Дай в себя прийти, меня до сих пор колотун бьет.

Антон зябко поежился и покрутил головой. Вдруг он насторожился:

— За нами хвост. Эта голубая «пятерка» нас от самой ментовки пасет.

— А ты бы чего хотел? Ты теперь то ли подозреваемый, то ли важный свидетель. Одним словом, скоро от тебя не отвяжутся. За мной такие же веселые ребята целый месяц ходят. Ничего, привык. И ты, года не пройдет, привыкнешь...

На Ваганьковском кладбище былолюдно и оживленно. То туда, то сюда пробежали группы экскурсантов. Толпились поклонники похороненных здесь героев времени — артистов и криминальных авторитетов. В глазах, обращенных на роскошные гранитные кресты и памятники, читалась нескрываемая зависть:

«Эх, живут же люди...»

Крюков с Антоном заметили своих. Автобус только что подъехал. Крюков протолкался к Семену.

— Извини, в морг не успели. Антона в конторе промурыжили.

— Ничего, все нормально. Спасибо, что вообще сумел вырваться.

Народу, чтобы проститься с Галиной, собралось много. Родные, знакомые, сотрудники. Процессия двинулась мимо церкви и, обогнув беломраморный, словно Дворец съездов, угол колумбария, направилась по Писательской аллее кладбища.

— Ирину видишь? — спросил Антона Крюков.

— Вон она, дубленка ее. — Антон указал на шедшую впереди них девушку.

Девушка услышала их разговор и обернулась. Дубленка действительно была похожей, но девушка оказалась не Ириной. Впрочем, Крюкову она тоже была знакома.

— Мария? — удивился он. — Вот уж никак не ждал вас тут встретить. Вы знали Галину?

— Когда-то мы с ней вместе работали.

— Послушайте, я только что узнал, что возле вашего центра кого-то убили.

Мария вздрогнула:

— Вы и об этом знаете?

— Когда я услышал, что убитая работала в Центре исследований крови, я испугался, что убили вас...

— Это была моя подруга Лидка. Я не спрашиваю, откуда вы узнали про убийство. Может быть, вы знаете и того, кто ее убил?

— Подозреваю, что это тот же человек, который виновен и в смерти Галины. У нас его зовут Мясником. Но кто он, мне пока неизвестно. И полагаю, что вы знаете больше, чем говорите. Не хочу вас пугать, но боюсь, что и ваша жизнь в опасности. Вы уверены, что ничего не хотите мне сказать?

— Я бы рада, но мне просто нечего вам сказать, — потупилась Мария.

«Врет, — определил Крюков. — Сейчас начнет уводить разговор в сторону».

— А кто этот молодой человек, который пришел с вами? — подтвердила Мария его догадку.

— Кто, Антон? — Крюков покрутил головой. Антона рядом не было. — А вы и его знаете?

Тьфу, зараза. Купила за рупь двадцать. Теперь исчезла и Мария. Она словно растворилась в окружавшей Крюкова плотной толпе. Он стал потихоньку пробираться к краю, чтобы найти хотя бы Ирину.

В черной-черной комнате за черным-черным столом сидел Мясник и разговаривал по черному-черному телефону:

— Слушай, ты меня достал. — Голос Мясника выдавал раздражение. — Тебя твоя мама разве не учила не суетиться под клиентом? Плевал я на Крюкова, на эту бабу и на всех остальных. Я контролирую каждый их шаг. Я и так среди них, ближе уже некуда. Остается только в койку залезть. Все они живы до тех пор, пока я этого хочу. Нет, убивать их пока рано, вы и без того сильно наследили. Ну хорошо, мы наследили. Если они нащупают что-нибудь важное, беру сам. Всех. Сделаю генеральную мокрую уборку. Конец связи...

Бригада Крюкова в полном составе подъехала к управлению. Крюков первым делом сунулся к дежурному:

— Распечатки из информационного центра, которые я заказывал, пришли?

— Пришли и ушли, — проворчал дежурный. — Сам Старшинов забрал.

Александр Абрамыч Галкин, начальник отдела оперативной разработки, в котором работал Крюков, встретил его хмуро:

— А, вот и вы, Крюков! Зайдите к Старшинову. Обзвонился.

В кабинете полковника Старшинова околачивались его заместитель майор Майоров и неизвестный с казенной рожей гэбэшника. Приглядевшись, Крюков узнал в нем того самого типа, что приезжал на дачу генерала Лентулова. Либо всем троим было нечего делать, либо они ждали именно Крюкова. Он допускал и то, и другое.

Полковник был суров:

— Это ваше?

Он потряс в воздухе стопкой листов с таким видом, словно это были крапленые доллары с голыми бабами или сатирический пасквиль на семью президента. Но это была всего лишь распечатка сведений по банку Зелинского, заказанная Крюковым в информационном центре.

— Наше.

— И как это понимать? Вместо того, чтобы бороться с распространением наркотиков, вы, Крюков, занимаетесь сбором компрометирующих материалов на финансовую группу «Ипсилон»! Это что, политический заказ?

— Вам полный отчет по оперативной разработке представить? При посторонних? — Крюков кивнул в сторону незнакомца.

— Это наш товарищ, полковник ФСБ Спицын.

— Даже если это ваш лучший друг или родственник, я не имею права разглашать в его присутствии секретную информацию.

— Я вам приказываю! — от напряжения в голосе полковника бронзовая чернильница на столе раскалилась докрасна.

— Приказывать — ваше право. Только в письменной форме, пожалуйста. С указанием звания и должности вашего лучшего товарища.

— Как вы смеете? Этот не мой товарищ, а товарищ из ФСБ!

— Да хоть сам товарищ Берия! Он что, непогрешим как Папа Римский или генеральный прокурор? Почему ФСБ может вести разработку наших служб, а мы ее нет? Или в ФСБ нет предателей-двурушников? В самых общих чертах могу доложить, что, по моей информации, частично уже подтвержденной, группа наркоторговцев из-за рубежа отмывает деньги в наших банках. А кое-кто из ФСБ их покрывает. Надеюсь, ваш товарищ не из этой службы? Нет? Я так и подумал.

Спесь слетела со Старшинова, но лишь частично.

— Этот товарищ кристально честный, на этот счет можете не беспокоиться. А вас я попрошу представить материалы по разработке. Конкретные результаты есть?

— Так точно! Результат более чем конкретный: в одном из обследованных мной банков обнаружено вакантное место начальника службы безопасности. Мне его уже предложили.

— Крюков, вы отдаете себе отчет? Это же самая настоящая коррупция! Вас купили с потрохами!

— Почему купили? Я же еще ответа не дал. Может быть, я и не соглашусь. Разрешите отбыть в отпуск?

— Нет, задержитесь. — Начальник посмотрел ему в глаза с недобрым прищуром. — С сегодняшнего дня Москва объявлена зоной проведения антитер-

рористической операции. При главке создан штаб операции. Вы откомандированы в его распоряжение.

— Вы серьезно? А отпуск? А если меня убьют террористы? — забеспокоился Крюков.

— Не волнуйтесь, мы поместим вашу фамилию на мемориальной доске в вестибюле. А за отпуск получите деньгами, — обнадежил его полковник.

— И шоколадку от министра. Посмертно.

— Что? — не расслышал полковник.

— Служу Советскому Союзу! — гаркнул Крюков. — Разрешите отбыть на по-
двиг?

— Разрешаю. Не забудьте про отчет о разработке! Я буду ждать.

— Ага, сейчас принесу. И пару голых девочек в придачу. Почему же, почему все не любят тут меня? — бормотал Крюков, выходя из кабинета.

«Зато теперь до пятницы я совершенно свободен и могу спокойно заняться своими шкурными делами!» — сказал себе Крюков.

Во время кабинетной бури он умудрился стянуть со стола начальника управления верхний листок. Может быть, на остальных было интереснее, но этот информацией не баловал. Бумажка многословием не страдала.

«Зелинский Семен Маркович, «Грин-банк» — регистрационный номер 2159, лицензия на проведение банковских операций выдана 27.01.93 — на момент начала проведения операций в октябре 1993 года имел уставный капитал 120 млн рублей. В феврале 1994 года уставный капитал был увеличен за счет прибыли до 316 млн рублей. В январе 1999 года начался процесс слияния с «Ипсилон-банком».

Небогато.

Крюков пил пиво и думал. Из всех, кто вошел тогда в квартиру, где убили Бонзу, первым был толстый Стас. Он, судя по всему, первым вошел в прихожую, первым в комнату и первым оттуда выскочил блевать. Он везде оказался первым. Ненамного, но все-таки чуть раньше остальных. Значит, и увидеть мог чуть больше.

А мог ли он кое-что сделать? Например, накинуть замок на дверь в комнату Антона? Вряд ли. Как сказал Нострадамус, чем сто раз гадать, лучше один раз спросить. И Крюков решил навестить Стаса.

Но до этого Крюкову предстояла плановая встреча с агентом. Все с тем же Марафетом. На сей раз встречались они на Горбушке, среди толп потребителей аудио- и видеопродукции, по большей части нелицензионной, то есть пиратской.

Марафета он нашел возле прилавка с видеодрамматургией. Тот пытался обнаружить в предлагаемом продавцом списке «Пиквикский клуб» в постановке МХАТа с Калягиным в главной роли.

Крюков оттащил его от прилавка.

— Хватит умничать, — урезонил он негра. — Ты бы еще «Гамлета» с Шекспиром в роли призрака потребовал, гурман хренов. Давай к делу. Что нового о ребятах, которые приватизировали дело Касьяна? Кстати, он сам пока так и не нашелся?

— И не найдется, — сообщил Марафет. — Нет больше Касьяна. А предприя-

тие его люди из «РИФа» забрали. Они теперь совсем на дно ушли.

— А где их кайф-база?

— Э, даже не спрашивай! — замахал руками Марафет. — За парком Боженково, сразу за окружной дорогой, — добавил он еле слышно.

— Ладно, спасибо, товарищ... Как тебя по паспорту? Сидоров? Кстати, ты Вальку-быстро помнишь?

— Помню, конечно, — расплылся в улыбке Марафет. — Лучше нее минет только моя жена делает.

— Это ты сам так думаешь или тебе еще кто-то говорил? — с наивным видом поинтересовался Крюков.

— Фильтруй базар, легавый, — зашипел Марафет.

— Не брызгай слюнями, товарищ Сидоров, — попросил Крюков. — Лучше вспомни, она в последнее время товар брала?

— Сама не брала — большим человеком стала. Добилась своего, за генерала замуж вышла. Охранник ее подъезжал, Вадик, что ли? Брал понемножку. Еще что-нибудь интересно?

— Нет, в общем, все. А как твой непутевый племянник?

— Плохо, — с укором покачал головой Марафет. — Он связался с черными братьями, которые возят товар большому белому отцу с крутой-прекрутой крышей.

— Насколько крутой?

— Круче всех крыш.

— Самые крутые крыши — на кремлевских башнях.

— Значит, это они и есть. Рули на них, брат, не ошибешься. Там найдешь всех, кто тебя интересуется.

— Кстати, — Крюков поймал за рукав Марафета, когда тот уже собирался уйти, — а что это у тебя за имя такое — Окике? Оно разве не женское?

— Слушай, брат, — с обидой в голосе произнес нигериец, — я же не спрашиваю, откуда у тебя твое имя.

— Блин! И ты уже знаешь?! — возмутился Крюков. — Кто настучал?

— Я обязан знать тех, с кем работаю. Для меня это вопрос жизни, — пожал плечами Марафет. Крюков ничего не ответил и в ярости удалился.

Согласно приказу, в семнадцать ноль-ноль Крюков прибыл в распоряжение штаба по проведению антитеррористической операции. Толкучка здесь была похлеще, чем на Горбушке.

Крюкову показалось, что без него здесь будет немного свободнее. Он уже собрался плюнуть и уйти домой спать, когда услышал:

— Срочно бригаду на разминирование. Бомба в Вагнеровском Центре исследований крови.

Из дальнейших криков и перебранки штабных чинов он понял, что бригады нет. Был один специалист по разминированию, но ему требовался хотя бы один помощник. Среди штабистов такого не находилось. Вернее, все они были до зарезу нужны здесь, в штабе.

Крюков подошел к спорящим.

— Давай я съезжу.

В машине его уже ждал немолодой мужик в офицерском бушлате. Это и был специалист по разминированию. У специалиста были красные от невы-

сыпания глаза.

— Третью ночь поспать не удастся, — пожаловался он.

— Что там? — спросил его Крюков.

— Тротиловые или динамитные шашки в подвале. Случайно обнаружили.

— Не гексоген? — спросил Крюков.

— Нет, тут, видно, кто-то другой поработал. Как теперь принято говорить — в связи с коммерческой деятельностью.

«Вот именно, — прикидывал в уме Крюков. — Все верно. Мясник не хочет, чтобы между бомбами в жилых домах и Центром исследований крови обнаружилась связь. Там — чеченцы, здесь — конкуренты».

Когда они подъехали к зданию Центра, оттуда были эвакуированы все люди.

«Все ли?» — отметил про себя Крюков.

Но выяснять это было некогда. Они прошли в подвал, где была обнаружена бомба. Возле силового щита прямо на проложенных по стене подвала проводах как елочные бусы были нанизаны длинные цилиндрики, обернутые грубой коричневой бумагой. Гирлянда уходила вдаль.

— Видишь? — радостно показал ему минер. — Я был прав. Динамитные шашки. Тут их килограммов на десять, если не больше. Этот подонок пропустил через них оголенный провод. Систему я обесточил, но вдруг у него где-то аккумулятор припрятан? Придется их соскребать с проводов.

Крюков без всякого энтузиазма разглядывал фронт работ. Пострелять или подраться — это было в его духе. Но гробить себя в душном темном подвале в компании с трудоголиком взрывного дела было удовольствием ниже среднего.

— А теперь все лишние марш отсюда, — распорядился специалист по минам. — У тебя как с давлением? — поинтересовался он у Крюкова.

— А что это такое?

— Не знаешь? Счастливый. Тогда останься, если не бздишь. Поможешь.

Крюков с большой радостью приписал бы себя к лишним, но выбирать не приходилось.

Минер аккуратно надрезал одну из шашек и отщипнул темную массу. Осторожно пощупал пальцами, понюхал.

— Так я и думал, это гурдинамит, — сообщил он. — На двадцать пять процентов кизельгур, пористая горная порода, а на семьдесят пять нитроглицерин. Всасывается через кожу пальцев. Эффект — как от клофелина. Так что, парень, придется тебе этим заняться. У меня с этим недосыпом давление скачет, могу вырубиться. Ты не волнуйся, я рядом буду стоять. И вот что — если все нормально кончится, выпей кофе. Чашек двадцать, не меньше.

Работа закипела. Минер резал оболочку шашек, а Крюков осторожно счищал с проводов взрывчатую смесь и ворчал:

— Слушай, ну почему в американских боевиках все так просто и красиво? Всех делов — выбрать проводок и перерезать. Красненький или синенький. Перерезал — чик — и готово! А тут ковырайся в этой полужидкой говнообразной массе.

Спустя час к центру подъехала бригада разминирования ФСБ. Крюков как раз закончил отскребать от провода содержимое последней динамитной шаш-

ки. У него жутко ломило голову. Напарник заметил это.

— Голова болит? Я же говорил. Двигай домой, выпей полбанки растворимого кофе и ложись. Пару дней тебе на восстановление. Звезду Героя на дом доставят. Может, тебя подбросить?

— Сам доберусь. Шоколадку от президента не забудьте.

Крюков отметил в книге дежурного свой подвиг, сообщил, что сам он погиб смертью храбрых, и отправился отдыхать. Оказанная ему медицинская помощь свелась к выписыванию больничного сроком на три дня.

Он потихоньку ехал в правом ряду и размышлял о смысле жизни. Он вдруг вспомнил, что ему уже четвертый десяток, что его одноклассники уже управляют пароходами, банками и правительствами, а он не имеет ни нормальной профессии, ни семьи, ни даже приличной кубышки на черный день. Видимо, падение давления компенсировалось ростом депрессии.

От мыслей его отвлек писк мобильного. Он взял трубку. Звонила Ирина.

— Алло, Крюков! У Семена проблемы. У него жуткая депрессия.

— Как, и у него тоже?

— Не остри. Он в таком виде способен на что угодно. Он только что звонил мне в совершенно невменяемом состоянии. Придумай что-нибудь!

Поразмыслив, Крюков перезвонил Ирине и сказал, чтобы она срочно вызвала Семена.

Через пару минут Крюков был возле дома Зелинского. Как и полагается солидному банкиру, Семен не признавал другой марки, кроме «мерседеса». Для парада у него был служебный «пятисотый», для выездов в булочную — что-то среднее между домашними тапочками и калькулятором: скромненький «сто девяностый».

Малолитражка стояла на стоянке, Крюков знал, где. Сторож мирно спал, будить его Крюков не собирался. Сделать черное дело не составило для него труда и не заняло много времени.

Спустя еще пару минут, в соответствии с прикидками Крюкова, из подъезда появился Семен. Движения его были суетливы и порывисты. Он неловко ткнулся лбом в дверь, потом споткнулся на ступеньках и выругался. В таком виде садиться за руль было совершенно противопоказано. Сидеть одному дома — тем более.

Семен подбежал к своей машине, уронил ключи, наклонился, чтобы их поднять, и тут заметил, что колесо спущено. Спустить само оно не могло, оставалось предположить прокол. Семен оглянулся в поисках такси или любой другой машины, но и стоянка, и улица были словно вымершими. Скрипя зубами и матерясь, Зелинский полез в багажник за домкратом.

Отсутствие сноровки дало себя знать. Замена колеса отняла у него немало времени и заставила слегка пропотеть. Когда он перевел, наконец, дух и потащил спущенное колесо к багажнику, какой-то хам вдруг вырвал из замка багажника Семеновы ключи и был таков.

Матерясь и охая, Зелинский бросился за ним. Они выскочили со стоянки и побежали вдоль темных домов. Семен с трудом семенил за похитителем. Он попытался крикнуть, но едва не задохнулся. Похититель снизил темп, и вовремя. Банкир, убежав от депрессии, вполне мог прибежать к инфаркту. Так они промчались метров триста. Наконец вор остановился и обернулся к преследователю:

— Ну как, согрелся?

— Крюков, это ты? — Семен замер каменным изваянием.

— Как видишь, я. Ирина позвонила и предупредила, что ты в сильной депрессии. В такой ситуации аэробная нагрузка — лучшее средство. Кстати, колесо менять было необязательно. Я его не прокалывал, а просто спустил.

— Но Ирина мне звонила и сказала...

— Знаю, это я ее попросил. Ну, ты как, отдышался?

— Более-менее. Ну ты и козел!

Они сели в «рябуху» Крюкова. Тот покрутил ручку настройки радио.

— Эхо криминальной Москвы, милицейская волна, — пояснил он Зелинскому.

«Внимание, ограбление ночного магазина, — сообщил голос из приемника. — Сообщаю адрес».

— Заглянем? Это совсем рядом, — предложил Крюков. — Какое-никакое, а все развлечение. Глядишь — и ночку незаметно скоротаем.

Машину он предусмотрительно остановил за углом.

— Посиди пока, покури, — предложил он Зелинскому.

Магазин располагался в стеклянном павильоне. Возле дверей околачивался чахлый субъект — видимо, стремщик. Крюков резко перешел на бег, одновременно извлекая из-под куртки обрез.

Стремщик заметил его движение и, вместо того, чтобы дать сигнал хотя бы свистом, рванул в противоположную сторону.

С обрезом наготове Крюков ворвался в магазин. Внутри был всего один бандит, такой же зачуханный, как и его приятель. Но в руке он сжимал облезлый «ТТ». Продавщица и хозяин, оба бледные, трясущимися руками выгребали из кассы выручку.

— Внимание, всем на пол! Кооператив «СМЕРШ»! — Крюков направил в лицо бандиту чудовищные жерла стволов, в глубине которых можно было различить блеск зарядов. — Вам картечь или пулю?

И выстрелил дуплетом. Два выстрела слились в один. Резко запахло порохом. На всклокоченной голове налетчика появился аккуратный пробор. Он выронил пистолет и пулей вылетел на улицу. К запаху пороха примешался до боли знакомый резкий аромат кала.

— Одно слово — нечистая сила, — пояснил Крюков перепуганной продавщице. — Испортил воздух и исчез.

С улицы вбежал перепуганный Семен.

— Что тут у вас? Почему так говном воняет?

Крюков пожал плечами:

— Подумаешь, уж и пукнуть нельзя простому человеку.

— Это не тот ли простой человек сейчас на улице в фонарный столб лбом врезался? Что ты с ним сделал?

— Ничего особенного, просто выстрелил в наглую рожу. — Крюков помахал обрезом. — Впритирочку по макушке прошло. Думаю, клиент не только обосрался, но и кончил. Рекомендую — самый безопасный секс в мире.

— Ничего себе безопасный! — покачал головой Семен. — А если бы ты его убил?

— Исключено. Патроны шоковые, вместо пули или дроби заряжены водой. Меня их один старый браконьер научил делать. Он такими егерей пугает. Во-

да по листве бьет — один в один картечь.

Хозяин заведения наконец обрел утраченную было солидность и обратился к Крюкову:

— Послушай, уважаемый, а к тебе под крышу нельзя отойти?

— Нет проблем, — обрадовал его Крюков. — Вот мой банкир. Он тебе номер моего счета скажет. Можешь завтра же переводить бабки.

— Зачем завтра? Прямо сейчас переведу! Только с моей крышей разберись, очень прошу!

— Ты кому платишь? Почему он не охраняет?

— Раньше Касьяновым платил. А теперь они куда-то подевались, так полный беспредел начался. Каждый день какой-нибудь козел свои услуги навязывает. А не соглашаешься — вот таких отмороzków присылает.

— Нет проблем, если кто еще сунется, запиши его в книгу жалоб и передай привет от Крюкова. Проблем не будет. Слушай, Сеня, а не посидеть ли нам прямо тут? Что-то я сегодня устал, расхотелось мне куда-то пилить. Ара, у тебя подсобка с плитой есть? — спросил он у хозяина магазина.

— Э, зачем подсобка? У меня кафетерий вон за перегородкой! Проходи, садись, дорогим гостем будешь!

В процессе насыщения оба почувствовали, что депрессия окончательно отступила, даже из уголков подсознания. Когда в бутылке осталось совсем немного, Крюков спросил Зелинского:

— Слушай, а почему ты не требуешь у меня отчет по своему делу?

— Не хотел мешать. К тому же я не думал, что у тебя уже есть результат.

— Результат есть, — признался Крюков. — Но довольно расплывчатый. Чего-то я не схватываю.

— Расскажи, — предложил Зелинский. — Может, вместе разберемся.

— Механика дела мне ясна, — начал Крюков. — Но меня настораживает одно обстоятельство. Корни, сто пудов, уходят в твой банк. Когда я затребовал по официальным каналам самую безобидную информацию, на меня тут же наехали ребята из одной рядом стоящей конторы и больно надрали уши. Расскажи мне поподробнее о своем банке. Он что, секретный?

Семен помолчал, собираясь с мыслями. За это время Крюков разлил остатки водки и сходил еще за одной бутылкой.

— Отчасти ты прав, — подтвердил его подозрения Зелинский. — Мой банк работает под контролем. Эти ребята подгрести его под себя совсем недавно. Зажали намертво, но мягко. Как плоскогубцами через шелковый платок. Мой банк работает без маржи. Представляешь?

Крюков задумался:

— То есть ты берешь кредит под десять процентов и даешь кредит под десять процентов, покупаешь доллары по двадцать пять рублей и продаешь их тоже по двадцать пять рублей. Как тот еврей, который покупал яйца по десять копеек, варил и продавал по десять копеек. Так? Но у него оставался бульон и сам он был при деле. А что у тебя?

— Бульона нет, но я тоже при деле. И не я один. Мне платят больше, чем я получал, когда банк был моим. Мы все получаем очень хорошие бабки. Я бы даже сказал — слишком хорошие.

— А откуда доход? Как я понял, твои новые друзья живут еще лучше тебя,

хотя и тебя содержат не в черном теле.

— Они заявляют, что поскольку мы проводим бюджетные деньги, то государство просто платит нам зарплату, — пояснил Зелинский.

— Банкиры-бюджетники? Оригинально. К тому же миллионеры! — рассмеялся Крюков.

— Самое странное, что это так и есть, — кивнул Зелинский.

Крюков постарался представить себе, как это выглядит. Деньги отдельно, товар отдельно. Да, папаша Маркс безусловно устарел с его патриархально-общинной политэкономией. Получается, что сегодня товар — это не более, чем отходы обращения денег. Деньги покупают за деньги и продают за еще большие деньги. Вот только жрать их еще не приспособились. Нет, видно, в мире совершенства.

— И какие же важные проекты финансировал твой банк? — поинтересовался Крюков.

— В последнее время через наш банк проходит финансирование проектов Вагнера, в частности создания сети «Юнител».

«Тепло. Очень тепло, почти горячо. Неужели это совпадение?» — подумал Крюков и спросил:

— Слушай, Сема, а ты не мог бы покопаться в системе финансирования «Юнитела»? У меня имеется сильное подозрение, что смерть Галины напрямую связана с этой программой.

Кулаки Зелинского сжались:

— Если ты прав, тогда я...

— Не горячись, — охладил его пыл Крюков. — Я пока сам не знаю, какой стороной пристроить к делу мои знания, а ты уже санкции заявляешь. Предупреждаю — если ты начнешь партизанить, то никогда не выйдешь на след убийц Галины. А вот они тебя вычислят сразу. И уберут.

— У меня есть охрана...

— Именно охрана тебя и уберет. Не исключено, что смертельную инъекцию Галине сделал один из охранников. Получается, когда хозяину «РИФа» прищемили хвост, он не пристроился крышей к какому-нибудь банку, а пристроил твой банк под свою крышу. Формально он возглавил в нем службу безопасности, а фактически стал хозяином. Ты должен хорошо знать этого человека.

— Ты прав, — с удивлением отметил Зелинский. — Странно, почему я раньше не обращал на это внимания. Как-то я смотрел характеристики охранников. Оказалось, что практически у всех последним местом работы значилось охранное предприятие «РИФ».

— А ты не видел у них татуировок на левом плече?

— Видел. У нас большой спортзал, приходилось вместе тренироваться. У них у всех одинаковые татуировки — череп с крылышками и буквы. «ОШ-БОН», что ли? Армейская память.

— Точно, — подтвердил Крюков. — Стало быть, охраной мы и займемся в первую очередь...

Бронированный банковский «КамаЗ» с плохо покрашенной надписью «РИФ» ехал по ночной подмосковной трассе. Кроме водителя, внутри него находились еще двое охранников. Одним из них был Драгун. Броневик мчался со скоростью, близкой к максимальной. На крыше его вращался оранжевый

проблесковый фонарь.

— Мы что, опаздываем? — спросил Драгуна молодой напарник.

— Нет, но так безопаснее.

— А если кто-нибудь дорогу перекроет?

— Чем? — усмехнулся водитель. — Разве что танком или асфальтовым катком? Остальное нам не преграда. Сметем как пушинку.

— Слушай, Драгун, почему Риф тасует нас в последнее время как бобиков?

— Говорит — людей не хватает. Только у меня другое мнение. Крутит он, темнит. Мешаем мы ему, поэтому он нас и гоняет по разным объектам. Ориентацию сбивает, — убежденно проговорил Драгун.

— Все равно Риф командир правильный. Касьяна как пацана разделали, — не согласился напарник.

— Касьяна Бурый сделал, — возразил Драгун. — Если бы он опоздал, Рифа замочили бы. Вот до Рифа у нас командир был — Волкодав — цены ему не было. Замочили его. Бурый говорил — кто-то из наших. Жалко, он его так и не вычислил.

— И даже не подозревал никого?

— Были подозрения. Служил у нас один парень с мозгами набекрень...

— А у нас разве и нормальные есть? — поддел Драгуна водитель.

— Понятное дело, мы тут все со сдвигом. Но этот был полный шизоид. Ножом классно умел работать. Без тормозов. Сколько он в Первую Чеченскую накромял! Мы его за это Мясником звали.

— Слышь, а это не он, часом, сейчас народ режет? — спросил напарник. — В газетах пишут про какого-то Мясника.

— Может, и он. У нас он больше не служит — совсем крыша съехала. Отбраковали.

— А куда деваются отбракованные?

— Списывают как боевые потери. И тут же замещают из резерва. Мы же подразделение бессмертных!

— Нет, куда они, в натуре, деваются? Убивают их, что ли?

— Думаю, лечат их, — предположил Драгун. — Я, в натуре, ни одного больше не встречал. Может, в санаторий какой отправляют или в больницу.

— Ага, в больницу. Для опытов.

— Видел я твоего Мясника, — подал голос водитель. — Я тут возле Вагнеровского центра стоял, валютное подкрепление туда подбрасывали. Так Риф из теннисного зала вместе с Мясником вышел. Он его почему-то Антоном называл.

— А как его в натуре звали? — спросил молодой напарник.

— Драгуна спроси, он этого Мясника лучше знал. Даже жизнь ему как-то спас...

Внезапно прямо в глаза водителю и сидевшему рядом с ним Драгуну ударила слепящая вспышка света. Водитель инстинктивно крутанул руль. Многотонную махину на скорости под сотню километров в час вынесло с трассы и бросило в кювет. Последнее, что увидел Драгун, было бетонное основание трансформаторной подстанции, которая неслась прямо на него.

Драгун открыл глаза от нечеловеческой боли в голове и спине. В глаза бил все тот же яркий свет. Он был зажат среди обломков машины. Его напарника в момент столкновения бросило вперед и буквально размазало о бронирован-

ное лобовое стекло. Водитель также не подавал признаков жизни.

Драгун застонал. Тут же свет, бьющий в глаза, ослаб. Над ним склонилась голова человека в шапке-маске. Тот сдернул ее с лица, и Драгун узнал его.

— Мясник, ты?

— Кого я вижу? Драгун? Вот не думал, что Риф ветерана по таким пустякам пошлет. Жалко, что это оказался именно ты. А, впрочем, если бы я и знал, это ничего бы не изменило. Прощай, старик.

И Мясник дважды ударил Драгуна в голову коротким ломиком. Потом повернулся к своим помощникам:

— Ну что, взломали ящик? Тогда забирайте товар и пошли.

Наутро Риф вызвал к себе начальника отдела банковской перевозки.

— Как это могло случиться? — строго спросил он.

— Понятия не имею, — развел руками начальник отдела. — Информация была засекречена.

— Значит, работал кто-то из своих. — Риф в ярости вскочил и прошелся по кабинету. — Но меня беспокоит не только кто это сделал, но и почему.

— Как почему? — Начальник перевозки был удивлен. — С целью ограбления.

— Это было бы полбеды. — Риф скрипнул зубами так, что задрожали подвески на хрустальной люстре. — А если это целенаправленная война против нас? И ведет ее кто-то из наших?

— Но кто это может быть?

— Я знаю одного такого человека — это Бурый. — Риф снова сел в кресло. — Но Бурый мертв. Не бессмертный же он в самом деле!

18

Бурый натянул зимний бушлат с меховым воротником и вошел в кабинет Марии, чтобы попрощаться.

В Центр исследований крови его доставили Драгун и Сармат сразу после тяжелого ранения, полученного при штурме резиденции Касьяна. Вопреки мнению Рифа, Сармат применил свои глубокие медицинские познания и пришел к выводу, что пациент скорее жив, чем мертв.

Центр исследований крови был выбран, поскольку, с одной стороны, его охраняли сами рифовцы, а с другой, ввиду его удаленности от центра и связанных с ним интриг.

Дальнейшее было делом техники. И хотя у Бурого почти не было шансов выжить, он выкарабкался, благодаря квалификации врачей и собственному могучему организму.

Мария сидела за столом. Она подняла голову от бумаг.

— Кто вам разрешил вставать?

— Не беспокойся, я уже здоров, — движением руки остановил ее Бурый. — Я знаю, что докторам спасибо не говорят, но ты имей в виду — я твой должник. Дольше оставаться здесь мне никак нельзя. Бомба в подвале была заложена для меня, значит, они знают, где меня искать.

— Кто, милиция?

— Если бы. Видела череп с крылышками на моем плече? Меня будут разыскивать ребята с такой же татуировкой. Одного я видел вчера. Кто это был?

Мария постаралась вспомнить.

— Антон? Это знакомый Галины, моей старой подруги.

— Будь с ним осторожна. И подругу предупреди.

— Поздно, — вздохнула Мария. — Она умерла.

Бурый кивнул:

— Да, так и должно было случиться. Запомни — этот человек опасен как ядовитая змея. Смертельно опасен. А больше он ни с кем из твоих подруг не общался?

— С Лидкой... Но она тоже погибла.

— Я так и знал. Постарайся не оказаться третьей, — сказал Бурый и вышел из кабинета.

Мария задумалась. Потом она взяла телефонную трубку и набрала номер Ирины. Та была дома.

— Алло, Ира? Это Маша, Галина подруга. Узнала? Слушай, мне очень нужно поговорить с твоим племянником Антоном. Да, я видела его тогда возле машины, а потом он заходил ко мне на работу. Да так, ерунда. Ты не могла бы дать мне его телефон или передать, чтобы он сам мне позвонил?

Наутро Крюков покрутился в штабе и, так и не найдя себе применения, отправился в новый офис Ирины.

— Нам утвердили твое название, — с порога обрадовала она его. — Мы будем называться «Охранно-сыскной кооператив по оказанию гражданам правовых услуг». Что исключает из нашего прейскуранта наезды на конкурентов заказчика и выбивание долгов. Кстати, познакомься. Это Иона. Он привез наши лицензии и учредительные документы. Все подписано.

Из кресла в углу поднялся молодой крепкий мужик с приятным открытым лицом. Впрочем, Крюкову он все равно не понравился.

— Иона, — представился он.

— Э-э... для друзей просто Крюков.

— А официально? — попробовал пошутить Иван.

— Капитан Крюков.

— А по имени?

— Не надо по имени. По фамилии как-то интимнее. Значит, приступаем к работе? Нужно обеспечить охраной всех свидетелей по убийству Бонзы. Это пять человек. Я, так и быть, перебыюсь. Кто вооружен — тот вооружен, как говорили римляне.

— Ты уверен, что они именно так говорили? Мне казалось, что это звучит иначе, — вставил Иона.

— Нет, именно так, — отрезал Крюков. — Не придирайся к словам.

— Кстати, о вооружении, — перебила его Ирина. — Пора подумать о закупке оружия для кооператива.

— При выборе оружия будем исходить из интересов хозяйки как основного пользователя, — предложил Иона. — Видишь ли, Ирина, при своей новой работе ты вполне можешь оказаться для преступников мишенью. Чем-то вроде шведского стола. Начнем с длиннствольного оружия. Так что бы ты хотела лично для себя?

Ирина выбрала три шестизарядных револьвера Стечкина-Авраамова.

— А у тебя-то самого что? — поинтересовался у Ионы молчавший до тех пор Крюков.

— ИЖ-семьдесят первый, — тот приоткрыл полу пиджака и продемонстрировал пистолет в плечевой кобуре.

Крюков отметил про себя наличие выемки под курок на задней поверхности кожуха затвора. У «семьдесят первого» она должна быть выпуклой и круглой.

— Можно взглянуть? — попросил он с невинным видом.

— Пожалуйста. С властью не спорят.

Иона достал пистолет из кобуры и протянул Крюкову. Тот осмотрел его. Маркировка на кожухе ствола отсутствовала. Крюков извлек магазин и выщелкнул из него патрон с острой головкой. Покачал головой.

— Ай-я-яй, нехорошо, товарищ вице-президент ассоциации! Это же модернизированный «макаров» под высокоимпульсный патрон — «ПММ». Боевое оружие. Броник третьего уровня защиты пробивает, как газету. Нарушаем «Закон об оружии»? Или...

— Или что?

— Или ты не только вице-президент своей ассоциации. Что-то от тебя «старшим братом» потянуло. Я тебя на Лубянке не мог видеть? Нет? Я так и подумал.

— Думай как хочешь, — обезоруживающе улыбнулся Иона. — Надеюсь, ты меня не арестуешь за нарушение закона об оружии?

— Ну что ты, — так же любезно расплылся в улыбке Крюков. — Мы же теперь одна семья.

— Ну хорошо, а я поеду поучусь стрелять, — сказала Ирина. — Прямо сейчас.

— А ты не хочешь сначала организовать охрану свидетелей?

— Нет проблем, людей я выделил из резерва ассоциации. Остальным займется ваш новый начальник охраны, он в курсе событий. Если хочешь, можешь его подождать. Вопросы или пожелания будут?

— Обязательно. — Крюков внимательно посмотрел в глаза Ионе. — Ты можешь навести справки об охранном предприятии «РИФ»?

Тот опустил глаза и, чтобы скрыть замешательство, принялся перелистывать свой каталог.

— «РИФ», говоришь? Это которые президента подслушивали? Постараюсь что-нибудь разузнать. А зачем тебе, если не секрет?

— Секрет, — широко улыбнулся Крюков. — Но тебе я скажу. Правда, не сразу. А пока подожду нового начальника охраны...

Крюкову пришлось прождать не час и не два, а три. И причины для опоздания пунктуального до педантизма полковника в отставке Рудакова были более чем уважительными.

Рудаков обнаружил слежку, как только вышел из своего подъезда. Проехавшие мимо него на малой скорости «Жигули» с экипажем из двух мужчин и одной женщины сразу вызвали в его подсознании вопрос:

«И кого же это тут пасут?»

Когда же машина остановилась при выезде на улицу и один из мужчин (не водитель) вылез из нее и зачем-то полез в багажник, Рудакову стало ясно, что пасут именно его.

Он вошел в автобус и встал спиной к компостеру. Народу кроме него вошло

много, но Рудакову не нужно было вертеть головой, чтобы определить филера. Он знал, что тот стоит у него за спиной. Диагноз подтвердился. Как только Рудакову передали билет и попросили прокомпостировать его, он спокойно повернулся и скользнул взглядом по теснившимся позади пассажирам. Филер был тут как тут. Несколько минут назад он сидел за рулем «Жигулей».

Но для полной уверенности нужно было потаскать за собой хвост как минимум полтора-два часа. Рудаков посетил с этой целью ГУМ, Петровский пассаж, а также подземный торговый центр под Манежной площадью, места, специально созданные, чтобы засекал хвост. За это время бывший резидент установил, что пасут его тремя бригадами, довольно плотно, и что занимается им наружка бывшего Второго главка, нынешней ФСБ.

В процессе проверки он сделал вывод, что рубить хвост не имеет смысла, так как заказчик не хуже него самого знает адрес его новой работы и интересуется его скорее другое — не зайдет ли Рудаков по дороге в какое-нибудь интересное место. С сознанием этого неприятного открытия экс-полковник и прибыл в офис кооператива «ОГПУ».

19

Крюков тем временем коротал одиночество за бутылкой пива. Он испытывал ощущение собственной ненужности. На службе были рады откомандировать его в распоряжение штаба. В штабе и без него пропихнуться было негде. И даже в родном, только что созданном сыскном кооперативе ему нечем было заняться. Он почти с тоской посмотрел на трубку своего мобильного. Ведь телефон для того и существует, чтобы тебе звонили молодые и звонкие женские голоса.

Зуммер мобильного заверещал. Крюков ухватился за трубку.

— Але?

— Это м-м... господин Крюков?

Голос был молодой, звонкий и к тому же женский.

— Можно просто Крюков. И можно на «ты», — любезно сообщил он.

— Вы... ты меня не узнаешь? У меня такие голубые волосы...

— Мальвина?! Вот это номер! И что тебе нужно?

— Я хочу сообщить одну очень важную вещь. Дело в том, что это я закрыла замок на двери в комнату Антона. Я...

— Подожди! — заорал Крюков, — я скоро подъеду к тебе и ты мне все подробно расскажешь! К тебе скоро придет охранник, до этого дверь никому не открывай. Поняла?

— Да, поняла. Но я хочу сказать, что навесила замок, потому что...

«Вот и хана Антошкиному алиби», — подумал Крюков и сказал:

— Подожди. Приеду, тогда все расскажешь. По телефону — ни слова. Поняла?

— Все поняла. Жду. Ты знаешь, где я живу? Нет? Тогда записывай.

Крюков посмотрел на часы. Начальника службы охраны можно было уже не ждать.

В этот момент мобильник снова напомнил о себе.

— Слушаю, — ответил Крюков.

Звонил толстый Стас.

— Нам нужно немедленно встретиться, — сообщил он замогильным голо-

СОМ.

— Вы что, сговорились? — возмутился Крюков. — Говори, в чем дело.

— Я хочу признаться. Но это не по телефону. Свидетелям неразумно выходить из дома.

— Ладно, заскочу. Дверь кроме меня никому не открывай. Говори, куда ехать.

— Ясное дело! Я буду ждать, — с надеждой произнес Стас и продиктовал свой адрес.

Когда телефон снова затрещал, Крюков уже не удивился. Только спросил себя — это Никсон или Питер? Оказалось, что звонил Питер.

— Мне нужно тебе сказать кое-что важное.

— О'кей, но только в порядке живой очереди. Сначала Мальвина со Стасом, потом ты. Устроит?

— Договорились, буду ждать.

— Да, чуть не забыл, — спохватился Крюков. — Сегодня вам выделяют охранников. Предупреди ребят, чтобы зря не паниковали. Кстати, твоего адреса я тоже не знаю. Так, записываю.

После звонка Питера Крюков уже просто недоумевал — почему не звонит Никсон. Видимо, у них случилось что-то вроде эпидемии признательного поноса. Наконец все стало на свои места. Позвонил и Никсон.

— Антон пропал, — сообщил он.

Бывший резидент, ныне начальник охранной службы кооператива «ОГПУ» Рудаков пришел на работу, когда Крюков собирался уходить. Крюкову он понравился. Он производил впечатление мужика серьезного, только чем-то сильно озабоченного.

— Меня пасут, — сообщил он, как только покончил с формальностями представления.

— Не убивайтесь, сейчас всех пасут, — утешил его Крюков. — Вы в курсе текущих задач? Нужно срочно организовать охрану пятерых свидетелей.

— Почему пятерых? Официально их только трое.

— Двое остальных, Питер и Никсон, подошли к месту происшествия позднее, — пояснил Крюков. Мы не стали заносить их в протокол, чтобы не подставлять. Вы правы, нас капитально обложили, и рисковать свидетелями никак нельзя.

— Не волнуйтесь, — заверил его Рудаков. — С охранной ассоциацией все согласовано, людей они выделяют. Думаю, сегодня же вечером, максимум, завтра с утра всех пятерых будут охранять.

— Четверых, — поправил Крюков. — Один уже куда-то исчез. Попробую его разыскать и не допустить дальнейшего сокращения поголовья свидетелей.

Он спустился вниз, сел в машину, завел движок и уже собрался ехать, когда позвонил Шабанов:

— Мы откатали пальцы у твоих друзей — Антона, Мальвины и Стаса, — сообщил он. — Негласно, конечно, и не привлекая внимания. Сам понимаешь — они же свидетели. На шпингалете Антоновых пальцев нет. Но там пальцы этой Мальвины. Могла она закрыть дверь в комнату, пока ты со входной дверью ковырялся?

— Вполне. Она проходила на кухню и обратно, — признал Крюков. — Лад-

но, я сейчас все равно к ней еду. Придется устроить девочке момент истины.

— Давай, двигай, — одобрил Шабанов. — Я бы своего человечка с тобой отправил, но некого. И сам с ног валюсь. Да, еще хотел тебе сказать. Установили наконец того парня, которого Мясник первым убил. Неточно, правда. Пока больше вопросов, чем ответов.

И Шабанов коротко сообщил Крюкову результаты экспертизы. Крюкова они сильно озадачили.

И все-таки сначала предстояло навестить Мальвину, а затем Стаса...

В дверь позвонили. Толстый Стас посмотрел в глазок, поколебался, но все же отомкнул запоры.

— Чего так долго не открывал? — спросил гость, войдя в квартиру. — Боишься кого?

— Почему боюсь? Нет, конечно. — По глазам Стаса было видно, что он врет.

— Да ты не стесняйся, я сам боюсь, — признался гость. — Не идет у меня из головы этот тип, который Бонзу замочил. Я думаю сваливать.

— Крюков не велел, — возразил Стас. — Он сказал, что сегодня или завтра нам охрану выделяют.

— И ты в это веришь? — усмехнулся гость.

— В то, что нас будут охранять?

— Нет, в то, что эта охрана нам поможет. У тебя выпить нечего?

— Только пиво, — ответил Стас. — Раздевайся, проходи.

— Не стоит, я на пять минут. — На госте был надет черный бушлат армейского типа, блестящий на плечах и спине от растаявшего снега.

Стас сходил в холодильник за пивом. Когда он возвратился в прихожую, то увидел, что гость расстегнул бушлат. Под бушлатом он был перепоясан широким толстым ремнем с массивной бобиной на боку, напоминающей рулетку. Рядом на ремне висели ножны с большим ножом.

— А это тебе зачем? — поинтересовался Стас.

— Чтобы убить и уйти, — ответил гость. — Ведь я — Мясник.

Бутылки с пивом выскользнули из рук Стаса и со звоном ударились об пол...

Мальвина не открывала. Крюков поторчал немного под дверь. Позвонил, постучал. Потом перезвонил по мобильнику. Никакой реакции. Может быть, она все-таки отправилась к Стасу? Ломать железную дверь Мальвины было хлопотно. Крюков исследовал фирменный замок и нашел, что быстро с ним не справиться. Знают подлые иностранцы, как испортить настроение простому русскому работяге.

Со всей возможной скоростью Крюков двинулся к Стасу.

То, что он и здесь опоздал, Крюков понял, когда подошел к входной двери Стасовой квартиры. Она была приоткрыта, ключ торчал снаружи. Он осторожно вошел в квартиру. Свет не горел. Он зажег его и сразу обратил внимание на яркий предмет, валявшийся на полу. Это была записная книжка в ярко-красном кожаном переплете. Видимо, тот, кто вышел из квартиры, в спешке бросил ее.

Книжка лежала возле раскрытой настежь двери в комнату. Даже отсюда Крюкову было видно раскромсанное тело толстяка Стаса. Тяжелый запах ис-

ключал всякие сомнения. Если бы Крюков поступил, как все нормальные люди, то есть рванулся к убитому или принялся подбирать яркую приманку, а не так, как диктовала выработанная годами привычка не поворачиваться спиной к неопознанным и непроверенным объектам, через минуту максимум он был бы покойником.

Он отфутболил записную книжку в угол прихожей и стал наклоняться, когда заметил боковым зрением, что дверь в комнату приоткрывается. Крюков потянул из-под куртки свой обрез, и в тот же момент из комнаты выскользнула черная тень. Убийца был в черном комбинезоне и черной шапке-маске. В руке он сжимал большой черный нож, усеянный по обуху крупными зубьями.

«Ну, вот и снова свиделись», — промелькнуло в мозгу Крюкова.

Он выстрелил нападавшему в руку и только тут вспомнил, что обрез заряжен шокowymi патронами. Впрочем, выстрелить в морду он бы не успел — так стремительна была атака Мясника.

Тем не менее, выстрел принес немалую пользу. Удар пороховых газов и воды практически в упор выбил нож из руки убийцы. Но другой рукой тот успел нанести Крюкову довольно ощутимый удар. При этом маньяк напролом рванулся к выходу.

Крюков выпустил обрез и вцепился в рукав комбинезона Мясника. Он почувствовал, как гладкая ткань выскользывает из руки. Тогда другой рукой он прихватил убийцу за широченный ремень и врезал ему подсечку, больше похожую на сметающий блок миказуки. Потрошитель рухнул, но тут же попытался вскочить. Крюков добавил ему ногой в пах. Тот согнулся, но не для того, чтобы кататься от боли. Видимо, удар оказался неточным. Убийца рванул пряжку ремня, и Крюков полетел вместе с ним в другой угол прихожей, прихватив по дороге вешалку.

Пока он выбирался, Мясник исчез. Снаружи послышался звук поворачиваемого ключа. Крюков сунулся к двери, но вскоре понял, что один из основных замков имел сквозную замочную скважину, так что открыть его изнутри можно было только с помощью ключа.

Крюков выругался и огляделся. Убийца ушел и успел прихватить с собой красную записную книжку, на которую, как на блесну, так неудачно пытался поймать сыщика. В активе у Крюкова осталось мертвое тело Стаса, оружие убийства — большой черный нож с зубьями и широкий кожаный ремень с барабаном, похожим на рулетку. С помощью такого устройства, видимо, и удалось дважды уйти Мяснику.

Снаружи послышался непонятный шум. Неужели Мясник забыл в квартире что-то ценное и решил вернуться? Или раскаялся и решил во всем признаться и сдаться Крюкову с потрохами? Нет, не похоже.

Звук повторился, потом еще и еще раз, что очень Крюкову не понравилось. Больше всего это напоминало тяжелый топот ног, обутой в высокие армейские берцы. Примерно такие, которые носят отряды быстрого реагирования самых разных структур — от охраны банка до спецназа федеральной банно-прачечной службы.

Крюкову не хотелось встречаться ни с теми, ни с другими. Он быстро запер остальные замки, на тот случай, если Мясник оставил ключи возле двери, подхватил ремень с рулеткой и нож и направился к балкону.

Механика спускаемого аппарата оказалась несложной. Накинуть карабин

троса, торчащий из рулетки, на кольцо рукоятки ножа, зацепить его лапой за перила балкона и потуже затянуть ремень, пропустив между ногами нечто среднее между шлеей и портупеей.

У Крюкова не было навыков в городском альпинизме, но они и не понадобились. В тот момент, когда на входную дверь обрушились тяжелые удары, он скользнул по тросу и устремился к земле, отталкиваясь ногами от нижестоящих балконов. Рулетка была снабжена рычагом, регулирующим скорость движения.

Спускаться до самой земли было рискованно — только дурак не оставил бы под окном засаду или хотя бы пост. Мимо него снизу вверх проплывали темные окна квартир — нормальные люди давно спали. Но, миновав пятый этаж, Крюков вдруг обнаружил под собой разумную жизнь.

Дверь на балкон четвертого этажа была приоткрыта. Вернее, закрывалась. Хозяин, видимо, выходил покурить или глотнуть воздуха. Крюков камнем — или ястребом, как больше нравится — упал на балкон и успел вставить ногу в щель. И замер, пораженный.

Свет внутри комнаты исходил от большого канделябра, уставленного свечами. В молодости Крюков и сам любил такое. Тогда это называлось «сделать интим». Он не ошибся. Сквозь стекло он разглядел на столе ведерко с шампанским, фужеры и вазу с фруктами. На большой раскрытой постели лежала совершенно голая женщина. Точнее, девушка.

Ее партнер в это время в недоумении пытался закрыть балконную дверь и даже не успел по-настоящему испугаться. Он был облачен в пальто, накинутое прямо на голое тело.

«Ну вот, и этим весь оргазм поломал!» — отметил про себя Крюков.

Он утвердился на балконе, отстегнул пояс, хоть и жалко бросать вещдок, но что поделаешь, и приветливо помахал сладкой парочке, окаменело застывшей в немой сцене. Потом негромко, но требовательно постучал в стекло.

— Разрешите войти? — он мягко, но властно оттеснил голого мужчину в пальто и вошел в комнату. — Почему нарушаете? Давайте пройдемте, гражданин!

Гражданин был преклонных лет и напоминал сурового прокурора, выступающего в суде с требованием применить самую строгую меру пролетарского возмездия. Вероятно, от гнева у него сильно тряслась голова и из полуоткрытого рта рвались гневные слова осуждения.

— Что... Что вам надо? К-кто вы такой? — заикаясь, проблеял человек, очень похожий на прокурора.

Его голая подруга, очень похожая на несовершеннолетнюю проститутку, только сейчас сообразила натянуть на себя одеяло.

— Капитан Крюков, МЧС, — представился Крюков. — Что же это вы, гражданин хороший, дверь в квартиру не открываете? Вы тут с барышней кайфуете, а ваша жена третий час в подъезде торчит, домой попасть не может. Спасателей по пустякам беспокоит. Нехорошо! А вы, гражданочка, приготовьте документики.

— М-моя жена? — переспросил человек, очень похожий на прокурора. — То-торчит в подъезде?

— Вот именно. Прямо под дверью. Ключи потеряла, а вы не открываете. Увлеклись?

— Но в-в-вот же моя жена! — человек, очень похожий на прокурора, растерянно указал пальцем на молодую особу, очень похожую на несовершеннолетнюю проститутку. — Мы только вчера по-по-поженились.

— А чего же вы тогда испугались? — Крюков был не на шутку озадачен.

— Многолетняя при-при-привычка, знаете ли... Рефлекс.

— Тогда просим прощенья, ошибочка вышла, — лихо козырнул к пустой голове Крюков. — Не иначе как окном ошибся. Бывает. Это квартира номер три тыщи два нуля?

— Э-это квартира пя-пя-пятнадцать.

— Я так и подумал. Где можно руки помыть? В смысле, где у вас выход?

— Та-там, — человек, очень похожий на прокурора, ткнул трясущимся пальцем в сторону коридора.

— Спасибо, можете не провожать, я как-нибудь разберусь. Не буду мешать. Совет вам, как говорится, да любовь! — Крюков раскланялся и покинул гостеприимный дом.

«Спа-спасибо», — донеслось из комнаты, когда он закрывал за собой дверь.

20

К вечеру тир, куда вице-президент охранной ассоциации Иона привез Ирину, опустел, и им никто не мешал. Инструктор, видимо, хорошо знал Иону, поскольку разложил на столе несколько стволов огнестрельного оружия, пачки патронов к ним и ушел, сказав на прощанье:

— Будете уходить, захлопните дверь и разбудите сторожа.

Еще до выезда в тир Иона посоветовал Ирине переодеться во что-нибудь спортивное типа майки и старых треников.

— Мы что, стрелять едем или штангу тягать? — спросила она, не сдержав сарказма.

— Сама увидишь, — коротко ответил Иона.

Сейчас Ирина горящими глазами разглядывала грозный ассортимент. Разницу, по крайней мере, внешнюю, между пистолетом и револьвером она понимала, поэтому обратилась за разъяснениями к Ионе.

— Так что же ты мне все-таки посоветуешь? Пистолет или револьвер?

— Вообще-то начинающие стрелки легче осваиваются с револьвером, чем с пистолетом. Попробуй из этого. Но имей в виду — если стреляешь самовзводом, не взводя курка, нагрузка на спусковой крючок приличная. Смотри, не сломай указательный палец, а то в носу ковырять нечем будет.

Ирина выстрелила четыре раза. Потом палец просто устал, и она решила сделать по-другому — оттянула курок и снова нажала спусковой крючок. Но выстрела не последовало.

— Патроны кончились? — удивленно спросила она Иону. — Ты же говорил, что он семизарядный.

— А сколько раз ты выстрелила?

— Кажется, четыре...

— Не кажется, а точно четыре. Ты молодец, считаешь выстрелы. Со временем научишься делать это подсознательно. Отвечаю: да, ты выстрелила четыре раза, и у тебя в барабане осталось еще три патрона. Но раньше ты стреляла самовзводом, а теперь взвела курок.

— Поняла, больше не буду. — Ирина снова потянула спусковой крючок, но

снова услышала щелчок вместо выстрела. — Нет, не поняла.

— Все очень просто, — улыбнулся Иона. — В нагане при стрельбе самовзводом барабан проворачивается на два гнезда, а при взведении курка пальцем — только на одно. Сначала ты выбила первый, третий, пятый и седьмой патроны, а потом, взведя курок, нарушила очередность и снова подставила первый. После этого снова начала жать на спуск и подставляя пустые гнезда. Если уж начала стрелять самовзводом, то стреляй до конца. Но, вообще-то, это тебе для разминки восприятия. В жизни стрелять из нагана тебе вряд ли придется. Вот, попробуй наш ответ Смигу и Вессону. Револьвер Стечкина-Аврамова, «РСА».

После маленькой и неудобной рукоятки нагана эта показалась Ирине сделанной едва ли не по ее руке. И отдача была не такой сильной.

— Ну как? Лучше? Все дело в рукоятке. Она американская, резиновая. Можно в машинное масло окунуть и стрелять — из руки не выскользнет. К тому же отдачу смягчает и звук гасит.

— Да, из него стрелять гораздо легче, — призналась Ирина.

— А ведь у него калибр — девять миллиметров против семь-шестьдесят два у нагана, — пояснил Иона. — Я тебе для этого и дал сначала наган попробовать. Почувствуй разницу. Ну, теперь можно обратить внимание и на мишень, потому что уметь стрелять в нашем деле недостаточно. Надо хотя бы иногда попадать туда, куда стреляешь. Погнажи.

Ирина прицелилась, но стрелять не стала:

— А как лучше держать пистолет...

— У тебя револьвер.

— Револьвер. Одной или двумя руками?

— Лучше двумя, — сказал Иона. — Одной рукой оружие можно держать только в том случае, если другая занята рулем, мешком с деньгами или красивой женщиной. У тебя, соответственно, мужчиной.

— Но одной рукой выхватывать быстрее.

— Нет. Если ты тщательно отработаешь прицеливание двумя руками, оно у тебя займет столько же времени, сколько и одной. А вот результат стрельбы будет разный.

— С какой же дистанции чаще всего приходится стрелять? — поинтересовалась Ирина.

— С небольшой. Если тебе, не дай Бог, придется применить оружие, дистанция, скорее всего, будет от одного до пяти-шести метров.

— Тем более. Пока выхватишь, возьмешь двумя руками, прицелишься...

— Так рассуждают дилетанты либо люди с ленивыми мозгами. Таким лучше вообще не братья за оружие, — раздраженно произнес Иона. — Ты должна добиться автоматизма в этом движении. Смотри: делай раз — рука на рукоятке оружия. Два — направляешь оружие в сторону мишени и одновременно подхватываешь второй рукой. Три — открываешь огонь. И не надо при этом щурить глаз. Определи, какой из двух у тебя доминирующий. Правый? Надо учиться прицеливаться обоими глазами. Кто знает, с какой руки придется стрелять? И не вздумай стрелять от пояса, как киношные ковбои.

— Но если мне придется стрелять в упор? — не сдавалась Ирина.

— Это редкое исключение. Вот, смотри — такое положение называется «спид рок» — рука с оружием прижата к боку. Это допустимо только тогда, ко-

гда противник находится от тебя на расстоянии вытянутой руки и ближе. В любом другом случае — только прицельная стрельба с двух рук. Если, конечно, тебе небезразлично, попадешь ты или нет. А теперь только тренировки. И для глаза, и для рук. Сначала поучись просто выхватывать оружие, потом перейдем к стрельбе.

Ирина потеряла счет времени. Наконец строгий наставник то ли сам устал, то ли счел результаты урока более или менее удовлетворительными. Только теперь Ирина заметила, что спортивная футболка на ней потемнела от пота.

Иона усмехнулся:

— Я не пойму, чем ты занималась: стреляла или штангу тягала?

Ирина приняла душ и переоделась. Единственное, что ей сейчас хотелось — это лечь и не вставать. Иона снова словно бы прочел ее мысли.

— Здесь есть комната отдыха, — сказал он. — А в холодильнике, кажется, с прошлого Нового года завалялась бутылка шампанского. Как ты на это смотришь?

Как еще молодая, но уже достаточно зрелая и самостоятельная женщина смотрит на домогательства молодого, приятного, уверенного в себе мужчины? Крайне положительно.

Она расположилась на широком диване с фужером в руке. Иона с ловкостью официанта открыл шампанское.

— Не «Вдова», конечно. «Абрау-Дюрсо». Брют. Не побрезгуешь?

— Сыпь!

Ирина чувствовала себя на седьмом небе. Прохладный напиток оживил ее. Единственное, что мешало ей ощутить полное счастье, был маленький комплекс вины перед Крюковым. Но ведь они были только друзьями — он сам так не раз говорил.

Мысли о Крюкове навели Ирину на мысли о работе. А вот о работе сейчас думать ей решительно не хотелось. Поэтому зуммер мобильного прозвучал для нее сиреной воздушной тревоги.

— Привет, — сказал Крюков, ибо звонил, конечно, он. — Не помешал?

— Иди на фиг, — попросила Ирина. — Ты мне весь кайф поломал.

— А оргазм не поломал?

— Дурак ты все-таки и не лечишься.

— Некогда, работы много, — оправдался Крюков. — И у тебя, кстати, тоже. наших свидетелей косит эпидемия. Стас мертв, Мальвина не отзывается, Антон просто исчез. Это, правда, не означает, что Никсон с Питером живы. Про них пока ничего сказать не могу.

— А охранники? — Ирина была вне себя. — Ты проверил? Им выделили охранников?

— Не всем, но выделили, а вот добрались ли они до места — не знаю. Двигай в контору и проверь.

— Но сейчас ночь!

— «Юнител» работает круглосуточно. Вся информация в сети, а ты в этом разбираешься лучше меня. А заодно прикинь — где может скрываться Антон? У меня к нему много вопросов. Я еду к Питеру.

21

Питер жил все в той же нехорошей квартире, где был убит Бонза. Крюков, подвижимый скверным предчувствием, не стал звонить или стучать, а просто открыл знакомый замок отмычкой. Питер был жив. Он находился дома, на кухне и даже не один. Напротив него сидел человек в черной шапке-маске и черном комбинезоне. В руке он сжимал направленный на Питера пистолет.

— Давай, дернись, — предложил Питеру человек в черном. — Не люблю стрелять по неподвижной мишени. Так вот, сейчас мы вместе позвоним генералу...

Крюков неслышно подкрался поближе и вломился в кухню, выставив свой обрез, заряженный, увы, все теми же шоковыми патронами.

— Всем на пол, «ОГПУ»!

Охранник в черной униформе повернулся к нему, направил пистолет в его сторону и выстрелил. Крюков успел выстрелить раньше. Человек в черном дернулся, сбив при этом свой прицел. Его пуля ушла в потолок.

Питер подхватил со стола чугунную сковородку с остатками ужина и врезал ему по голове. Послышался хруст, пистолет со стуком упал на пол. Тело в черном комбинезоне дернулось и затихло.

Крюков наклонился и сорвал с налетчика маску. Лицо показалось ему смутно знакомым.

— Ты его не знаешь? — спросил он Питера.

Тот тяжело дышал и, видимо, никак не мог прийти в себя. Наконец выдавил:

— К-кажется, я его видел в охране банка. У него была странная кличка — Сармат.

Крюков вспомнил. Он видел этого парня в Центре исследований крови.

— Чего он хотел от тебя? — спросил Крюков.

— Хотел убить.

— Почему же не убил?

— Он спрашивал про это. — Питер кивком указал на красную записную книжку, лежавшую на столе.

Это была та самая книжка, на которую убийца ловил Крюкова в квартире Стаса.

— Стас убит, — сказал Крюков. — Антон не появлялся?

— Нет. Никсон тоже исчез, — ответил Питер. — А что с Мальвиной?

— Не знаю. Дверь она не открыла, а возиться было некогда. Едем к ней. Ты в состоянии?

— Да, более-менее. Надо вызвать милицию. Ты думаешь — это Мясник?

— Скорее всего, один из них. — Крюков внимательно посмотрел на Питера. — Еще раз хочу спросить — почему он хотел убить тебя?

— А почему он хотел убить других? Бонзу, Стаса? — пожал плечами Питер. — Наверно, потому, что он маньяк, а маньяки всегда кого-нибудь убивают.

— А может быть, потому, что ты не Питер? — в упор спросил собеседника Крюков.

Тот в ответ нервно усмехнулся:

— Серьезно? А кто же я тогда? И где тогда настоящий Питер?

— Увы, на том свете. Тело парня, которого Мясник убил первым в Боженковском парке, опознали. Это он. А вот кто ты?

— «Лже-Питер» немного смутился, но ни бежать, ни драться, похоже, не собирался.

— И все-таки зови меня лучше Питером, — попросил он. — Мое настоящее имя тебе пока знать не следует. Возможно, ты его скоро узнаешь. Я работаю в группе полковника Тюрина. Был внедрен в банк Зелинского для освещения деятельности преступной группировки, состоящей из сотрудников частного охранного предприятия «РИФ». Об этом я и хотел тебе сказать, когда звонил.

— Ни Тюрина, ни его группы уже нет, — возразил Крюков.

— Но я остался! Остались Мясник и Вагнер. И я доведу это дело до конца! Глаза Питера загорелись фанатичным огнем.

— Чем ты можешь подтвердить свои слова? — спросил Крюков.

— Это подтвердит сам Тюрин. Вам не помешает с ним встретиться. Я вас к нему отведу. А сейчас ты прав — надо ехать к Мальвине.

Крюков взял со стола красную записную книжку, и они направились к выходу.

Из машины Крюков сначала позвонил Шабанову и сообщил о серии убийств, чем довел его до бешенства, затем связался с Ириной и доложил обстановку.

— Как ты назвал охранника? Сармат? — переспросила Ирина. — Его кандидатуру нам предложил компьютер из резерва ассоциации. Раньше он работал в «РИФе». По графику он должен был охранять Стаса.

— Видимо, он решил, что Стас в его услугах больше не нуждается. А по дороге, боюсь, навестил и Мальвину. Остальных охранников проверила?

— Да. Они из разных фирм, но с «РИФом» никак не связаны. Но все они смогут приступить к работе только утром.

— Пока не надо, — возразил Крюков. — Из всех, кто был в квартире после убийства Бонзы, в наличии я и Питер. Но мы в охране не нуждаемся.

— Ты, допустим, да. А Питер?

— Он сегодня уезжает домой в Ленинград.

— Ладно, тебе виднее. А что с Мальвиной?

— Надеюсь, что скоро узнаем, — выразил надежду Крюков.

Чтобы вскрыть фирменную дверь Мальвины, понадобилась помощь ребят из «Службы спасения». Когда Крюков смог, наконец, войти в квартиру, Мальвина едва дышала. Мясник навестил и ее. Странно было, что она еще жива. Спецспасатели оказались в затруднении. Они впервые не знали, что и как в первую очередь бинтовать.

Питер вызвал «скорую», они с Крюковым вместе склонились над умирающей.

— Кто это сделал? — спросил Крюков. — Ты видела?

Мальвина еле заметно кивнула.

— Ты можешь сказать, кто это был? — безжалостно настаивал Крюков.

Губы Мальвины едва заметно шевельнулись. Она еле слышно произнесла:

— Я... закрыла замок... он был...

— Я знаю. Скажи, кто тебя убил! — заклинал Крюков.

— Там... т... он...

— Антон? Никсон? Кто?

Но Мальвина больше не произнесла ни звука...

Крюков оставил ребят из «Службы спасения» разбираться с Шабановым и его убийными гвардейцами, а сам вместе с Питером поехал в офис кооператива. Он посадил Питера за руль и принялся листать красную записную книжку.

— Ты знаешь, чья она? — спросил он Питера.

— Первый раз сегодня увидел, — ответил тот.

— Я видел ее в квартире Стаса и думал, что книжка принадлежала ему, — сообщил Крюков. — Но вот смотри — тут есть данные Стаса, Бонзы, Никсона и так далее. Всех, кроме Антона. Какой можно сделать вывод?

— Что это книжка Антона, — догадался Питер.

— А что в ней искал убийца? Какому генералу он собирался звонить?

— Он хотел отвезти меня к своему шефу, которого называл генералом, — сказал Питер. — Думаю, это какая-то военная часть или база.

— А при чем здесь Армагеддон? — спросил Крюков скорее сам себя. — Или вот — «Фейерверк». Да еще с большой буквы.

Он снова погрузился в записи, но от чтения его оторвал зуммер телефона.

— Крюков слушает.

— Хелло, беложопый брат! — поприветствовал его абонент.

— Мерфи? — Крюков был поражен. — Откуда? Где ты?

— В посольстве. Адрес не забыл?

С сотрудником агентства по борьбе с наркоторговлей Робертом Мерфи они вместе работали в Москве, а позднее встречались на любительском ринге. Крюков никак не ждал его появления в российской столице.

— Ты что, снова в командировку? — спросил Крюков.

— Нет. Я вышел в отставку. Но ты мне нужен.

Крюков посмотрел на часы. Вот и утро. Здоровый сон откладывался на неопределенное время.

— Жди, через час-полтора подъеду, — сказал он американцу.

У посольства США было весело. Толпились люди, развевались полотнища. Особенно ярко выделялись красные флаги с белым кругом в центре. В отличие от нацистских штандартов посреди белого круга находилась не свастика, а черная пятиконечная звезда. Такая символика не считалась фашистской и не запрещалась властями.

На одном из транспарантов была нарисована собачья голова и было выведено: «Позор клеветникам России!»

Имелся в виду недавний инцидент в Англии, где две наши посольские овчарки сорвались с цепи и перегрызли у какого-то фермера более полусотни овец. На других значилось: «В блоке НАТО — одни дегенераты!» «Вы растоптали Сербию, но вам не растоптать Россию!» «Нас не купишь и не изнасилуешь!»

Девица, державшая последний плакат, явно фантазировала. Если бы она вместо этого трезво взглянула в зеркало, то поняла, что никому и в голову не взбрело бы тратить на нее деньги или энергию.

Мерфи показался из бокового подъезда. До забора его провожал морской пехотинец. Увидев их, толпа обрадовалась и заулюлюкала. Крюков протол-

кался к самым воротам и помахал Мерфи. Тот тоже его увидел и помахал в ответ. Крюков растолкал митингующих и обнялся с вышедшим из ворот Мерфи. Вокруг них запрыгал бритоголовый крепыш со свастикой, наколотой на затылке.

— Козел! Американец засунул в жопу палец! — орал он.

— Какой он, на хрен, американец? — обрушился на бритоголового Крюков. — Разувай глаза, деревня! Не видишь — из Эфиопии мужик. Эфиопы все православные, они такие же наши братья, как сербы. Он внучатый племянник Пушкина по материнской линии. Наследство получать приехал. Телевизор надо смотреть, лапоть! Ща сам у меня по очкам получишь, рожа интеллигентская!

Бритоголовый смешался. У него не только не было очков, но и впервые за всю жизнь его бычьей морду назвали интеллигентской. Крюков мягко, но сильно толкнул его в брюхо основанием ладони. Бритоголовый отлетел мячиком, собрав собой всех столпившихся за его широкой спиной. В образовавшуюся брешь Крюков вывел американца.

— Улыбнись ребятам и скажи на прощанье что-нибудь теплое, — предложил он Роберту.

— Теплое? Телогрейка! Йес? — Мерфи улыбнулся во все сорок четыре (как положено неграм) зуба.

Его дружно поддержали:

— Йес! Россия, Сербия и Эфиопия — братья навек! Молодец эфиоп, твою мать!

Мерфи расслабился, и это не укрылось от сыщика.

— Ну вот, а ты, поди, драться собрался. Не всегда можно доказать свою правоту кулаками, — урезонил Крюков несколько растерявшегося от такого приема гостя. — Иногда и ногами приходится, — тихо добавил он себе под нос.

В офисе «ОГПУ» собралось его руководство: председатель кооператива Ирина, анонимный член-пайщик Крюков и наемный руководитель — полковник в отставке Рудаков. Больше всех удивлен был именно он.

— Нет, вы действительно тот самый спецагент ФБР, которого уволили не без моей помощи? — спрашивал он сидевшего в глубоком кресле Мерфи.

— Бывший спецагент, — поправил Мерфи. — А вы тот самый резидент русской разведки?

— Бывший резидент, — в свою очередь поправил Рудаков. — Я чувствую себя виноватым перед вами.

— Тогда тем более вы должны нам помочь, — сказал Мерфи.

— Кому это — нам?

— Я приехал в качестве личного телохранителя председателя Межгосударственного финансового фонда Ван Дер Декена. Завтра он прилетает в Москву, чтобы встретиться с вашим руководством и раскрыть глаза на деятельность Вагнера. Ван Дер Декену нужна защита.

— Но от кого конкретно мы должны охранять вашего босса? — спросила Ирина американца.

— От Вагнера и его людей. Он сам тоже должен на днях прилететь в Москву, потому что знает, что Ван Дер Декен везет против него настоящую бомбу.

— Интересно, чего может бояться один из богатейших в мире людей? —

недоверчиво усмехнулась Ирина. — Он же супермиллиардер.

— Вагнер не миллиардер. Даже не миллионер. Он фактически нищий.

— Как?

— Быть не может!

— Тем не менее, это так, — пожал плечами Мерфи. — У самого Вагнера денег практически нет. Ему удалось создать мощнейший денежный поток, на берегу которого он живет и процветает. Но Вагнер постоянно существует в условиях денежного дефицита. Он берет в долг, чтобы отдать предыдущие долги. И каждый раз ему приходится брать все больше и больше. Примерно как ваша страна. Но в отличии от России он не может объявить себя банкротом. Для него это будет самоубийством.

— Но какие-то деньги у него есть? Его особняк, картины. — В голосе Ирины все еще звучало недоверие.

— Его дворцы и сокровища являются собственностью его жены. Неделю назад она умерла. А год назад изменила завещание. Жена узнала, что он не оставил свою любовницу, как объявил ей, а сделал ей пластическую операцию и взял к себе в секретарши под другим именем. Все наследство жена оставила своей сестре и детям, к которым Вагнер всегда относился по-свински. И теперь он нищий.

— Вот тебе и миллионер...

— Повторяю, у него лично ничего нет. Он лишь управляющий фондом. Вернее, пока им остается. Больше того, наследники его покойной жены собираются провести аудиторскую проверку фонда. И неизвестно, сумеет ли господин миллионер отчитаться за потраченные деньги. Поэтому его появление у вас накануне двухтысячного года и энергия, с которой он проталкивает программу «Юнител» у вас и в мире, выглядят очень подозрительно.

— Трудно все это так сразу переварить, — задумчиво произнес Крюков.

— Все очень просто. Помнишь фильм, где у героя был банковский билет на сумму в один миллион долларов? Чужой билет. Но при виде этого билета герою всюду открывали неограниченный кредит. Деньги тестя старика Голдблюма и были для Вагнера таким гарантийным билетом. Под его прикрытием Вагнер зарабатывал, вернее, делал, огромные деньги. Но тратил он еще больше, и когда-нибудь это должно кончиться. Ван Дер Декен хочет встретиться с вашим премьер-министром и предостеречь его.

— А почему же не с президентом?

— Это невозможно. У Вагнера в окружении президента свой человек. Визажист Марат Тоцкий. Он обладает очень сильным влиянием и лоббирует его интересы.

Крюков вопросительно посмотрел на Ирину.

— Что скажешь, хозяйка?

— Ты представляешь, как это сделать физически? — вместо ответа переспросила она его.

— Есть такая форма охраны — по цепочке. К ней прибегают одиночки, когда нужна помощь. Охрана разбивается на этапы. Одна группа встречает клиента и привозит в отель, другая охраняет в самом отеле, третья обеспечивает передвижение по городу. Подпишем на это пару-тройку охранных фирм. За нами — снятие сливок и общее руководство.

Ирина позвонила Ионе. Тот поздравил фирму с первым по-настоящему со-

лидным клиентом и пообещал помочь аппаратурой. Крюков также развил бурную деятельность, основанную на личных связях. В результате сразу по прилете Ван Дер Декен был взят под опеку телохранителями-профессионалами и на бронированном лимузине, арендованном в кремлевском гараже, доставлен в гостиницу «Балчуг».

Иона не подвел. Он прислал со специалистом ассоциации антиснайперский сканер. Прибор был небольшой и состоял из специальной камеры с углом охвата 180 градусов, засекавшей любые блики или инфракрасное излучение и передававшей информацию на компьютер. Хотя стекла в номере и были пуленепробиваемыми, рисковать не стоило.

Прибор установили, и он тут же выдал результат. Из чердачного окна в доме напротив велось наблюдение.

— Что это за дом? — спросил Мерфи.

— Понятия не имею. Пойдем посмотрим, — предложил Крюков.

В подъезде было тихо и пусто, если не считать куч мусора возле выбитых дверей квартир. Даже бомжей не было. Крюков и Мерфи осторожно пробирались по лестнице. Они успели подняться на четвертый этаж, когда услышали внизу, с улицы, визг тормозов и топот десятка ног.

Крюков дернул Мерфи за воротник и втащил в квартиру. Там они прижались к стене и затаились. Топот снизу приближался. Ноги протопали мимо их укрытия и проследовали выше, видимо, на чердак. Вскоре оттуда послышался шум и выстрелы. Крюков и Мерфи терпеливо ждали, понимая, что встреча с обладателями тяжелой поступи для них добром не кончится.

Ожидание продлилось недолго. На сей раз не так дружно ноги протопали вниз. Крюков осторожно выбрался на лестничную площадку и прислушался. Внизу властный командирский голос отдавал кому-то приказ, наверно, инструктировал оставляемого часового:

— Никого не впускать до приезда милиции и журналистов. Потом снимешься и возвращайся на базу.

Мощные моторы взревели и затихли вдали. Крюков махнул американцу:

— Пошли наверх.

И замер. Потом наклонился и подобрал оброненный кем-то из спецназовцев жетон-брелок с надписью «РИФ-секьюрити».

Крюков и Мерфи осторожно поднялись на чердак.

У сводчатого окна на полу лежало тело. Крюков приблизился. Убитый лежал лицом вниз, но Крюков узнал его по свастике, наколотой на бритом затылке. Под трупом растекалась большая лужа крови. Рядом с ним лежала старого образца биатлонка-трехлинейка с прикрученным снайперским прицелом.

— Пошли, — позвал Крюков американца.

Они спустились вниз.

— Может, вылезем в окно? — предложил Мерфи.

— Зачем? Неохота пачкаться, — пожал плечами Крюков. — Вон калитка открыта. А то этот придурок на вахте перепугается, стрелять начнет. Может и в глаз попасть.

— Стой! — скомандовал им парень в черном комбинезоне и грозно наставил на них ствол гладкоствольной «Сайги♦12», куда более грозной на вид, чем ее прообраз — автомат Калашникова.

— Стоим, дрожим, уже лезем за деньгами. Возьми, только не убивай, — вяло проговорил Крюков. — А ты, собственно, кто такой?

— Охраняю место происшествия. Мне приказано никого не впускать до приезда милиции.

— А мы и не входим, а выходим. Насчет выпускать у тебя указаний не было?

— Сказано — никого, кроме милиции и журналистов.

Крюков показал ксиву. Тот кивнул:

— Порядок, проходи. А это кто? — строго спросил страж.

— Журналист из «Таймса». Он фотоаппарат в гостинице забыл. Мы скоро вернемся.

— А документы у него есть?

— Конечно! Хочешь сказать, что читаешь по-английски? — Крюков посмотрел стражу прямо в глаза.

— А, ладно, валяйте, — махнул тот рукой.

За углом послышались милицейские сирены. Крюков помрачнел.

— Хреново дело. В смысле, плохо.

— Почему? — удивился Мерфи. — Снайпер убит. В чем проблема?

— Ты что, не понял, что этого бритоголового дурака просто подставили? Теперь охраной Ван Дер Декена займется ФСБ. Его перевезут в другое место. При чем я догадываюсь, кто именно.

Крюков не ошибся. В отеле, когда они пришли туда, всю сновали ребята из ФСБ. В вестибюле Крюков нос к носу столкнулся со знакомым ему субъектом. Это был тот самый кристально чистый «старший товарищ», за которого так ратовал полковник Старшинов. Тот самый тип, которого Крюков еще раньше заметил возле дачи генерала Лентулова.

— Что это за хмырь? — поинтересовался он у знакомого гостиничного охранника.

— Он у них главный, — ответил тот. — Полковник ФСБ Спицын.

Крюков прошел мимо него и незаметно сбросил на пол жетон «РИФа». Потом окликнул его:

— Это не у вас выпало?

Полковник посмотрел на жетон и растерялся. Потом, не глядя на Крюкова, лихорадочно подобрал и сунул в карман.

«Получается, что и на даче Лентулова жетончик в кучку пепла подбросил Спицын. А поскольку там его не нашли благодаря kleptomании Крюкова, Спицын решил, что забыл его выложить. Или тот через дырку в подкладку закатился. А сейчас выпал. Занятно», — отметил про себя Крюков и пошел собирать вещи.

Когда спустя час новая охрана, плотно обступив Ван Дер Декена, выводила его из отеля, лицо его показалось Крюкову маской обреченного.

— Будто под конвоем ведут, — уловил настроение знакомый гостиничный охранник.

Мерфи махнул Крюкову рукой:

— Я тебе позвоню!

И исчез в недрах лимузина.

Крюков набрал номер Ирины и вкратце обрисовал ситуацию.

— Значит, наша работа закончена? — с явным облегчением спросила она.

— Хренушки. Она теперь только начинается, — тяжело вздохнул Крюков.

22

Мистер Вагнер прилетел в Москву на следующий день. В тот же вечер на приеме в его честь в ресторане «Метрополь» произошла встреча основных лиц, заинтересованных в развитии программы «Юнител».

В небольшом банкетном зале второго этажа за круглым столом собрались пять человек. Через круглое окно они могли наблюдать то, что происходит внизу в зале.

Кроме самого мистера Вагнера здесь присутствовали зампред правительственной комиссии Биркин, члены комиссии генерал Павлов и полковник Спицын. В углу примостился экс-резидент советской разведки в Нью-Йорке Шнопак. Докладывал, как всегда, Биркин.

— Программа «Юнител» внедряется вполне успешно. Никакой паники по поводу наступления двухтысячного года не наблюдается. Правда, сектанты немного мутят воду, но мы с ними разберемся. В отношении остальных противников развития программы «Юнител» проведена разъяснительная работа. Результаты более чем удовлетворительные.

— Хорошо. — Мистер Вагнер прекрасно говорил по-русски. — Теперь необходимо привлечь в наши банки дополнительные средства. Можно предложить сверхвыгодный льготный процент по вкладам, сделанным до наступления двухтысячного года. Мои банкиры этим уже занимаются. Далее. Что с Ван Дер Декеном?

Ему ответил полковник Спицын.

— Сейчас он находится под нашей охраной на одной из спецдач в Боженово. Мы можем убрать его в любой момент.

— А как с «Фейерверком»? Генерал, у вас все готово?

— Сработает в лучшем виде, — заверил его, не поворачивая головы, генерал Павлов.

В соседней комнате, затаив дыхание, чтобы не пропустить ни слова, сидели два человека — Крюков и Рудаков. Изошренная защита от подслушивания как всегда упустила из виду самый простой, но действенный инструмент — человеческое ухо. Особенности акустики двух этих помещений делали взаимно доступным каждый звук.

Когда совет нечестивых закончился и собравшиеся спустились вниз в большой зал, Крюков тоже поднялся и позвал экс-резидента:

— Всем нам, похоже, также приготовили небольшой сюрприз. Вы случайно не поняли, что этот генерал имел в виду, когда говорил о фейерверке?

В офисе кооператива Крюкова и Рудакова ждала Ирина. Лицо ее было бледно. Прямо с порога она огорошила их вестью:

— Ван Дер Декен убит.

— Как так?

— Не знаю, подробности пока не известны. ФСБ держит все под своим колпаком.

Рудаков тут же умчался за информацией к своим бывшим коллегам. Крюков хотел ехать с ним, но его задержал звонок мобильного. Звонил Мерфи.

— Моего шефа убили, — сказал он.

— Уже в курсе, — ответил Крюков. — Ты случайно не знаешь, кого-нибудь конкретно подозревают?

— Знаю, — сказал Мерфи. — Конкретно подозревают меня. Ты не удивлен?

— Нет. Ничего другого я и не ждал. Ладно. Через полчаса я тебя жду возле Мавзолея на Красной площади.

— Меня ищут!

— Вот именно. Купи в магазине, только обязательно в магазине, а не с рук, зимнюю солдатскую шапку и надень вместе с ценником, чтобы он болтался. Повесь на шею фотоаппарат и иди пешком на Красную площадь. Там самое безопасное для тебя место. Ни одна собака не заподозрит. Нормальный турист. Если меня не будет, погуляй, пофотографируй милиционеров. Они это любят. Но без меня не уходи. Даже если тебя будут уводить силой.

Сразу после этого Крюков перезвонил Шабанову.

— Что у тебя есть по убийству Ван Дер Декена? — спросил он.

Шабанов для порядка поломался, потом сообщил:

— Он убит ночью в спальне. Его прятали на одной из спецдач в Боженово. Охрана — трое сотрудников ФСБ — тоже убиты. В убийстве подозревается его личный телохранитель по фамилии Мерфи. Поэтому нам нужно допросить твоего негра. Эфэсбэшники его тоже ищут.

— Они бы лучше искали тех, кто дома взрывает. Вечно лезут не в свое дело. Хотя, может быть, это как раз их дело. Ладно, встречу Олега Кошевого — передам, что гестапо заходило и шибко сердилось. Еще вопросы-пожелания будут? Нет? Тогда можно разойтись и оправиться. Извини, Жека, дела. Не сегодня-завтра орден получать в Кремль идти, а у меня галоши рваные.

Шабанов лишь закричал в трубку:

— Смотри, Крюк, допрыгаешься.

— Спасибо, буду внимательнее. Ты лучше скажи — что такое «Фейерверк»?

Шабанов этого не знал, и разговор на этом закончился.

Как и велел Крюков, Мерфи прогуливался между ГУМом и кремлевской стеной, помахивая фотоаппаратом и ослепительно улыбаясь. Вид у него был совершенно нелепый, в основном благодаря серой солдатской ушанке со свисающим ухом и болтающимся на нитке белым картонным ценником.

Крюков забрал его, и они спустились к гостинице «Россия», где Крюков оставил свою «рябуху». В машине Мерфи прекратил улыбаться и поведал историю своих злоключений.

Ночью Мерфи проснулся, оттого что в его комнату кто-то вошел. Незнакомый двигался тихо, практически крался. Если бы не многолетняя работа Мерфи в долж — ности агента по борьбе с наркоторговлей, когда спать ему действительно приходилось с открытыми глазами, он не проснулся бы. В руках неизвестного был автомат одного из охранников дачи. Мерфи в темноте сполз с кровати и тут же услышал, как пули прошивают одеяло. Он сбил прищельца с ног, но тот сумел вырваться и убежал.

— На нем был черный комбинезон из скользкого материала? — догадался Крюков.

— Откуда ты знаешь?

— Я его тоже как-то ловил. И ему тоже удалось вывернуться, — утешил Крюков товарища. — И ты свалил?

— А что мне оставалось? Я умею, как это? Сложить два и два. И понял, что киллер не посторонний человек. Ван Дер Декен и охранники были убиты ножом. Этот нож я увидел возле тела охранника. Того самого, из чьего автомата киллер хотел убить меня. Значит, легенда простая. Я убил всех, но один из охранников застрелил меня. Как ты это называешь? Снова виноват глупый негр. Так?

— Примерно. Значит, тебя нужно спрятать. Мне нужен простой нигериец, и ты им будешь. Раз тебя так ищут ребята из компании Вагнера, безопаснее всего будет прятаться от них в их же собственной лавочке. Ты как? Потянешь на нигерийца?

— Мне уже приходилось это делать. Нигерийцы активно торгуют у нас героином. Я их хорошо знаю.

— Главное, чтобы они тебя не знали. Значит, решили: пару дней пересидишь на одной тихой квартире, а потом будем тебя внедрять. Ты не против немного поработать бесплатно?

— Если это те люди, из-за которых начались мои неприятности, я готов сам заплатить, — прорычал Мерфи.

— Хоп! Значит, договорились. Приступаем к активной стадии операции.

Крюков привез беглого негра на квартиру Ирины, где она ждала их в компании Рудакова.

— Антон не появлялся? — спросил Крюков.

— Нет, исчез куда-то. И Питер с Никсоном тоже. Как у вас? Не застукали?

— Чисто, я проверялся. Кроме моей персональной наружки из внутренней безопасности никого. А их эта сторона моей деятельности не интересует. Впрочем, меня могут обвинить в нарушении амбулаторного режима и симуляции — я же нахожусь на больничном.

— И чем это грозит?

— Меня лишат заслуженной медали, которую я и без этого вряд ли получу. У меня архиважное сообщение. Вернее, у Мерфи.

— А поесть сначала не хотите? — спросила Ирина.

— Я буду есть, Мерфи будет говорить, а вы будете слушать. Погнали.

Рудаков покашлял в кулак:

— Полагаю, что речь пойдет о меморандуме Ван Дер Декена? О том, что он хотел сообщить премьер-министру?

— Да. Все очень серьезно, — подтвердил Мерфи. — Вагнер собирается в новогоднюю ночь устроить финансовый Армагеддон, спекулируя на проблеме двухтысячного года. Для этого он и проталкивает «Юнител» в вашу страну. Во всем остальном мире он уже построил развитую сеть.

— А причем здесь «Юнител»? — спросила Ирина.

— Насколько я понял, вся сеть «Юнитела» структурирована в большую пирамиду, — вступил в разговор Рудаков. — А Малая пирамида — своего рода пульт управления этой сетью. В первую очередь банками и финансовыми потоками. Причем управления без ведома их хозяев. Правильно?

— Да, — кивнул Мерфи. — Сейчас банки, входящие в его империю, активно привлекают вкладчиков сверхвысокими процентами и льготными условиями. В ночь на первое января двухтысячного года он имитирует паралич сети. За секунды до наступления Нового 2000-го года колоссальные суммы исчез-

нут со счетов банков, оснащенных «Юнителом», и перекоچуют на анонимные счета Вагнера, после чего вся память будет уничтожена. На «Юнител», конечно, обрушится лавина судебных исков, но виной всему будет проблема двухтысячного года. Поэтому внакладе останутся страховые компании, а Вагнер положит в карман все деньги мира. К тому же ему не придется отвечать за растрату денег жены.

— Послушай, но ведь информационной сетью «Юнител» оснащены теперь не только банки. А как же транспорт, энергия? Могут погибнуть люди! — возмутилась Ирина.

— Если катастрофа произойдет только в банковской сфере, Вагнера притянут к суду за мошенничество. Для убедительности ему нужны будут несколько серьезных аварий самолетов, поездов или атомных электростанций. Все должно выглядеть очень внушительно, — ответил Мерфи. — А на людей ему наплевать.

— Может быть, это и есть «Фейерверк»? — спросил Крюков.

Ему никто не ответил.

23

Постоянные зрители теледебатов по «Проблеме 2000♦го года», или «У-2-К», как ее называли за бугром, были поражены. Маргинал Виктор Правдин, отсвечивая лысиной и потрясая одиноким вихром, теперь так же убежденно отстаивал необходимость тотального внедрения «Юнитела» в быт российских граждан, как раньше оплевывал.

Его вечный оппонент молодой профессор Данилевский, который предупреждал сограждан об опасности компьютерного феномена, заявлял, что для этого вовсе не обязательно присягать на верность новой монополии.

Крюков оставил Ирину разбираться с записной книжкой ее племянника. Затем он отправился к врачу и продлил больничный. На повестке дня была встреча с Зелинским. Времени у обоих было мало. Крюков поймал Семена на выходе из его банка.

— У меня к тебе один вопрос, — заявил он. — Скажи, твой банк подключен к «Юнителу»?

— Конечно.

— И имеет отношение к империи Вагнера?

— Ну... в общем, да.

— Это все, что я хотел узнать. Кстати, ты мне хотел сообщить что-то важное, — напомнил Крюков.

— Да. Я выяснил тут кое-что. Тебе наверняка это будет интересно. Все инвестиции, которые поступают на устройство и развитие «Юнитела», сразу уходят в небольшой банк на Каймановых островах.

— Тогда на какие деньги все это тут развивается? — не понял Крюков.

— Я подозреваю, что в этом участвуют деньги наркомафии, — тихо сказал Зелинский. — Доказать я это не могу, но это так. Еще что-нибудь нужно?

— Позвони Ирине. Она интересуется некоторыми фамилиями из Антоновой записной книжки. Прогони их по своей информационной системе. Кстати, там у тебя нигде не проскакивало слово «Фейерверк»? А в общем, будь осторожен.

Бурый прошелся по гаражу, превращенному во временную базу диверсантов. Гараж был рассчитан на три машины, но стояла здесь только одна — темно-синий микроавтобус «шевроле» с замазанной надписью «РИФ-секьюрити».

В гараже находилось пятеро бойцов в черных комбинезонах. Они разбирали разложенное на длинном столе оружие и снаряжение. Автоматы «вал» с глушителями, бронежилеты, под сумки с дополнительными магазинами, электрошокеры и ножи с большими черными клинками.

Бурый придирчиво осмотрел каждого. Нарушений не нашел, но на всякий случай недовольно поморщился:

— Ладно, сойдет. Запомните: самое главное для нас сегодня — оперативность. Оружие применять в самом крайнем случае. По возможности отключать, не получится — бить на поражение. Но бесшумно. Если кого-то зацепит — страдай и умри молча. Вопросы есть?

Вопросов, как всегда, не было.

Сектант отец Аполлоний снова запугивал всех скорым концом света и призывал не нести деньги в банки под невероятно соблазнительные проценты, а отринуть с презрением и с его, отца Аполлония, помощью.

Сегодня он выступал перед своей паствой со сцены широкоформатного кинотеатра «Зенит», ставшего резиденцией секты. Временами его проповедь скорее походила на рекламный ролик, а сам отец Аполлоний больше напоминал не проповедника, а балаганного зазывалу.

— Впервые, — выкрикивал он, — открыт фонд спасения души! Чем больше отдашь, тем больше сохранишь! Одумайтесь и придите в храм наш!

Он сновал по сцене с интенсивностью ткацкого челнока.

— Спросите меня — будет ли конец света? Отвечаю однозначно: будет. Призываю вас, братья и сестры, в ожидании этого знаменательного события освободите душу свою от тяжких оков собственности! Поправьте свою карму! Отриньте сокровища земные, с собой вам их все равно не унести. Расчетный счет — суть изобретение врага рода человеческого. Дары, присланные через банк, не принесут вам спасения. Приносите и передавайте из рук в руки. В бескорыстные руки нашего брата-эконома и его трудолюбивых помощников. Если вы захотите передать Церкви Света какое-нибудь имущество, у нас имеются свои нотариусы.

Как ни странно, на собрании присутствовало куда больше народа, чем можно было предположить. Видимо, влияние оказывала не столько проповедь, сколько импозантная внешность проповедника. Большая часть собравшихся были, судя по спецодежде, ветеранами секты. На каждом из них было надето нечто среднее между модным когда-то пончо и обычной простыней с дыркой в середине. Наряду с ними хватало и новообращенных.

С улицы до слуха собравшихся донесся шум. Отец Аполлоний сделал знак своему начальнику охраны — типичному бритоголовому быку. Тот бросился к выходу.

Кинотеатр был выстроен на окраине столицы, в начале запланированного на этом месте, но так и не созданного бульвара Советских республик. Теперь здесь был обширный пустырь, окаймленный на горизонте серым бетонным забором. Не только выстрелы — раздайся тут пушечные залпы, они не при-

влекли бы внимания жителей окрестных пятиэтажек. Отец Аполлоний выбрал кинотеатр именно благодаря его удаленности от жилых домов.

Поэтому нападавшие вели себя свободно. Они подъехали на двух темно-синих микроавтобусах и обрушили на растерявшуюся охрану неприцельный автоматный огонь.

Стоявшие на вахте сотрудники охранного предприятия, посчитав, что ведение боевых действий не входит в их договор, поспешно оставили поле сражения. Быки отца Аполлония из числа братвы посчитали нападение очередным рейдом ОМОНа. Они сразу растянулись на полу коридора и сложили руки на затылке.

Предводитель нападавших махнул рукой:

— Пятеро в зал, трое со мной, двое остаются на входе!

В это время отец Аполлоний продолжал вещать:

«Узкими воротами спасетесь! Геенна огненная, дети мои! Огонь — вот что ждет всех остальных!»

Вопль ужаса десятков людей заглушил его слова. От входа в зал прямо в потолок ударила струя огня. Собравшиеся побросали чашки с недоеденным рисом и, не дожидаясь бананов, рванули врассыпную к дверям служебного и аварийного выхода. Но они и сами раскрылись, и оттуда появились люди в черном. Они принялись стрелять в толпу из автоматов одиночными выстрелами, целясь то в одного, то в другого.

Наконец толпа нашла свободный выход, и все устремились в узкие ворота. Но вместо спасения многие обрели здесь лишь увечья и смерть.

В это время в апартаментах самого отца Аполлония трое налетчиков во главе с предводителем потрошили сейф. Не брезговали и доверенностями на движимое и недвижимое имущество. Вероятно, в их распоряжении также имелся нотариус, способный, не моргнув глазом, заверить акт насильственного дарения.

Деньгами и документами они набили четыре большие парашютные сумки. Предводитель убедился, что сейф и шкафы пусты, и дал команду:

— Уходим!

На его шее золотом блеснул амулет — маленький череп с крылышками.

Бойцы подхватили сумки и бегом помчались по коридору. Предводитель заскочил в зрительный зал и с минуту созерцал устроенный там погром. Люди с криками боли и ужаса все еще пытались вырваться и давились в тесноте оставленного им выхода. Время от времени раздавались выстрелы, и языки пламени поднимались к закопченному потолку. Проповедника Аполлония видно не было, вероятно, он свалил одним из первых.

Предводитель оглушительно хлопнул взрывпакетом. По этому сигналу бойцы в черном сорвались с постов и бросились бегом по коридору к выходу, у которого их ждали машины. Предводитель отступал последним.

Возле выхода он с удивлением обнаружил столпившихся в недоумении бойцов, а также два бесчувственных тела тех, кто охранял вход, и три тех, кто нес сумки с деньгами и ценными бумагами. Оставшиеся в строю побросали их в микроавтобусы и погрузились сами.

По дороге потерявшие сознание стали понемногу приходить в себя. Из их путаных пояснений удалось понять, что когда они выходили с деньгами, к самым дверям подкатил третий, точно такой же микроавтобус. Из него выско-

чили такие же бойцы в черных комбинезонах и шапках-масках и вырубали всех с помощью электрошокеров. Дальше — молчание.

Но всем было ясно, что сработали свои.

Крюков, узнав о бойне в кинотеатре, прикатил туда вместе с Рудаковым. Кинотеатр был оцеплен, у дверей и внутри работала следственная бригада.

Крюкова пропустили в здание, Рудаков предпочел потолкаться среди зевак и послушать сплетни. Внутри зрительного зала стояла нестерпимая вонь. Пахло горелым и кровью.

— Что у вас тут стряслось? — спросил Крюков одного из знакомых шабановских оперов.

— Понять не можем. Свидетели поголовно утверждают, что была стрельба и пожар. Следы пожара — вот они — весь потолок прогорел. А стрельбы — ни пули, ни гильзы.

— А разве трупов не было? — не понял Крюков.

— Как не было? С десятков увезли. А раненых еще больше. Но — ни одного пулевого ранения. Все пострадали в давке. Можешь как-нибудь это объяснить?

— Стреляли холостыми, чтобы устроить панику, — предположил Крюков.

— А гильзы?

— Гильзоуловитель приспособить несложно. Охотники, у кого полуавтомат «МЦ», лет тридцать такие применяют, чтобы гильзы не разбрасывать.

— И на хрена им это понадобилось?

— Сам видишь — паника есть, жертвы есть, бабки хапнули, а доказать ничего нельзя. Что говорят свидетели?

Опер сокрушенно покачал головой:

— Напали черные слуги сатаны, устроили геенну огненную, Армагеддон. Как прикажешь в протокол писать?

— Ну вот, сам видишь, — развел руками Крюков.

— Фейерверк какой-то.

— «Фейерверк», говоришь? — насторожился Крюков. — Ладно, я поехал. Передавай привет Шабанову.

Он вышел на улицу. Рудаков, завидя его, выбрался из толпы и направился к машине.

— Что-нибудь интересного услышали? — поинтересовался у него Крюков.

— Есть кое-что, — прищурился Рудаков. — Один парень кобеля своего тут выгуливал, говорит — те, черные, на двух «рафиках» подъехали. А когда они с сумками выходили, подскочил еще один такой же «рафик». Из него выскочили такие же черные, побили тех, первых, забрали сумки и уехали. Потом те, первые, оклемались и тоже свалили. Что думаешь по этому поводу?

— А может быть, это и есть «Фейерверк»?

После всего услышанного вопрос с «Фейерверком», занимал его больше всего. Кроме Мясника, разумеется.

Часть третья Да будет завтра

24

Мор, обрушившийся внезапно на участников дебатов, насторожил Крюкова. Поэтому он решил навестить отца Николая и предупредить об опасности. Тот был занят устройством дел своей сирой и убогой паствы бомжей и наркоманов.

— Власти совсем достали, — пожаловался священник Крюкову, когда тот разыскал его возле храма. — И светские, и духовные. «Закрывай свой бомжатник», — говорят. И что прикажете делать? А тут один из ваших повадился с проверками. Но у меня такое впечатление, что он просто взятку вымогает. Вон он, кстати, снова явился. Может, поговорите с ним?

Крюков глянул в сторону коллеги-взяточника и тут же спрятался за угол. По дороге, ведущей к храму, уверенным шагом хозяина жизни двигался младший лейтенант милиции Иванашко.

— Вы что? — с удивлением спросил Крюкова священник.

— С этим, батюшка, говорить бесполезно. Его убивать надо. Он взяточник по призванию. Берет все, даже, извиняюсь, дерьмо, если оно не очень жидкое. Отпустите грех авансом.

— Что вы, так нельзя. Нужно попытаться вразумить грешника.

— Тюрьма его вразумит! — Крюков на миг призадумался и вдруг хлопнул себя по лбу. — Сейчас попробуем вразумить. Вот что, честной отче, предложите-ка ему вот эти сто долларов.

Крюков протянул священнику зеленую бумажку.

— Как можно?!

— Не бойтесь, они фальшивые и подписанные. — Крюков развернул купюру, внутри которой было фломастером написано «Взятка». — Только предлагайте не сразу, а ровно через пять... нет, лучше через восемь минут.

Крюков выбрался с задней стороны церковной ограды и зашел в тыл неприятелю. Он заметил, как Иванашко подошел к священнику и завел с ним разговор.

Крюков окинул улицу взглядом и увидел то, что ожидал. Его постоянные спутники в голубой «пятерке» с выдвинутой на длину локтя антенной, то есть группа наружного наблюдения, были на месте. Держась сзади в мертвой зоне, он незаметно подошел к их машине, открыл дверцу и нырнул в салон. Экипаж изобразил картину Репина «Не ждали».

— Попались, которые кусались! — радостно сообщил Крюков растерявшимся сыщикам. — Братцы, если бы вы знали, как я от вас устал. Колитесь, красноперые, кого пасете и по чьей заявке пыль глотаете. Только не врите, что это ваша инициативка.

Наружники переглянулись. То, что объект наблюдения вычислил их самих и застал врасплох, сулило им как минимум по выговору и отпуск в феврале, причем без всяких там путевок в Анталию плюс премиальные. А как максимум — перевод «на землю» — в отделение милиции, где они могли рассчитывать на самое пристрастное отношение новых коллег и начальников, которых

еще недавно пасли и закладывали.

— А что мы с этого будем иметь? — неуверенно спросил старший бригады.

— Отпущу на свободу, бить не буду. Чего вам еще? На мороженое не рассчитывайте, сразу предупреждаю.

— Дай слово, что не заложить, — хмуро проговорил водитель.

— Легавым буду. Хочешь, на драный фуфел забожусь? — предложил Крюков. — Колитесь, красноперые, кого пасете?

— Ты Крюков? — переспросил старший, будто сам не знал. — Заява лично на тебя пришла. С земли. Взятки берешь и все такое. А у нас конец года, сам понимаешь — план горит...

— Кто заказал? — спросил Крюков.

— Майор Иванашко.

— Что?! Ха! Когда это он майором стал? — Крюков обрадовался как ребенок. — Заводи мотор, будет вам план. Палка века гарантирована. Сейчас подкину вам тучного агнца на заклятие.

— А как мы его проведем? — поинтересовался молодой сотрудник.

— Как инициативную проверку, — отрезал старший. — Так где кабан?

Крюков посмотрел на часы.

— Пора. Сейчас за углом человек в форме младшего лейтенанта милиции получит взятку в размере ста долларов. Взяткодатель от уголовной ответственности освобождается. Во-первых, его вынудил к этому вымогатель — этот самый микромайор, а во-вторых, он написал заявление. Оно лежит у меня в кабинете, в конторе, двумя этажами ниже вашего. К тому же он священник. Аккуратнее с ним. Если отлучит от церкви — сейчас с этим, сами знаете, строго, — могут и с должности снять, и в звании понизить. А то и из партии исключить. Все ясно?

— Да понятно. А как мы докажем, что деньги — это взятка?

— Развернешь купюру, на ней фломастером написано: «Взятка». — Крюков сокрушенно покачал головой. — Да, ничего не скажешь, толковые вы ребята. Вам только разжуй немножко и в рот положи, а уж проглотить вы и сами сможете! Ладно, действуйте.

Крюков едва не пустился в пляс, наблюдая, как наружники подскочили к ****ашке и принялись крутить ему руки и шарить по карманам.

«Вот только где они понятых возьмут? — подумал он. — Кругом одни бомжи беспаспортные».

Когда счастливые опера увезли свою бледную и растерянную жертву, чтобы без помех выпотрошить в своем логове, Крюков вернулся к храму.

— Не знаю, как и благодарить, — встретил его светлой улыбкой отец Николай.

Окружающие бомжи также приветливо улыбались: «Качественно мужик мусора развел».

Крюков отвел отца Николая в сторону и вкратце изложил ему свои опасения. Тот поблагодарил его, но принимать какие-то меры безопасности решительно отказался.

— Все в руке Божьей, — сказал священник. — Дата смерти нашей известна лишь Отцу Небесному, и не нам знать, когда она наступит. Но за предупреждение спасибо. Хочу в ответ предостеречь — деньгами здесь дело не ограничится. Враг рода человеческого лукав и любит использовать своих слуг втем-

ную. Подставляет их — как принято сегодня говорить. Поэтому когда какой-нибудь умник задумывает организовать финансовую катастрофу, жди за этим катастрофу настоящую.

— Вагнер хочет организовать несколько авиакатастроф и аварий на электростанциях, — подтвердил Крюков.

— Я говорю не о нескольких авариях, — возразил священник. — Дело может обернуться более страшными бедствиями.

— Взрывом на атомной станции? Вроде Чернобыля?

— И даже хуже. Иди. — Священник незаметно перешел на «ты». — Сейчас от тебя зависит очень многое.

— Что именно? — не понял Крюков.

— Думай и решай сам. Благослови тебя Бог. — Священник осенил его крестом, повернулся и направился к храму.

Крюков сидел в салоне «рябухи» и чувствовал себя полным идиотом. Ему приходили на ум дурацкие гонконгские боевики, где герой непременно должен был набить морду вселенскому злу, воплощенному в каком-нибудь конкретном мерзавце, и тем спасти весь мир. Его собственное положение было гораздо глупее. Он не знал, кого следует бить.

Что же делать? Крюков мысленно вернулся к записной книжке Антона. Он отдал ее Ирине, но сделал для себя выписки. Его беспокоила цепочка «Армагеддон» — генерал — «Фейерверк». Он искал в ней причинно-следственную связь и одновременно боялся найти ее. Потому что это означало катастрофу. Причем не только финансовую и не только компьютерную.

На генерала в записной книжке тянула только фамилия «Павлов». Других генеральских фамилий Крюков в ней не обнаружил, либо просто не знал. Против фамилии Павлова и телефона стояла запись: «Боженово». В Боженово Антон с друзьями монтировал и налаживал «Юнител» в какой-то воинской части. Чуть ли не в стройбате. Возникал вопрос — зачем в стройбате компьютерная сеть? Выходило, что там или не стройбат, или не только стройбат. В Боженово вели также следы наркоторговцев.

По опыту Крюков знал — с армией шутить опасно. Если запахло кирзовым сапогом, будь начеку. Если чего не сопрут, так взорвут. А вдруг, в самом деле, кто-то в стройбате хочет устроить небольшой новогодний фейерверк? Следовало хорошенько поинтересоваться этим самым стройбатом, который скромно притулился за парком Боженово. Тем более, что это было любимое место творческих прогулок Мясника...

Воинская часть, известная в народе как гарнизон Боженово, где служил майор Еремин, была кадрированной. Не кастрированной, а кадрированной, хотя, в сущности, разница между этими понятиями небольшая. Это означало, что количество нижних чинов личного состава было доведено в ней до невозможного минимума.

Главным засекреченным объектом гарнизона Боженово был экстренно созданный здесь после мятежа 93♦го года резервный дублирующий командный пункт с пультом управления «ракетами возмездия». То есть стратегическими баллистическими ракетами, все еще торчащими в своих стартовых шахтах от Камчатки до Кенигсберга. В свое время пульт на деньги американцев был оснащен суперсовременной охранной системой.

Гарнизон располагался в границах Москвы, в густом лесу за лесопарком Боженово. С двух сторон его отрезали от окружающего мира болотистые речки, с третьей — Московская кольцевая автодорога. Чужие сюда и раньше не забирались. А с тех пор, как окрестности парка превратились в охотничьи угодья Мясника, лесные тропинки вокруг гарнизона и вовсе обезлюдели.

Майор Еремин готовился заступить на очередное суточное дежурство. Его ждал «стакан». Не граненый и не гаишный, а ракетно-стратегический. Кто служил — знает. «Стакан» представлял собой кабину размером с двойное купе пассажирского поезда. Кабина находилась в подземном укрытии. Снизу она была подпружинена мощными рессорами и имела автономную систему энергообеспечения. Майор прошел шлюзовую камеру. «Стакан» был герметичен и имел внутри избыточное давление, которое поддерживалось за счет подачи сжатого воздуха на случай применения снаружи отравляющих газов.

Еремин сменил на посту капитана Морозова. Они ограничились лишь общими фразами. Друзьями они не были.

С некоторых пор Еремин стал замечать, что в их часть зачастил, а потом и прочно в ней окопался, генерал Павлов. С командиром части у генерала сложились самые тесные отношения. Тот даже предоставил генералу кабинет бывшего замполита. Генерал сразу занялся реконструкцией хоздвора. В частности, перестроил старую баню в роскошную сауну, куда стали регулярно наведываться как командир гарнизона, так и высокие начальники на дорогих машинах. Неожиданно генерал вспылал дружбой и к дежурившим на пульте офицерам. В частности, несколько раз подъезжал к Еремину с предложением зайти попариться. Еремин на предложение дружбы не купился и париться отказался. А Морозов вдруг стал завятым любителем банной процедуры. Все это майору Еремину сильно не нравилось, но его мнения никто не спрашивал.

Сегодня Морозов понравился майору еще меньше. Капитан выглядел каким-то пришибленным и торопился уйти. Майора насторожил сладковатый запах перегара, ощутимо заметный в сжатой атмосфере «стакана».

— У тебя что, кто-то был? — спросил майор.

— Нет, с чего ты взял? — Капитан перепугался еще больше.

— Утром синие «Жигули» через проходную выезжали. Значит, кто-то из компьютерщиков ночью приезжал. А куда они могут приезжать? Сюда или в сауну. Потому и спрашиваю.

— Нет, здесь никого не было, — неубедительно соврал капитан и поспешно отвалил.

Заступив на дежурство, майор Еремин проверил книгу записей, прошелся по приборам и убедился, что вверенная ему аппаратура функционирует. После этого на повестке дня осталась одна задача — скоротать сутки. Еремин придвинул поближе клавиатуру компьютера.

Ввиду особой секретности компьютерная система пульта управления не имела выхода в Интернет. Но недавно аппаратуру модернизировали и подключили к сети «Юнител». Это должно было свести на нет риск самопроизвольного запуска ракет в момент наступления двухтысячного года.

Майор полазил по «Юнителу», посмотрел какие-то мультики, попил чаю из термоса. Неожиданно он заметил, что компьютер второго номера дежурного расчета не выключен.

Еремин выругался. В тесном помещении вставать и лезть между прибора-

ми в дальний угол «стакана» было сущим наказанием. Пробравшись на место, Еремин хотел было выключить прибор, но решил поглядеть, чем занимались ночью Морозов и его гость.

Майор зажег темный экран. Перед ним была какая-то сложная разветвленная структура.

Еремин посмотрел в нижнюю строчку, чтобы определиться. Он находился в сети «Юнител». Затем шло название «Апекс». После этого значилось: «Фейерверк». Майор знал, что с центрального компьютера, за пультом которого он сейчас сидел, можно входить в любые закрытые сайты.

«Подтвердите правомерность доступа», — потребовала красная табличка в центре экрана.

Майор просто нажал на «Enter», и она пропала. Он получил доступ к программе «Фейерверк». Когда он начал читать, ему стало страшно.

25

Местные опера изложили Крюкову некоторые факты из жизни гарнизона. — Задолбал нас твой бессмертный гарнизон, — с жаром высказал ему один из сыщиков, внешне скорее похожий на быка-рэкетира. — То бомжей-строителей селили. Из рабов — с Украины, с Молдавии, с Белоруссии. Убийства по пьяни — под каждый праздник как по сощобязательству. Потом заложников в ружпарке держали. А сейчас набрали в батальон охраны каких-то темных контрактников. По-моему, сплошные наркоманы и отморозки. Повязали недавно двоих — под кайфом были, в местной забегаловке мебель ломали. У обоих татуировки одинаковые на левом плече...

— Череп с крылышками? «ОШБОН»? — подсказал Крюков.

— Откуда знаешь?

— Довелось столкнуться. И зачем они здесь, как думаешь?

— И гадать нечего — наркоту они там хранят, в своем гарнизоне.

— А почему молчите? — удивился Крюков.

— С армией связываться? Ну их на хрен. Мы после того рейда за заложниками достаточно говна нахлебались. Причем, знаешь, что интересно? — интригуяюще произнес похожий на бандита опер. — На секретном военном объекте время от времени негры крутятся.

— Американцы, что ли?

— Не, из Нигерии. Вот бы им туда человечка внедрить.

— Почему не внедрить? Можно, — хитро прищурился Крюков. — Поможешь?

— Нет базара. Спросишь Волоху Долгополова. Это я, — представился крепьш-опер. — Есть там у меня один мужик — доверенное лицо. Он тебе поможет.

Крюков с Долгополовым ударили по рукам и на этом расстались...

Чем дальше майор Еремин вчитывался в содержание программы «Фейерверк», тем страшнее ему становилось. Несомненно, программа появилась в результате недавней модернизации и подключения к «Юнителу». Вопрос состоял в другом. По чьему приказу это было сделано? А что, если это действительно задание командования? Какого командования? Дать задание на пуск и подрыв баллистических ракет стратегического назначения мог только сам прези-

дент страны, а он, при всех своих недостатках, не был сумасшедшим. Здесь же явно поработал маньяк. Компьютер выдал и новые полетные задания: ракеты были перенацелены на крупнейшие города мира — Нью-Йорк, Лондон, Северную Корею и Москву!

Еремин закрыл глаза. Постарался выстроить общую схему и от нее идти к частностям. Это он умел делать, так как обладал даром аналитика. Из противоречивых вариантов он выбирал наиболее вероятные, какими бы странными они ни казались.

Установку «Юнитела» принимала комиссия специалистов из штаба, и прозевать такое они не могли. Получалось, что по заказу генерала Павлова кто-то из компьютерщиков доработал схему в свободное время. Точнее, во время дежурства капитана Морозова.

С ним он и решил переговорить в первую очередь.

Генерал Павлов был зол. Не тем он занимался все последнее время. Политика, дебаты дурацкие. А ведь с сопливого школьного возраста знал присказку про жизнь, которую надо прожить так, чтобы... и так далее.

Из Думы он проехал прямо в Боженово и забурился в сауну. С собой привез девок, но ни они, ни выпивка настроения не поднимали.

Выйдя из парилки, он обрушился в бассейн с ледяной водой и лежал там неподвижно, пока не заломило кости. Он выскочил оттуда и направился в комнату отдыха.

Дверь приоткрылась, и в нее заглянул водитель генеральской машины:

— Петр Дмитрич, — позвал он шефа. — Там вас парень один спрашивает. Компьютерщик, которого Антоном зовут.

— Он что, подождать не может? — окрысился генерал.

— Нет, говорит — очень срочно.

— Хорошо, скажи, сейчас подойду, — нехотя согласился генерал и принялся одеваться.

Сдав смену, майор Еремин отправился разыскивать капитана Морозова. После вчерашнего утра, когда он сменился с дежурства, его никто не видел. Еремин знал место, где надеялся почти наверняка застать капитана. Это была бывшая офицерская чайная, ныне обычная забегаловка, где собирались за стаканом поделиться обидами на жену и страну господ офицеры.

В зале было пусто. Только за столиком в дальнем углу пил пиво бывший командир батальона химзащиты, ныне оставной подполковник Момот. Еремин взял себе бутылку «Хамовников» и подсел к нему.

— Как бизнес? — спросил он отставника.

— Не жалуюсь, — самодовольно ухмыльнулся тот.

При увольнении Момот ухитрился, что было не особенно трудно, приватизировать полностью укомплектованную дозиметрическим оборудованием машину радиационной и химической разведки и теперь открыл фирму по обнаружению зон повышенной радиации.

— Слушай, ты Морозова не встречал? Он мне до зарезу нужен, — спросил Еремин.

— Не помню. — Момот сдвинул густые брови и изо всех сил напряг память. — Постой, вчера вроде он тут в говно нажрался. Парень какой-то с ним

был, не наш, гражданский. Сейчас, погоди! У меня память — капкан. Ничего не пропадает, только вынимать долго. Ага! Вспомнил. Антоном его звали. Морозов ему все: «Антоша, давай еще по одной!» А тот не дурак. Ему наливают, а сам не пьет. А потом уволок его куда-то. Парень этот на голубых «Жигулях» был. Так, наверно, домой и отвез?

— Нет его дома, я заходил, — ответил Еремин. — Жена говорит, как вчера ушел, так и не появлялся.

— Ладно. Не иголка, найдется, — махнул рукой Момот. — Ему же на смену завтра. Проспится и придет.

«А если не придет?» — подумал Еремин, но вслух говорить не стал.

Он поднялся:

— Пойду и я отсыпаться.

Майор Еремин вышел на улицу. Ночью слегка подморозило. Городок выглядел унылым и запустевшим. Он встряхнулся. Разговор с Морозовым не состоялся, значит, нужно идти дальше.

В гарнизоне Боженково, как и в каждой воинской части, был свой особист. Наследники пресловутого «СМЕРШа», ставшие позднее Третьим управлением КГБ. Как правило, это был бездельник в майорском, а то и подполковничьем звании. В повседневной жизни от особистов не было ни вреда, ни пользы. Но сейчас Еремину нужен был именно особист.

Боженковского особиста все звали Особняком. Он и держался особняком — положение обязывало. Ни с кем близко не дружил, в генеральской сауне замечен не был, пил умеренно. С Ереминым они не то чтобы были приятелями, но часто устраивали зимой лыжные кроссы, любили погонять мяч в спортзале и пару раз вместе выезжали на охоту.

Еремин нашел его в штабе.

— Тебя можно на секунду? — Еремин отозвал его в сторону.

— Что-то экстренное? — недовольно скривил губы Особняк.

Еремину его гримаса не понравилась. Если секунду назад он собирался выложить все, что узнал, то теперь решил вести разговор осторожнее.

— Что ты думаешь про нашу компьютерную сеть? — спросил он.

Особняк посмотрел на него удивленно:

— Про «Юнител»? Нормальная структура. Я сам был в комиссии по приемке. А что, собственно, случилось?

— У меня создалось впечатление, что в наш главный компьютер кто-то залезал после приемки его комиссией, — сообщил наконец Еремин.

— Что? У нас в части шпионы? Американцы? Японцы?

— Нет, — успокоил его майор. — Не японцы. Подозреваю, что это все те же наши компьютерщики под руководством генерала Павлова.

Услышав это, Особняк сразу расслабился:

— Фу, блин, чуть зайкой не оставил. Отдыхай. Говорю только тебе. — Особняк понизил голос и с подозрением огляделся. — Генерал здесь не просто так. У него особое задание. И вообще — он, может, президентом завтра станет! Думай, на кого рашпиль подымаешь! Поэтому забудь все, что хотел мне сказать, и сделай вид, что ничего не слышал. Ни мне, ни тебе лишней гемморрой не нужен.

Майор шел по улице и размышлял. Если здесь замешаны высокие инстанции, ломиться в официальные двери бесполезно. Только лоб расшибешь.

Он не видел, как Особняк после его ухода, бросив все дела, мелкой трусцой помчался в свой кабинет звонить генералу Павлову.

Дома Еремин постарался заснуть, но у него ничего не получалось. Провалившись с час без сна, он поднялся, прошел в кухню и достал из холодильника неполную бутылку водки. Налил полстакана и выпил без закуски. В голове зашумело, но легче все равно не стало. Захотелось курить. Он достал из кармана пачку сигарет. От неловкого движения сигареты рассыпались по полу. Майор нагнулся, чтобы подобрать их, и тут стекло со звоном разбилось.

На этот звук жалобным звоном откликнулась кастрюля с полки на противоположной от окна стене. Майору не нужно было объяснять, что он случайно избежал верной смерти. В него только что стреляли.

Еремин полежал на полу, потом осторожно поднялся и выглянул из-за занавески. Его дом был крайним. Окно кухни выходило прямо в лесопарк. В отдалении виднелись верхние этажи жилого массива. Майор прикинул траекторию полета пули. Скорее всего, стреляли с крыши одного из жилых домов. Оперативно. Кто стукнул — Момот или Особняк? Момоту он ничего не сказал. Почти ничего. Но если тот в курсе, об остальном мог и сам догадаться. Но скорее, заложил Особняк. Тогда совсем плохо. Этот в авантюру не полезет, значит, за всей историей с «Фейерверком» действительно стоят большие люди, способные приказывать.

Власть плюс насилие равняются беспределу. Майору следовало серьезно побеспокоиться о своей жизни.

Он собрал самое необходимое — документы, деньги. Но прежде чем скрыться, следовало оставить страховку. Еремин пощупал в кармане дискету, на которую сбросил часть файла «Фейерверк». Этого материала было вполне достаточно, чтобы свалить и генерала Павлова, и тех сумасшедших, кто за ним стоит. Но сначала нужно было доставить его по назначению. Требовалась помощь надежного человека. Друга. И такой друг у Еремина имелся.

Валерий Жданько был сыном бывшего замполита части. Он и сейчас жил в старой отцовской квартире неподалеку от штаба, хотя из армии давно уволился. Когда-то Валерий был военным журналистом, его статьи печатали даже в «Красной звезде». Во время великой смуты он попал под сокращение одним из первых по причине строптивного нрава.

Когда Еремин, тщательно проверяясь, задами пробрался к нему домой, Валерий напряженно работал.

— Я тебя оторву ненадолго, — предупредил его майор.

— Ерунда, я почти закончил, — отмахнулся друг. — Так чего ты хотел?

По мере того как Еремин рассказывал, глаза Валерия разгорались огнем. Он постоянно перебивал майора и еле дослушал до конца.

— Мне все ясно. Это бомба! Дискета у тебя?

— Вот она. — Еремин протянул другу пластмассовый прямоугольник.

— Давай, я сделаю копию. Мало ли что случится?

Скопировав дискету, Жданько взялся за телефон.

— Кому ты хочешь звонить? — насторожился майор.

— Есть у меня один приятель из местной ментовки. Я ему по мелочи помогаю. Помнишь, когда здесь заложников освобождали? Моя работа. Теперь его очередь нам помочь. Не ждать же, пока нас перестреляют. Алло! Отделение? Розыск? Долгополова можно попросить? А когда он будет? Нет, спасибо.

— Мента моего нет, — сказал он, положив трубку, — а незнакомым доверять опасно. Будем прорываться сами. Ты вооружен?

Майор показал ему свой табельный пистолет, который так и не сдал после дежурства. Валерий снял со стены большой кавказский кинжал, привезенный из командировки в Чечню.

— Я предлагаю выйти с разных сторон, пройти через лес и встретиться у метро, — сказал Еремин.

Так они и поступили. Валерий вышел через КПП и пошел по дороге вдоль границы парка. Еремин пролез в дыру, которыми изобиловал забор вокруг городка, и двинулся напрямик по тропинке.

Их обоих нашли только на следующее утро. Юный лыжник Петя Кадушкин отошел в сторону от накатанной лыжни, чтобы справить малую нужду, и неожиданно обнаружил в снегу окровавленные трупы.

Позже экспертиза установила, что майор Еремин был убит несколькими ударами большого ножа, весьма вероятно, того самого кавказского кинжала, который находился в руке убитого Валерия Жданько. Гражданин Жданько был застрелен в упор из табельного пистолета майора.

Картина обоюдного убийства для следствия вырисовывалась совершенно очевидная: после совместного распития и так далее. Непонятно было одно — зачем их понесло выяснять отношения в глубокий сугроб, словно они знали, что погибнут оба, и не хотели, чтобы их тела нашли до весны.

26

Опер Долгополов сам позвонил Крюкову.

— Помнишь, я тебе говорил, что у меня в гарнизоне Боженovo человек свой имеется? Так вот: нету больше этого человека. Убит. И буквально перед смертью он мне позвонил, что-то передать хотел. Но не застал.

— Я еду к тебе, сам все расскажешь, — ответил Крюков.

Возле «рябухи» Крюкова ждал Марафет.

— Его убили! — сообщил он замогильным голосом.

— Кого убили? Не понял. — Мысли Крюкова крутились совсем в другой области.

— Моего племянника, — ответил Марафет. — Убили. Зарезали большим ножом. Помоги мне отомстить. Ты мне друг или портянка?

— Пусть я портянка, только отстань, — проворчал Крюков. — Ты хоть знаешь, кто это сделал? Или только догадываешься?

— Конечно, знаю. Это те новые люди, которые подгрести торговлю Касьяна. Помоги мне их убить! Вместо отца мне будешь!

— Иметь такого сына? Ты полагаешь, что мне будут завидовать? Неужели все негры такие глупые, какими их в кино показывают?

— Слушай, беложопый, ты мне поможешь отомстить? — заскрипел своими ослепительными зубами Марафет.

— Милиция не карательный орган, а правоохранительный, — постарался остудить его пыл Крюков. — Чтобы тебе помочь, мне нужна информация.

— У тебя будет вся информация, — затряс головой Марафет. — Помоги мне их убить!

— Найми колдуна вуду. Кого-нибудь из темных злых сил, — посоветовал

Крюков.

— Ты самая злая сила из всех, кого я знаю. Правда, я не так уж много видел, — признался Марафет. — Говори, белый брат, чем я могу тебе помочь?

— Я должен внедрить к ним своего человека, — продолжал Крюков. — Ты мне поможешь?

— Помогу. Но у меня нет товара. Если твой человек придет с пустыми руками, ему не поверят. Его либо убьют, либо не пустят дальше двери.

— Тогда как ты сможешь мне помочь? — в недоумении пожал плечами Крюков.

— Сегодня у тебя будет товар, — заверил Марафет. — Приехал гонец из дома.

— Блин! Очередная партия черного героина? Прикажешь у него из жопы контейнеры выковыривать?

— Выковыривать не надо. Товар будет в пакете, в бардачке машины. Вечером я скажу тебе номер и адрес.

Крюков заскочил в контору и покрутился для вида в отделе. Он сказал, что скоро закроет больничный и сразу после Нового года приступит к работе. Начальство эта новость отнюдь не обрадовала.

В кабинете следователей Крюков много суетился, выдул полчайника чаю и приставал к девочкам-практиканткам, пока не подобрался к сейфу с вещдоками. Перебирая как бы в рассеянности шмотки задержанных им гонцов, он незаметно выудил из папки сложенные туда паспорта. Украдкой открыв их и придирчиво исследовав, он счел, что Якубу Азикиве больше похож на Мерфи, чем Джон Оматосо. Поэтому он прихватил с собой паспорт Якубы и свалил незаметно. Как Ленин с елки.

Тем временем пробил час, установленный Марафетом для перехвата наркокурьера. Изучив маршрут движения курьера, Крюков выбрал местом задержания лесную дорогу на окраине Боженковского лесопарка. Перед выдвигением Крюков устроил смотр своим силам.

Птенчик и Грека сами предложили свою помощь. Местный сыщик Долгополов также посчитал для себя участие в деле обязательным. Чтобы не показаться расистом, Крюков включил в состав группы Мерфи.

Крюков поставил Птенчика с Грекой со своей «рябухой» на дальних подходах, где дорога превращалась в просеку. Они должны были пропустить объект, после чего перекрыть дорогу случайным машинам. Общение с курьером предполагало некоторую интимность обстановки, и посторонние могли этому помешать.

Основные силы расположились на повороте. Здесь Крюков для верности перегородил просеку колючей лентой типа «еж». Чуть подалее поставили «Жигули» Долгополова. За руль усадили Мерфи, он изображал убитого. В салоне горел свет, и «труп негра» был хорошо заметен.

Ждать им пришлось не более получаса. Совсем стемнело, когда на просеке появился свет фар и из-за поворота показалась старая «тойота».

На предложение остановиться водитель не отреагировал. Проколов колесо, машина пошла юзом и воткнулась в дерево. Черный водитель, одна из нынешних русских реалий: банальная встреча с негром на лесной дорожке — ткнулся лбом в затемненное стекло и на некоторое время застыл в шоке.

Крюков подскочил к машине и рванул дверь на себя. Долгополов страховал

на шаг сзади и сбоку.

— Джамбо, брат! — поприветствовал Крюков курьера. — Вылезай, не бойся. Но тот вцепился в руль и уперся ногами в пол.

— Не бзди, бить не будем. Мы ведь из милиции, а в милиции не бьют, — на всякий случай сообщил Крюков, но никаких удостоверений предъявлять не стал.

Негр немного расслабился и осторожно начал вылезать из машины с поднятыми руками.

Крюков отвернулся от него и подмигнул Долгополову:

— Ну что, начали? — и заорал: — Я тебе говорю — это он! Больше никому! Попался, проклятый торговец наркотиками!

И потащил курьера из машины за шиворот.

— Ты и про того говорил: «Он! Он!» — Долгополов указал на стоявшую рядом машину, из двери которой неподвижно свесился Мерфи. — Ты что, всех негров в тачках перемочить собрался?

Увидев «мертвого» Мерфи, его черный собрат вытаращил глаза и утратил дар речи. Он решил, что живым ему не уйти.

— Права! — прошипел не разжимая губ Мерфи. — Зачитай ему права, или я сейчас вылезу!

— Ладно, о'кей, бюрократ несчастный. Только не двигайся, все испортишь! — проворчал Крюков и объявил задержанному:

— Ты задержан как лицо африканской национальности по подозрению в шпионаже и неуплате налогов. Ты имеешь право в течение десяти минут найти себе адвоката. Советую выбрать меня. Отныне все, что ты скажешь, умрет вместе с тобой. Ты можешь выбрать для себя расцветку гроба и заказать погоду на день кремации. Я что-то забыл? Ах, да! Твое последнее желание — картечь или жакан?

В глаза утратившему дар речи наркоторговцу уставились черные жерла обреза двенадцатого калибра, огромные, как пушки «Авроры».

— Картечь в правом стволе, жакан в левом, — пояснил Крюков. — Стреляю! Бай-бай!

Патрон, заряженный водой, прогрохотал в лесной тишине, прошел над макушкой задержанного и сбил снег с соседних веток. Смертельно испуганный наркоторговец в полной уверенности, что по его курчавой макушке чиркнула пуля или картечный заряд, бросился бежать обратно по просеке с быстротой раненого зайца.

— Принимайте клиента, — сообщил Крюков по рации Птенчику и Греке.

Крюков залез под заднее сиденье «тойоты», извлек оттуда пакет с белым порошком и взвесил его в руке.

— Прилично, — определил он. — И нигерийскому другу на срок хватит, и Мерфи не с пустыми руками в гости отправим. Молодец, Марафет. Не соврал.

— Ты, надеюсь, понимаешь, что все это сплошное беззаконие? — спросил Долгополов.

— Конечно, — пожал плечами Крюков. — Но не больше, чем обычно. А что?

— Нет, ничего. Я просто так спросил. — Долгополов направился к своей машине, из салона которой все еще свешивался Мерфи.

— Эй, мистер Якубу Азикиве! — крикнул Крюков американцу. — Очнись и вылезай. Свою роль тени отца Гамлета ты исполнил великолепно. Я бы тебе

«Оскара» присудил за второстепенную мужскую роль. Главную, понятное дело, мы бы с Волохой пополам поделили. Вот с этим пакетиком ты и пойдешь внедряться к нашим друзьям. Только ментам с этим грузом не попадайся. Лет на десять упакуют. Хорошо хоть ****ашку на какое-то время удалось нейтрализовать.

Но в этом Крюков ошибался...

В отношении младшего лейтенанта Иванашко было возбуждено служебное расследование. От работы он был отстранен, но служебного рвения не утратил.

Сцену на лесной дороге он наблюдал от начала до конца и скрипел зубами оттого, что не мог выскочить из своего укрытия и арестовать всех ее участников. Оставалось выбрать удобный момент, чтобы выбить из цепи главное звено. Таким звеном был Мерфи. Пробраться в машину для Иванашки не было проблемой. Автомобильные замки он щелкал как семечки.

По легенде Мерфи был нигерийцем, который несколько лет прожил в Соединенных Штатах, откуда был выслан за компьютерные мошенничества и по подозрению в торговле наркотой. Легенду помог составить Марафет. С его подачи Мерфи вызубрил необходимую информацию — кто, от кого и что везет. Но в качестве основного пропуска должна была сработать его темная внешность и пакет героина в тайнике под сиденьем машины.

Мерфи уселся за руль «тойоты», помахал операм и потихоньку двинулся дальше по лесной дороге.

Не доезжая до условленного места, Мерфи вдруг услышал за спиной возню. В зеркало заднего вида он увидел руку с пистолетом.

— Грабли в гору! — послышался напряженный голос.

Мерфи никогда не видел младшего лейтенанта Иванашко, поэтому лицо его ничего ему не сказало. Американец резко затормозил. Пистолет больно ткнул его в затылок. Мерфи едва успел уклониться влево, как над его ухом громыхнул выстрел, брызнули осколки стекла и в нос ударил кислый дух стоговшего пироксилина.

Он обернулся, перехватил руку нападавшего и ударил его локтем в лицо. Иванашко выругался, рванулся и вывалился в открывшуюся заднюю дверцу. Мерфи только успел заметить, как тот зигзагами скачет между деревьями.

Иванашко не успел уйти далеко. Не рассчитав траекторию, он с силой врубился лбом в неохватный липовый ствол, замер и тяжело опустился на снег.

Мерфи вылез из машины и увидел, как впереди мелькнул свет фар. На встречу ему вырулили синие «Жигули». Машина остановилась, и из нее вышел человек. В свете фар его машины Мерфи был как на ладони.

Человек посмотрел на него, потом на номера его машины, отметил пробоину в лобовом стекле и громко спросил:

— Эй, приятель, ты случайно не заблудился?

— Наверно, я не там свернул, — ответил Мерфи. — Я ищу склад фирмы «РИФ».

— Джамбо, брат. Я тебя давно жду.

Иванашко пролежал в сугробе недолго. Ранним утром юный лыжник Петя Кадушкин по обыкновению совершал пробежку. Неудобство в мочевом пузыре снова заставило его сойти с лыжни и оросить свежевыпавший снег жел-

теньким. К своему ужасу, он вдруг увидел выступившее из сугроба человеческое лицо. Снова труп?

— Ты, твою мать, на кого ссышь? В глаз попал, сука! Тьфу!

Из-под снега появился сильно забрызганный, кривой от возмущения и попавшей в глаз мочи младший лейтенант Иванашко. Петя Кадушкин не так испугался очередной находки, как того, что найденыйш внезапно ожил.

Когда Петя Кадушкин наконец излечился от полученного заикания и нервного подергивания правого глаза, то решил навеки завязать с лыжами и целиком переключился на пиво и девочек.

27

На следующий день Крюков и местный опер Долгополов решили прогуляться по военному городку. В гарнизоне Боженowo Крюкова и Долгополова встретили без признаков радости. Крюков подумал, что если бы не местный сыщик, одного его вообще не пропустили бы дальше проходной. Легенда у сыщиков была железная — опросить жителей в связи с двойным убийством по соседству.

Дежурный офицер вызвал сержанта-контрактника из взвода охраны и поручил ему поводить непрошенных гостей по территории военного городка.

Сержант почесал слегка припухшую небритую физиономию и махнул сыщику рукой:

— Вали за мной, ментура! Куда пойдём?

— Давай для начала на квартиру к потерпевшим, — распорядился Долгополов.

Возле дома, где жил майор Еремин, Крюков заметил старые синие «Жигули».

— Это чья тачка? — спросил он у сержанта.

— А хрен ее знает. Сюда все кому не лень теперь ездят. Барыги какого-то. Спроси у местных.

— Секи, кого-то разбудили на свою голову. — Долгополов сплюнул на снег.

Со стороны штаба к ним, забыв о солидности, стремительно приближался высокий майор.

— Это наш особист, — не менее презрительно сплюнул на снег сержант.

— Майор Гвнцв, — неразборчиво представился особист и козырнул. — Что вы делаете в расположении воинской части?

Крюков и Долгополов в ответ также представились, но более отчетливо. На особиста их должности не произвели никакого впечатления.

— Ничего не знаю, — заявил он. — Дело ведет военная прокуратура.

— В отношении погибшего майора Еремина, — поправил Крюков. — Гражданин Жданько в армии на момент смерти не служил. Им занимается милиция, и неоказание нам помощи будет рассматриваться как преступление против государства. Вы с уголовным кодексом знакомы?

Уголовного, как и других кодексов, особист не читал. Он и уставы свои знал плохо. Поэтому только махнул рукой сержанту:

— Ладно, покажи им квартиры, где жили убитые, но больше ни-ни!

И убежал назад в штаб.

В квартире журналиста до их прихода уже был проведен тщательный шмон. Все стояло вверх дном. Содержимое шкафов и ящиков устилало пол.

— Ваша работа? — спросил Крюков Долгополова.

— С какой стати? Его же не дома убили.

— Тогда кто тут так поработал? И, главное, что они искали?

— Они-то, по крайней мере, знали, что искали. А мы даже приблизительно не можем себе представить, — проворчал Долгополов.

В квартире майора история повторилась. Не найдя ничего интересного, Крюков вышел в кухню. Здесь он заметил разбитое окно. Совместив траекторию от выщербленной стены через дырку в стекле, Крюков прикинул место, откуда в майора могли стрелять.

— Ты что тут на шпионил? — поинтересовался, входя в кухню, Долгополов.

— А вот сам посмотри.

— Ни хрена себе, — свистнул от удивления Долгополов. — Выходит, в нашего покойника к тому же и стреляли?

Сопровождавший их сержант успел сильно соскучиться. Он страшно зевал в коридоре и, когда сыщики вышли к нему, поинтересовался:

— Мужики, вы че как не люди?

— В смысле?

— Пашете, как космонавты на орбите. Надо же и прерваться. Пивка попить.

— А здесь есть где?

— Хоть залейся. Вон чайная.

Крюков и Долгополов устроились со своим пивом под большим окном. Меланхолически посасывая кусок воблы, Крюков старался понять, что же искали убийцы в квартирах своих жертв.

— Не занято? — Возле их стола остановился немолодой мужик с двумя кружками пива. Крюков недоуменно оглядел помещение. Кроме них и продащицы, в чайной никого не было.

— Мне бы к свету поближе, — пояснил мужик.

— Да ради Бога, — пожал плечами Крюков и подвинулся.

Мужик сел рядом, отпил пиво и слизнул пену с верхней губы.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Пиво приходит прямо с завода в запаянных бочках. Их при мне открывали, сам видел. Сразу втыкают кран — и наливают. Поначалу неразбавленным поили, а сейчас чувствую — с доливом. Освоили процесс. Но как?

— Может, в кран где-то сбоку штуцер врезали, чтобы воду подвести? — предположил Долгополов.

— Золотая у тебя голова, Волоха, — похвалил товарища Крюков. — Так бы дела раскручивал, генералом бы стал.

— А вы, ребята, откуда? — насторожился мужик.

— Мы, дядя, из милиции, — представился Крюков.

— И Валерку Жданько покойного знали?

— Вот он знал, — кивнул на Долгополова Крюков.

— Сходится. — Мужик поставил кружку на стол и полез в карман.

— Что сходится? — не поняли сыщики.

— Все сходится. — Мужик вынул из кармана дискету и положил ее на газету с распотрошенной воблой. — Момот меня зовут.

Вероятно, это должно было что-то означать. Сыщики переглянулись и пожали плечами.

— Допустим. И что дальше?

— Валерка покойный у меня в фирме работал, — пояснил Момот. — А тебя, значит, Волохой зовут, — уточнил он, глядя на Долгополова.

— Меня друзья Волохой зовут, — немного обиделся тот.

— И удостоверение можешь показать?

— Вот, любуйся. — Долгополов раскрыл перед любопытным отставником свою красную «МУРку». — Доволен, или будешь перечитывать?

— Так это ты, значит, Волохой будешь, — еще раз с пьяной уверенностью повторил отставной подполковник. — Теперь мне понятно. Я то я думаю — что за Волоха-малоха такая? Звонил тебе Валерка перед смертью, да не дозво- нился.

— Я знаю, — сказал Долгополов. — Мне передали.

— Да, и он тоже передать просил кое-что. Если, значит, с ним что случится.

— Что передать?

— А вот. — Момот указал подбородком на дискету, лежавшую поверх рыб- ного мусора. — Забирайте.

Долгополов хотел что-то сказать, то ли спросить, но Крюков сунул дискету в карман и потащил его из-за стола.

Сыщики возвращались к метро через лес. Крюков был внимателен и сосре- доточен. Долгополов заметил это.

— Ты что, знаешь что-то, чего не знаю я? — спросил он.

— Угадал.

— Так, может, поделишься? Грядку-то вместе окучивали.

— Думаешь, стоит? Меньше знаешь — лучше спишь. Ладно, не обижайся...

Крюков вдруг замолчал. Ему послышался скрип снега. И причиной звука был не веселый лыжник и не лошадка мохноногая, а осторожно крадущийся человек.

Крюков рванулся вперед и сбил напарника в сугроб. Одновременно с его броском лесную тишину разорвал выстрел. Крюков молниеносно выхватил свой обрез и заскрипел зубами от злости. У него не осталось ни одного нор- мального патрона — только шоковые, с водой. Но тут Долгополов открыл огонь из своего пистолета.

— Ты цел? — крикнул ему Крюков.

— Кажется, немного зацепило, — отозвался Долгополов.

Его выстрелы сбили снег с недалеких кустов. Крюков заметил, как за куста- ми шевельнулось что-то темное, а затем кто-то шархнул и побежал зигза- гами вглубь леса.

— Ты как? — спросил Крюков.

— Спасибо. Если бы не ты, было бы уже совсем никак. А так только плечо задело. Сука. Кто же это был?

— Мясник, больше некому, — с уверенностью сказал Крюков.

Уже добравшись до больницы, где Крюков передал Долгополова на попече- ние медиков, тот, прощаясь, сказал:

— Слышь, Крюк, есть маза, что я его тоже зацепил. Иначе хрен бы он нас выпустил.

Крюков пожал ему здоровую руку:

— Если ты прав, я скоро узнаю, кто такой Мясник.

— Мне не забудь сказать.

— Тебе первому, — пообещал Крюков и направился к выходу.

28

В черной комнате за черным столом сидел человек в черной майке с белой повязкой, закрывавшей татуировку на плече. Он говорил по телефону.

— Да, я согласен с тобой. Пора принимать радикальные меры. Сегодня Крюков с каким-то местным ментом был в гарнизоне. Ходили, вынюхивали. Нарыли чего или нет, пока не знаю. Хотел завалить обоих на всякий случай, но не вышло. Зацепило меня. Ничего, за нами не заржавеет. Со всеми разберусь, дальше тянуть нельзя.

Он разгреб газетные вырезки с заметками о Мяснике и разложил веером несколько снимков из тех, что лежали в большом конверте. Сверху оказались фотографии Ирины, Крюкова, Рудакова и других сотрудников кооператива «ОГПУ».

Рудаков, Питер и Крюков сидели в офисе кооператива «ОГПУ».

— Значит, решили, едем к Тюрину? — сказал Крюков.

— И как можно скорее, — поддержал его Рудаков и обратился к Питеру: — Ты нас отвезешь?

— Нет проблем, — кивнул тот. — Только надо пару пузырей с собой захватить. Без этого разговора не получится. Приехал полковник — дальше некуда. Довели, суки!

«Крюков, зайди ко мне», — прозвучал голос Ирины по системе громкой связи.

Крюков вошел в кабинет председателя кооператива. Здесь по-хозяйски расположились трое мордovorотов. Четвертым был старый знакомый Крюкова полковник ФСБ Спицын.

— Вы не могли бы оставить нас ненадолго? — попросил он Ирину. — У нас намечается очень интимный разговор.

Ирина пожала плечами, поднялась из-за стола и вышла. Спицын немедленно уселся в ее кресло.

— Мне тоже выйти? — спросил его Крюков.

— А вас попрошу остаться! И давайте без этих ваших фокусов.

— Без фокусов, так без фокусов. — Крюков без приглашения уселся на свободный стул. — Просто споем и спляшем в борделе нашем. Кто начнет?

— Мы тебя посадим, — сразу перешел к делу Спицын.

— Уй как страшно! Ладно, раз уж я здесь, поведай, что я такого криминального натворил, чтобы два раза не приходить. Может, я испортил воздух на пленарном заседании Думы или не снял шляпу перед портретом президента?

— Да у тебя целый букет преступлений! — обрадованно заорал Спицын. — На тебя можно вешать половину статей уголовного кодекса и таблицы Менделеева! Злоупотребление служебным положением, получение взятки, несанкционированное применение оружия. А как укрывательство черножопого террориста, этого Твалы? Может, ты его сообщник? Тебе мало?

— Какое еще, на хрен, несанкционированное применение? Я кого-то убил или ранил?

— А вот такое, например! — Спицын со стуком вывалил на стол крюковский обрез и пачку патронов. — Или такой прибор теперь называется табель-

НЫМ?

— Мое оружие носит исключительно предупредительный характер. Все патроны холостые, — заявил Крюков.

— Неужели? — Спицын с торжеством извлек из своего кармана красивый патрон с надписью «BALLE GUALANDI», снаряженный пулей. — А это что?

— Смеетесь? Откуда у меня импортные патроны? — Крюков отодвинулся со стулом подальше от стола. — И не надо мне его подсовывать, отпечатков своих я на нем все равно не оставлю.

— Ладно, собирайся, поедешь с нами. — Спицын встал, за ним стали подниматься остальные.

— Это задержание? — поинтересовался Крюков.

— Нет, пока только доставление, — любезно улыбнулся Спицын. — На бесплатную кормежку не рассчитывай и адвоката своего не беспокой.

— Мой адвокат уже в курсе, — заверил полковника Крюков. — Против лишения меня свободы заявляю решительный протест и уступаю только грубой силе.

— Куда это вы? — спросила Ирина, когда Спицын и его помощники проводили мимо нее свою добычу.

— Это простое недоразумение, — заверил ее Крюков. — Товарищ Сталин лично во всем разберется, и я скоро вернусь. Не скучай.

Рудаков и Питер тем временем двигались в северо-западном направлении. Вернее, сначала в западном, а затем в северном. Цель их поездки находилась, по словам Питера, на границе Московской и Тверской областей.

— Хвост не тащим? — спросил Рудаков, когда они миновали Волоколамск.

— Нет, вроде чисто. Я все время проверяюсь, — ответил Питер. — А вот, кажется, и приехали.

Деревня выглядела пугающе безлюдной и запущенной. Черный остов сгоревшего клуба навевал ощущения, что здесь недавно прошли фашисты-каратели.

— И Тюрин здесь живет? — неприязненно сморщился Рудаков.

— Нет, он живет за рекой. Переобувайтесь. У вас ведь сорок третий? — Питер достал из багажника две пары предусмотрительно запасенных резиновых сапог.

Они спустились в пойму небольшой незамерзшей речки и пустились через нее вброд. Холод ледяной воды тут же проник через резину. У Рудакова сразу заломило суставы.

— А на машине проехать нельзя? — недовольно спросил он.

— Почему? Можно. Только небольшой крюк придется сделать. Верст пятьдесят-семьдесят. Сначала до Твери доехать, а потом обратно вернуться. Мосты у нас — объекты столь же редкие, как и летающие тарелки.

На противоположном берегу за небольшой березовой рощей располагалось всего несколько домов. Если на берегу, входившем в Московскую область, вспоминались немцы, то на этом, Тверском, на ум приходили монголо-татары. Во всяком случае, на первый взгляд создавалось впечатление, что люди здесь не жили со времен Батыева погрома.

— Да, это вам не Барвиха, — процедил сквозь зубы Рудаков.

— И на Комарово не очень похоже, — кивнул Питер. — Пойду предупрежу

полковника, а то как бы стрелять не начал. Он последнее время совсем по-черному квасил.

Рудаков присел на толстый березовый пенек и закурил. Питер скрылся за углом крайней покосившейся избы. Рудаков не успел сделать и трех затяжек, когда услышал выстрел, потом еще один. Затем рванула граната и послышались автоматные очереди.

Рудаков выхватил из плечевой кобуры новый служебный револьвер. С этой слабенькой кургузой машинкой он показался сам себе нелепым и смешным.

Из-за угла покосившейся избы показался Питер. За ним выскочил Тюрин. В одной руке он держал пистолет, в другой был зажат белый пластиковый пакет, скрученный в сверток.

Полковник бежал тяжело, часто останавливался и оглядывался в сторону преследователей. Те сначала не показывались, но потом Рудаков увидел мелькнувшую несколько раз голову в черной шапке. Он не смог определить точно, но, возможно, преследователь был не один.

Питер на бегу махнул Рудакову — уходи! Тот, не долго думая, выстрелил пару раз в сторону мелькнувшей черной шапки, повернулся и побежал. За своей спиной он услышал длинную автоматную очередь и вскрик.

Рудаков оглянулся. Тюрин тряпичной куклой заваливался вперед и вправо. Вместо правого глаза у него чернело выходное отверстие от пули. Питер подскочил к нему и подобрал выпавший из разжавшихся пальцев полковника белый сверток.

Рудаков замешкался было на берегу, когда из рожи показались фигуры в черных комбинезонах с автоматами в руках. Он выстрелил в их сторону еще пару раз и спустился в холодную воду. Прошлепав через речку, он попытался выбраться на обледеневший берег. Но у него ничего не выходило. Питер более удачно форсировал реку немного в стороне.

Рудаков скользил по крутому склону, безуспешно пытаясь выбраться из воды. С тупой обреченностью он услышал за спиной скрип снега: приближалась погоня.

Рудаков приготовился выпустить оставшиеся в револьвере два патрона, когда услышал с нависшего рядом берега:

— Руку!

Питер протягивал ему свою. Рудаков ухватился за нее и, оскальзываясь, рванулся из воды. На очередную россыпь выстрелов Питер ответил рычанием и бранью.

— Ты что, ранен? — спросил Рудаков.

— Немного задело. Держи пакет!

И Питер выпустил оставшиеся патроны в преследователей. Те залегли и приостановили погоню. Видимо, ждали указаний от начальства.

Рудаков помог Питеру добежать до машины. Тот упал на переднее сиденье, Рудаков уселся за руль и дал газу. По ухабистой трассе они вылетели на шоссе. Здесь Рудаков снизил скорость и спросил напарника:

— Ты как?

— Нормально. До больницы дотяну. Ранение касательное.

Из автомобильной аптечки Питер самостоятельно достал бинт, смочил его в перекиси водорода и прижал к ране.

— Вон указатель — больница!

Рудаков хотел было свернуть, но Питер остановил его.

— Вы что? С огнестрельным ранением в обычную больницу? Нас же сразу заметут. К тому же эти суки будут нас преследовать. Нет уж, потерплю до Москвы.

— Они пришли следом за нами? — спросил Рудаков.

Его мучила совесть за то, что они притащили хвост к Тюрину.

— Нет, — успокоил его Питер. — Это была засада, нас там ждали. Но ждали с другой стороны, думали, что мы по дороге приедем. Поэтому мы и смогли уйти.

— Мы-то смогли, а вот полковник... — вздохнул Рудаков.

— Он успел взять документы. Вот они — Питер указал на брошенный на заднее сиденье сверток. — Теперь победа у нас в кармане. За всех ребят отмстим!

— Куда двинемся? — спросил его Рудаков, когда они въехали в Москву.

— Как куда? У нас ведь есть почти штатный доктор. В Центр исследований крови, конечно. Думаю, Мария не откажется нам помочь.

Он не ошибся. Рана оказалась не опасной, но Мария велела ему полежать некоторое время в крайней пустой палате.

Бойцы охраны с шевронами «РИФ-секьюрити» подозрительно покосились на пациента. Старший отошел в глубину коридора и достал рацию.

Спустя двадцать минут к боковой двери Центра подъехал темно-синий микроавтобус. Люди в черной униформе вывели шатающегося Питера, погрузили в машину и уехали...

В офисе охранно-сыскного кооператива «ОГПУ», несмотря на позднее время, горел свет. В кабинете председателя сидели Ирина и Рудаков. Они обсуждали свои невеселые насущные проблемы.

— Крюков сидит, Тюрин убит, Антон пропал, Питер в больнице...

Речь Ирины прервал телефонный звонок.

— Да? — Ее и без того напряженное лицо помрачнело еще больше. — Спасибо.

Она положила трубку.

— Кто звонил? — спросил рудаков.

— Мария из больницы. Питера увезли неизвестные люди в неизвестном направлении.

— Если учесть, что убиты свидетели, создается впечатление, что на нас открыли сезон охоты, — подвел итог Рудаков.

— Надо просить помощи у Ионы. — Ирина протянула руку к телефону. — Другого выхода я не вижу.

— Подождите, — остановил ее Рудаков. — Сейчас мы особенно уязвимы. У нас на руках документы Тюрина.

— Это козыри.

— Нет, в контексте ситуации это наш смертный приговор. За нами теперь будут охотиться с удвоенной энергией. Их нужно как можно скорее передать вице-премьеру Асташкову.

— А в чем проблема? — не поняла Ирина.

— Комиссия по «Юнителу» закончила свою работу. Теперь Асташкова очень трудно найти. Временами мне вообще хочется все бросить. За бугром

легче было.

— Вы что, хотите выйти из игры? — спросила Ирина.

— Я? Что вы, и в мыслях не было.

По лицу Рудакова было заметно, что мысли его и в самом деле витают где-то далеко.

Дом на Весеннем проезде выглядел брошенным. Из сановных жильцов сейчас в нем остались жить всего несколько человек. Но армия обеспечения продолжала исправно трудиться. У Рудакова тщательно проверили документы, после чего дежурный позвонил в квартиру Шнопака.

— К вам гость. Полковник Рудаков.

— Кто? — Голос Шнопака поперхнулся и замолк.

Лишь через несколько бесконечно долгих минут Шнопак вновь сумел обрести дар речи:

— Пусть пройдет.

В квартире Шнопак был один. Он налил коньяк в бокалы и один из них подвинул Рудакову:

— Я слышал, что не такой уж ерундой ты занимаешься в этом своем «ОГПУ». Не так это смешно, как ты говоришь. Серьезных людей вы переположили.

— Значит, совпадение интересов? — прямо спросил Рудаков.

— Не понял, говори яснее.

— Куда уж яснее, — усмехнулся Рудаков. — У меня товар, у тебя купец. Неужели два старых шпиона не сумеют договориться о цене?

— Какой товар?

— Горячий и смертельно опасный, а я еще пожить хочу. У меня документы Тюрина.

— А точнее?

— Точнее некуда. Это называется «Кранты «Юнителу»». Делайте ставки, господа. И не жалейте заварки, как гласит одиннадцатая заповедь Моисея. Я ведь могу предложить их еще кое-кому.

— Кому? Премьеру?

— Или самому Вагнеру. Чтобы он смог лично убедиться, с каким мудачьем работает. Ответа жду завтра. И умоляю, не надо меня убивать. Я за то, чтобы договориться по-хорошему. — Рудаков поднялся и не прощаясь вышел.

Ирина вошла в свой подъезд. Впереди нее цокала высокими каблуками Маринка — соседка с третьего этажа.

«Даже не подумала дверь придержать, стерва», — беззлобно подумала Ирина.

На соседке была надета дубленка — точная копия той, что была на Ирине. Ирина порылась в почтовом ящике, давая соседке время погрузиться в лифт. Но та почему-то медлила. Ирина не сразу обратила внимание на тихие хлопки откуда-то сверху. И только когда она услышала слабый вскрик, а потом увидела падающую навзничь Маринку, до нее наконец дошло — в подъезде киллер. И убить он собирался совсем не ее злополучную соперницу. Сверху, из лестничного пролета, показалась черная фигура с пистолетом, увенчанным толстым набалдашником глушителя.

Ирина автоматически отстегнула застежку сумки, сунула в нее руку и ощутила ребристую рукоять револьвера. Дальше сработали рефлексy.

Она выбросила вперед правую руку с револьвером и подхватила ее левой. Тело само вспоминало навыки, выработанные недолгими, но интенсивными тренировками. Она выпустила в киллера все шесть пуль и бросилась вон из подъезда.

На улице к Ирине метнулась еще одна черная фигура. Она растерялась. Ее револьвер был разряжен. Неожиданно откуда-то сбоку раздался негромкий хлопок. Снова выстрел из пистолета с глушителем?

Нападавший в черном упал. С громким скрипом тормозов к Ирине подлетел темный микроавтобус. Из раскрытой дверцы к ней протянулись руки. Хватка была очень крепкой. Она отшатнулась, но тут же ощутила сильный толчок в спину. За ее спиной возник человек. Он силой впихнул Ирину внутрь салона. Это был тот, кто застрелил метнувшегося к ней человека в черном. Внутри микроавтобуса было темно. Дверь за ней захлопнулась, и машина сорвалась с места.

Ирина попыталась было закричать, но жесткая ладонь в перчатке запечатала ей рот.

— Не вздумай орать, — прорычал у нее над ухом хриплый голос.

Она почувствовала на лице остро пахнущую повязку и отключилась.

В особняке усадьбы Божененово собирались акционеры, а точнее, лоббисты и агенты влияния «Юнитела». Их машины подъезжали поодиночке с интервалами от трех до шести минут, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Риф лично контролировал приезд во главе группы бойцов с «винторезами» в руках. Время от времени он отдавал короткие приказы в микрофон оперативной рации.

Когда последний из приехавших, помощник президента Шнопак, прошел в каминный зал, его встретили с нетерпением. Здесь присутствовали члены государственной комиссии по проверке «Юнитела» Биркин, генерал Павлов и полковник Спицын. Возле камина, едва не засунув зад в его пыщущее жаром жерло, терся Марат Тоцкий.

— Вагнер не приедет? — тихо спросил Шнопак Рифа.

— Звонил, сказал, что не сможет. — Риф пропустил Шнопака в каминную,

сам же остался снаружи. Система прослушивания позволяла ему быть в курсе происходящего, оставаясь вне помещения.

Совещание, как всегда, начал Биркин. Он сообщил, что система «Юнитела» запущена на полную мощность, и присутствующим остается только ждать новогодней ночи, чтобы стать богатейшими людьми мира. Отвлекающая часть операции «Армагеддон» — серия аварий и крушений — произойдет так, что комар носа не подточит.

Спицын заверил сообщников, что по его линии все схвачено и он полностью контролирует ситуацию. Генерал Павлов также доложил, что по части «Фейерверка» проблем не будет. В нужный момент ракеты взлетят, и правительствам будет не до денег. А за это время они сумеют надежно спрятать концы.

— У тебя не создается впечатление, что концы они собираются прятать вместе с нашими трупами? — тихо спросил Биркин полковника Спицына.

— На кону такие деньги, что я ничему не удивлюсь, — согласился тот.

Тут Шнопок взял быка за рога.

— Документы Тюрина всплыли. Они у Рудакова. Из-за этого идиота все может накрыться медным тазом.

— И что же он хочет? — подал голос молчавший до сих пор Марат.

— Бабок, чего же еще!

— Не верю я ему! — ударил кулаком по столу полковник Спицын. — Не взяли ли нас в разработку?

— Ты же гарантировал, что все чисто! — возмутился Марат.

— Ладно, береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет, — напомнил старую истину Биркин. — У Рифа всегда сканер под рукой. Давайте для верности пройдемся по стенам. Вдруг где микрофончик завался.

Микрофончик нашелся сразу, как только Шнопок взял в руки прибор. Он в виде булавки торчал из-за лацкана его пиджака.

— Ах ты ж, блин! — Шнопок грязно выругался. — Рудаков, старый козел! Он мне микрофон всобачил! Накидал лапши на уши, сука!

— Что будем делать? Мочить?

— Замоchiшь его теперь, как же. Документы, поди, уже у Асташкова в сейфе лежат!

Все разом засуетились и заорали.

— В общем, еще не поздно отыграть назад, — тихо сказал Биркин полковнику Спицыну. — Мы все-таки члены комиссии.

Спицын согласился с ним. Они не догадывались, что даже такой тихий разговор не проскочил мимо ушей Рифа. Кроме него, их разговор слушал и еще один человек. Это был Мясник.

Рудаков взглянул на календарь. Чуть не опоздал. Он знал, где можно найти Асташкова. Один раз в неделю, а это было как раз сегодня, по традиции председатель ФСБ и его замы собирались в половине второго в столовой на Лубянке.

В столовую Рудаков, разумеется, не пошел. Дождался вице-премьера, сидя на подоконнике. Наконец, из дверей столовой показался Асташков.

— Здорово, пенсионер. Яйца высиживаешь?

Вице-премьер явно отметил с бывшими соратниками приближение Нового

года и был настроен оптимистично.

— Вас поджидаю.

— «Поджидаю» — это, брат, антисемитизм. Надо говорить «подъевреиваю». Что у тебя? Кстати, как обустроился на гражданке? Канарейкой не обзавелся?

— Некогда. Государственные дела за вас решаю.

Асташков нахмурился:

— Ну-ка, давай в сторонку отойдем, а то у здешних подоконников акустика хорошая. Для любителей покурить и поболтать у окна. А еще лучше — пошли в мою машину.

В машине Рудаков изложил бывшему начальнику общую картину задач и развития компьютерной сети «Юнител» в мире и России.

— И ты можешь это доказать? — сухо спросил Асташков.

— Вот документы. Вы знали полковника Тюрина?

— Он работал в моей комиссии.

— Результаты его работы не дошли до вас по одной простой причине — ваши непосредственные помощники по уши увязли в сети Вагнера.

Асташков заглянул в список заговорщиков.

— Хорошо. Полковника Спицына, Биркина, генерала Павлова и еще кое-кого я могу нейтрализовать. Но на сегодняшний день они фигуры второстепенные. Главные — Шнопок, Тоцкий и сам Вагнер — опасны тем, что блокируют президента. А без него проблему такого уровня не решить.

— Но ведь премьер-министр ваш друг и противник Вагнера, — напомнил Рудаков.

— На этом уровне и он бессилён, — развел руками Асташков. — Впрочем, я попробую пробиться к президенту с помощью премьера.

— Ничего не понимаю, — возмутился Рудаков. — Ведь речь идет о государственных интересах!

Асташков внимательно изучал распечатку тюринских документов. Он снисходительно взглянул на бывшего резидента.

— Государственные интересы — это интересы тех, кто может уверенно заявить: «Государство — это я!» А я уже сейчас навскидку вижу, что некоторые зарубежные счета, на которые уплыли деньги от внедрения «Юнитела», принадлежат именно этим людям.

— Но «Юнител» внедрялся на деньги наркомафии! И теперь преступники свободно пользуются закрытыми линиями системы для отмывания денег. Руководит ими бывший сотрудник спецслужб, бывший глава охранного холдинга «РИФ», ныне шеф охраны «Ипсилон-банка» и его полномостный распорядитель.

Асташков заглянул в указанный документ и обомлел.

— Не может быть! Твой...

— Он, — кивнул Рудаков.

— Хорошо, — кивнул головой Асташков. — Я прямо сейчас еду к премьеру и поставлю вопрос ребром. Спасибо тебе и твоим ребятам.

— Их вытаскивать надо. Крюков у наших, эфэсбэшников. Хозяйку моей фирмы вообще похитили неизвестно кто. Несколько человек исчезли или убиты.

— Сделаем, что сможем, — заверил разведчика Асташков.

Спустя час Асташков сумел добраться до премьер-министра. Тот выглядел озабоченным.

Премьер был моложе Асташкова. В те времена, когда оба работали в разведке, начальником был Асташков. Теперь роли поменялись, но они продолжали поддерживать добрые, почти дружеские отношения.

— Если можно, Сергей Владимирович, покороче, — попросил премьер. — У меня сегодня очень напряженный день.

— Постараюсь, — обиделся Асташков. — Но имейте в виду — завтрашний день может и не наступить. А точнее, первое января двухтысячного года.

— Значит, пара дней у нас есть. Давайте к делу. Вы по поводу решения вашей комиссии в пользу «Юнитела»?

— Так точно. Я только что узнал, что решение — фикция. После смерти генерала Лентулова и его зама полковника Тюрина комиссия целиком куплена Вагнером.

— Исключая вас, конечно?

— Разумеется. — Асташков приступил к изложению своего доклада.

Премьер внимательно слушал. Иногда переспрашивал.

В конце коридора показался Марат Тоцкий. Завидев премьера, он вдруг заметно побледнел, развернулся и едва не перешел на бег.

— Что это с ним? — удивленно спросил Асташков.

— Не знаю, не знаю, — прищурился премьер. — Видно, не все ладно в королевстве датском. Ну, до этого извращения мы все равно не доберемся, он в вершках числится, а по корешкам ударим. И как можно скорее. Спицына, Биркина, Павлова и этого, из «РИФа», надо брать, пока не поздно. Что нахмурился, наставник?

— Да вот думаю — а ну как и впрямь поздно? — проворчал Асташков.

Полковник Спицын давно отвык бегать. Не по чину. Однако сейчас он стыдливой трусцой пересек улицу и нырнул в черный «ауди» Биркина. Тот также забыл, когда последний раз сам сидел за рулем, но сегодня ему пришлось обходиться без шофера.

— Тебя не пасли? — спросил он полковника.

— Обижаешь, я же все-таки профессионал, — недовольно буркнул Спицын.

«Профессионалом ты был десять лет назад», — подумал Биркин, но промолчал и сказал лишь:

— Просто хочу напомнить, что если про нашу измену узнают соратники, мы не доживем до вечера. Со всех сторон мы крайние.

— Ерунда, уже почти вечер, — махнул рукой Спицын. — Двигаем прямо к Асташкову. Я все продумал. Мы же все-таки члены госкомиссии. Подадим информацию так, как будто только что ее получили. Когда десять человек гроздь висят на тонкой веревке, у крайних больше шансов на спасение. Они всегда могут обрезать веревку не над, а под собой.

— Вот сука! — дернулся Биркин.

— Ты что, охренел?

— Смотри назад!

Позади биркинского «ауди» за автобусом прятался хорошо знакомый им обоим синий «жигуленок».

— Рифов холуй! — Спицын не удержался и высунул в окно поднятый средний палец.

Водитель синих «Жигулей» понял, что обнаружен. Он пожал плечами и вырুল из своей засады. Биркин также повернулся к нему и махнул рукой — проезжай. Тот двинулся вперед и, проезжая мимо «ауди», также показал сидящим в его салоне средний палец.

После этого «Жигули» рванули и на большой скорости исчезли где-то впереди.

— Что это с ним? — удивился Биркин.

— Какая разница? Заводи, погнажи. Не нравится мне это, ох, не нравится. Ситуация взрывоопасная.

Сильный взрыв приподнял черный «ауди» над землей и разметал в стороны вместе с останками его экипажа. Крики перепуганных прохожих смешались с завыванием сигнализации стоявших по соседству машин.

Генерал Павлов положил телефонную трубку и опустился в кресло.

«Вот и все», — подумал он.

Генерал достал блокнот, вырвал из него лист и написал на нем несколько строчек. Потом злорадно усмехнулся, встал и прошелся по кабинету.

Что же, придется сделать это несколько раньше, чем он планировал. Прямо сейчас. Такая необходимость лишала его возможности наблюдать свысока за паникой толпы жалких идиотов, как когда-то в детстве он наблюдал за паникой в разворошенном им же муравейнике.

Но он и без того представлял себе, во что превратится предстоящая новогодняя ночь для большинства людей. А может быть, и не для большинства, а для всех...

Генерал снова изобразил на лице недобрую усмешку, рывком извлек из ящика стола табельный «макаров», поднес к виску и выстрелил. Молиться он не умел, да и не собирался.

30

В кабинете полковника Спицына давешние крепкие ребята вернули Крюкову деньги и документы.

— Распишитесь, — велел один из них.

— Ща, — отозвался Крюков. — А вещи? Обрез ружья двенадцатого калибра фирмы «Джеймс Пердей» с комплектом патронов.

— Подавись. — Второй вывалил из шкафа немудренный крюковский скарб.

Крюков засунул обрез под куртку и рассовал патроны по карманам. В том числе и пулевой, подброшенный Спицыным.

— А где же полковник? — спросил он. — Разве товарищ Спицын не придет меня проводить?

— Зачем?

— Ну, не знаю. — Крюков пожал плечами. — Извиниться за незаконное задержание.

— Его сегодня не будет.

— А завтра?

— И завтра тоже. Слушай, вали отсюда. И без тебя геморроя хватает, — напутствовали его крепыши.

— Довлеет каждому геморрой его, — заметил им Крюков и вышел на свободу.

Вернувшись после недолгого отсутствия под кровлю родного кооператива, Крюков из всего персонала обнаружил лишь отставного полковника Рудакова. Ас разведки был в дымину пьян. Недобитая бутылка «Гжелки» с рассекателем на горлышке торчала перед ним. Еще две, пустых, валялись под столом.

— А где хозяйка? — в недоумении протянул Крюков.

— Украли, — развел руками Рудаков. — Садись, выпьем! Слушай, Крюков, как тебя по имени? А то неудобняк какой-то...

— Ничего, я привык. За что пить будем? — Крюков взял в шкафу стакан для себя и придвинул стул.

— А хоть бы за Тараса Бульбу! Не возражаешь?

Выпили. Крюков и Тараса Бульбу уважал, и понимал, что толку от полковника он сейчас все равно не добьется. Он помог вконец обессиленному Рудакову добраться до дивана. Сам уснул на соседнем.

Крюкова разбудил телефонный звонок. Звонила Мария. Она рассказала о попытке самоубийства генерала Павлова. Крюков тут же выехал в больницу.

— На него можно посмотреть? — спросил Крюков.

— Идем, полюбуешься, — вздохнула Мария. — Легкой смерти не получилось. Пуля задела какой-то важный центр в мозгу. Он парализован. Может двигать только глазами.

Генерал лежал в отдельной палате. Он был совершенно неподвижен. Крюков обратил внимание на его вытаращенные глаза и подергивающийся край одеяла под рукой больного. Он откинул одеяло.

— Смотри! — Мария тоже это заметила. — По-моему, он хочет что-то сказать! Его палец!

Палец генерала, единственное, что еще двигалось, кроме глаз, выбивал судорожную дробь. Мария оказалась права. Крюков также уловил в стуче опре-

деленный ритм. Три коротких, три длинных, три коротких.

— Морзянка. Он же выбивает «SOS»! Я тебя понял, — четко выговорил Крюков.

— Ты и в азбуке Морзе разбираешься? — удивилась Мария.

— А как же? Я три года в КЮМ ходил заниматься — клуб юных моряков. Вот ты, поди, не знаешь, чем трюмсель от триселя отличается или оверштаг от оверкиля. А почему гальюн является украшением корабля? Тихо, слушай!..

Крюков внимательно прислушался и принялся диктовать:

— «Фейерверк» не фикция. Бонза гений. Перепрограммировал боевые части ракет. Они долетят и взорвутся. Не хочу. Хочу жить...

— Что он хочет сказать? — Мария ничего не могла понять из услышанной тарабарщины.

— Просто «Фейерверк» из средства для воплощения плана «Армагеддон» превратился в цель. Поздравляю с началом конца света, — ответил Крюков, чем озадачил ее еще больше. — Знаешь, съезди к Семену. Если генерал контактил с «Ипсилоном», на него в файлах могла быть заведена медицинская карточка. Галину ведь не просто так убили.

Крюков и Рудаков проводили очередное совещание в передвижном штабе — в салоне «рябухи».

— Антона видели в кафе «Нирвана», — сообщил Рудаков. — Там хакеры собираются. Потом он снова исчез. Почему он прячется — не понимаю.

— Я тоже. А мы не можем сами влезть в этот «Юнител»? — спросил Крюков.

— Как? Доступа к Малой пирамиде у нас нет. Ни кодов, ни паролей.

— А «золотой диск» Бонзы? Как я понял, игра «Армагеддон» является ключом к «Юнителу».

— Частью ключа. Игра заражена «Минуткой». Секунд десять уже съедено, осталось пятьдесят. За это время даже суперхакер не успеет ни в чем разобраться, — уныло продолжал Рудаков. — Знать бы, кто похитил Ирину и где ее искать?

И снова Крюкова прервал писк мобильного. Это был священник отец Николай.

— Со мной связались какие-то люди, — сказал священник. — Они заявляют, что Ирина у них, и хотят говорить с Крюковым.

— Я сейчас подъеду, — ответил Крюков и развернул «рябуху».

Перед храмом стояла наряженная елка. Возле нее был залит небольшой каток, где катались дети.

Крюков подождал отца Николая на улице. Совсем стемнело. На елке зажглись лампочки, народу на катке заметно прибавилось.

Наконец Крюков заметил выходящего из храма священника и подошел к нему.

— Что вы хотели сообщить о похитителях Ирины?

— Они связались со мной. Сказали, что знают номер вашего мобильного и будут ждать от вас звонка вот по этому номеру.

— Спасибо, святой отец. Вы нам очень помогли.

— Могу ли я быть полезным еще в чем-то?

Крюков подумал-подумал, да и рассказал священнику все, что знал о возможно предстоящем конце света.

— Что вы на это скажете, святой отец? — спросил он в конце рассказа.

— Господь не попустит этого, если мы будем делать то, что нам должно делать. Рождество и Новый год — время чудес. Так что будем ждать чуда. Обыкновенного чуда.

Часть четвертая Обыкновенное чудо

31

Тридцатого декабря в Кремлевском дворце проходил правительственный прием, посвященный наступлению 2000♦го года. Господин Вагнер в числе приглашенных слонялся по залу и ощущал сильное беспокойство. Поначалу он воспринял его как обычную депрессию, посещавшую его в последнее время все чаще, и постарался заглушить лошадиной дозой алкоголя. Но это не помогло.

Из обрывков услышанных разговоров до него стал доходить поистине ужасный смысл происходящего. Президент уходит со своего поста и оставляет за себя премьера. Господин Вагнер знал, что злейшего врага у него нет, за исключением родственников жены. Самым обидным было то, что для победы ему не хватало всего одного дня.

Он заметался по залу в поисках тех, от кого мог бы получить необходимую информацию в полном объеме. Но ни помощника президента Шнопака, ни кого-нибудь из его команды в зале видно не было.

Наконец Вагнер увидел нужное лицо. Торопливо семена и разбрасывая на ходу извинения, зал пересекал очень бледный Марат Тоцкий. Он промчался мимо Вагнера, отодвинув его плечом, и полетел дальше в направлении выхода.

Вагнер догнал его уже на улице, на ступеньках лестницы.

— Постойте, мистер Тоцкий! — воскликнул он. — Куда вы бежите? Что происходит?

— Что? — Визажист уткнулся в Вагнера невидящим взглядом. — Ах, это вы? Ничего. Все нормально. Никто никуда не бежит. Просто у меня билет в Штаты. Меня там ждут друзья, чтобы вместе встретить Новый год. А вы что подумали?

Вагнер понимал, что напоминать сейчас Марату о том, чем он ему, Вагнеру, обязан, по меньшей мере бессмысленно. Визажист явно был в панике. Поэтому Вагнер лишь спросил его:

— А куда делся Шнопак?

— Шнопак? — снова переспросил Тоцкий. — Думаю, уже улетел. Кажется, во Францию. Президент и члены его семьи получили гарантии. Ни я, ни Шнопак членами семьи не являемся, следовательно, гарантии на нас не распространяются. Приходится подумать и о себе. Прощайте, мистер Вагнер, и спасибо за все.

«Вот так, этот хоть поблагодарил. А Шнопак, сан бич, смылся и даже ручкой на прощанье не помахал», — с гневом и обидой подумал мистер Вагнер.

Можно только гадать, что сыграло в состоянии мистера Вагнера роковую роль: уличный холод, испытанный им сильнейший стресс или выпитый алкоголь. Он вдруг почувствовал резкую боль в пояснице. Ощущение было такое, словно его ударило бревном. Мистер Вагнер потерял сознание и рухнул прямо на ступеньки Кремлевского дворца.

В палате Центральной клинической больницы, куда он был срочно достав-

лен, приступ был купирован, и господин Вагнер узнал неутешительный диагноз. Врожденная болезнь почек резко обострилась. Ему срочно требовалась операция по трансплантации этих органов.

Врачи приняли решение перевезти больного в его собственный медицинский центр, как только позволит его состояние. В срочном порядке была подана заявка на трансплантант. А пока господина Вагнера временно подключили к искусственной почке.

Подготовка к операции и поиск донорского органа не представляли проблемы, но должны были занять несколько дней. Операцию решено было провести как можно скорее, сразу после Нового года. Врачи не догадывались, что для господина Вагнера их решение было равносильно смертному приговору. Причем приговорил он себя сам.

Придя в себя, он первым делом распорядился разыскать нескольких людей. Из четырех фамилий найти удалось лишь одного. Бывшего помощника бывшего президента. Через час тревожного ожидания в палату господина Вагнера впихнули растерянного Шнопака. Вагнер потребовал, чтобы их оставили вдвоем.

— Вы в курсе последних событий? — спросил он бывшего разведчика.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался тот. — Уход президента или вашу болезнь?

— И то, и другое, — в раздражении от его тупости прорычал Вагнер. — Тогда действуйте, и как можно быстрее!

— В каком смысле? — недоуменно протянул Шнопак. — Что именно делать?

— Да вы полный идиот! Операцию необходимо отменить.

— Вашу операцию?

— Кретин! Операцию «Армагеддон», — в ярости прошипел Вагнер.

Шнопак был абсолютно подавлен и растерян.

— Но это невозможно, — промямлил он. — Механизм уже запущен!

— Значит, его нужно остановить!

— Как? Такой вариант не был предусмотрен планом.

— Как угодно! Отключить, сломать, взорвать! Делайте что хотите, и запомните: прежде чем подохнуть, я отправлю вас всех впереди себя!..

Для начала Шнопак позвонил Биркину. Тот не снимал трубку. Тогда Шнопак набрал служебный номер полковника Спицына.

— Кто его спрашивает? — поинтересовался мужской голос — видимо, адъютант.

Шнопак представился по всей форме. Голос в трубке помедлил, потом спросил:

— А вы разве не знаете, что полковник погиб?

— Погиб? Когда?

Шнопак сопоставил полученную информацию с фактами из жизни и сделал вывод, что Спицын с Биркиным погибли вскоре после беседы с ним, когда приняли решение выйти из дела. Значит, слушал их не только Рудаков? Но в таком случае и сам Шнопак находится в опасности.

Шнопак боязливо оглянулся и снова взялся за трубку мобильного. В кабинете генерала Павлова в гарнизоне Боженково ему ответил автоответчик. Шнопак терпеть не мог общаться с автоматами, но сейчас ему было не до эмоций.

Дождавшись установленного сигнала, Шнопок торопливо заговорил:

— Алло, товарищ генерал, это Шнопок. Вагнер распорядился немедленно прекратить операцию! Немедленно! Это вопрос жизни!

При этом он мог только гадать — услышит ли его сообщение хоть кто-нибудь.

Потом он набрал номер приятеля из ФСБ. Тот взял трубку.

— Леша, — попросил его Шнопок, — не в службу, а в дружбу, разыщи мне телефончик Рудакова из внешней разведки. Да, по-моему, он сейчас в какой-то частной фирме трудится.

Бывший резидент сам снял трубку.

— Рудаков слушает. Кто? Шнопок? Ушам своим не верю. И что тебе от меня понадобилось?

— Я хочу вам помочь.

— В чем?

— Предотвратить «Армагеддон».

В телефонном эфире возникла пауза. Рудаков обдумывал услышанное.

— Давай встретимся на нейтральной почве. Скажем, в центре ГУМа у фонтана, — предложил он.

— Там сейчас елка стоит, — поправил его Рудаков.

— Тогда под елкой. Через полчаса устроит?

— Договорились. Жди. — Рудаков положил трубку и стремительно направился в гараж, где стояла их кооперативная «Нива».

В ГУМ он приехал намного раньше назначенного срока, прошел до установленной в центре елки, недовольно покачал головой — маловата! То ли дело раньше! Потом поднялся наверх и осмотрелся.

ГУМ, или «сарай» на жаргоне оперативников, всегда считался раздольем среди профессионалов. Здесь было удобно как следить, так и уходить от слежки. Но только для профессионалов. Для неумелых дилетантов он превращался в ловушку.

Рудаков неторопливо прошелся взад-вперед, присматриваясь к покупателям. Особенно к тем, кто занимал удобные для наблюдения точки. Срисовал бригаду оперов, работающих по карманным ворами. Ничего похожего на серьезную наружку не наблюдалось. Значит, его разговор со Шнопаком не слушали и на явочном месте их не ждали. Но это вовсе не означало, что Шнопок не приведет за собой хвост.

Так оно и получилось. Шнопок шел по второй, средней линии ГУМа со стороны Ильинки. По галерее второго этажа с двух сторон его сопровождали парни в черных куртках. Ориентируясь на них, вне пределов прямой видимости, на приличном отдалении за Шнопаком двигались еще трое парней явно из той же команды. Шнопок на ходу «кусался», «давил косяка», то есть вертел головой в разные стороны, но слежки не замечал.

Рудаков отошел в сторону, чтобы Шнопок, увидев, не «спалил» его, и принялся наблюдать за преследователями Шнопака. Они грамотно расположились по углам верхней площадки, держа объект в поле зрения. Группа захвата внизу спряталась за углом. Между собой неизвестные общались с помощью оперативных раций.

Рудаков думал над тем, как вытащить Шнопака и не попасться самому. Самым простым и доступным выходом было натравить на Шнопака милицию. В

отделении Рудаков нашел бы способ связаться с ним.

Шнопок терпеливо прогуливался под елкой, изредка поглядывая на часы. Рудаков снял трубку справочного телефона и произнес:

— Срочное сообщение для милиции. В центре ГУМа возле елки находится торговец наркотиками с партией товара. Он ожидает сообщника, но тот не придет. Наркаторговец может уйти в любую минуту. Его необходимо задержать.

Он повесил трубку и неторопливой походкой направился на соседнюю линию. Оттуда ему была видна норковая шапка Шнопака и часть его дубленки. Неожиданно шапка слетела у того с головы, а туловище резко наклонилось в сторону и выпало из поля зрения.

«Повязали», — определил Рудаков и двинулся наперерез по параллельной линии, чтобы перехватить Шнопака с сопровождающими до выхода из магазина и в то же время не привлечь внимание наружников в черном.

Когда он вышел на среднюю линию и посмотрел с галереи вниз, то не поверил своим глазам. Ни Шнопака, ни задержавших его милиционеров, ни таинственных преследователей в черных куртках нигде не было.

Рудаков бросился по лестнице вниз. Его внимание привлек невнятный шум, который доносился из подвала. Он спустился еще на один пролет и замер.

Один человек в милицейской форме и трое в штатском слабо шевелились, пытаясь подняться на ноги и относительно громко матерясь при этом. Рудаков догадался, что это и есть местная группа захвата. Парни в черных куртках сработали нагло, но оперативно.

Расталкивая покупателей, Рудаков рванулся к боковому выходу в Ветошный переулок, куда могли заезжать машины. Когда он выбежал из дверей, то увидел, как чуть дальше резко тронулся с места темно-синий микроавтобус «шевроле». Задний номер машины был совершенно залеплен мокрым снегом или его имитацией.

Люди в черном увозили бывшего помощника президента в неизвестном направлении.

Тридцать первое декабря было у Крюкова любимым днем в году. Он всегда мечтал провести его спокойно, с чувством и с толком, никуда не торопясь, в предпраздничном настроении.

Ему претил обычай советских времен посвящать последний день года решению производственных проблем, не решенных за весь прошедший год, прочесывать магазины в поисках шампанского и иных недокупленных к праздничному столу дефицитов или наряжать в последний момент елку.

Он ненавидел манеру прибегать и падать за новогодний стол с последним ударом курантов, с высунутым от усталости и напряжения языком, а потом, первого января, с тупой от ночной пьянки и недосыпа головой не то праздновать, не то опохмеляться.

И, тем не менее, именно такая процедура повторялась ежегодно.

Утром 31 декабря Крюков позвонил по телефону, оставленному отцу Николаю похитителями Ирины.

— Ты Крюков? — спросил неизвестный.

— Да. Что дальше?

— Твоя подруга у нас.

— А вы в курсе, сколько по новому кодексу полагается за похищение? — в свою очередь поинтересовался Крюков. — Могу дать юридическую консультацию. Цена обычная — двести долларов.

— Мы ее не похитили, а спасли. Ее хотели убить.

— Я сразу догадался, что вы из группировки Деда Мороза. И что же вы хотите за свой подвиг? Ордена, медали или арбуз от Ленина?

— Кончай травить. Встретимся через час у метро Боженково. Приезжай один.

На встречу Крюков прикатил на метро, чтобы иметь свободу маневра. Здесь его ждал темно-синий микроавтобус. Он подошел и постучал в дверь. Она открылась. Парень в черной куртке спросил:

— Тебе чего?

— Вы не меня ждете? Я Крюков.

— Садись. — Парень отодвинулся, пропуская его в салон.

Кроме привратника и водителя, внутри был еще один человек, по ширине занимавший все заднее сиденье.

— Давай знакомиться. Я — Бурый, — прогудел он низким басом. — Сейчас ты ответишь на один вопрос, и мы решим, как нам дальше жить. Согласен?

— Это и есть твой вопрос? Ладно, валяй.

— За что ты убил Сармата? — пробасил Бурый.

— А кто такой Сармат? — в недоумении пожал плечами Крюков.

— Вопрос очень серьезный, — не ответил на его вопрос Бурый. — За последнее время убито семеро наших парней. Это слишком много. Мы не знаем, кто и почему их убил. Кроме одного случая. Я имею в виду Сармата.

— Где и когда это случилось?

— Он должен был охранять каких-то свидетелей. Его наняла твоя охранная фирма.

— Понял, дальше можешь не рассказывать. Не убивал я его.

— Кто же его тогда убил?

— Парень, которого он должен был охранять и едва не ухлопал. Это случилось случайно. Кстати, по графику охранять он должен был совсем другого человека.

— Где тот человек? — спросил Бурый.

— Не знаю. Он исчез. Я считаю, ваш Сармат был потрошителем. Мясником. Вернее, одним из них. И вас я считаю ребятами из той же компании.

Бурый покачал головой.

— Нет, мы из другой компании.

— Хочешь сказать, что у тебя нет татуировки — черепа с крылышками на левом плече? И надписи «ОШБОН-КУРГАЙ»? — сделав наивное лицо, спросил Крюков.

Бурый молча задрал рукав майки и показал татуировку.

— Она у меня есть. И череп, и надпись. Но я не потрошитель. И Сармат им не был, я за него ручаюсь.

— А кто был? Если знаешь, то колись, да побыстрее. Новый год скоро.

Бурый тяжело вздохнул:

— Ладно, постараюсь объяснить. Ты в армии служил?

— Приходилось. — Крюков поежился. — Не скажу, что получил удовольствие, близкое к оргазму. У меня на кирзу аллергия. А тебе, вижу, служба медом показалась. Так?

— Именно. Боевое братство — для меня это не пустой звук.

— Если бы только для тебя одного, — заметил Крюков. — А то вас таких братьев-героев полстраны, если не больше. И всем жрать давай. А ты работать не пробовал?

— Я ведь могу и не рассказывать, — обиделся Бурый. — Разбежимся, будто и не двоюродные.

— Ладно, извини, проехали. Как я понял, служили вы в крутых супервойсках, круче вас — только яйца под майонезом. И поскольку никто не знал, что с вами, такими крутыми, делать, то из армии вас поперли.

— Угадал, — невесело усмехнулся Бурый. — И если раньше отсея у нас был только туда, — он указал глазами вверх, на небо, — то после увольнения ребят повело. Служба была, сам понимаешь, не простая и не легкая. Не все выдержали, у многих резьбу сорвало. Кто спился, кто на иглу подсел, а у кого и крыша поехала. Само собой, когда у парня с такими навыками едет крыша, это чревата многими неприятностями. После увольнения те, кто не выдержали и опустили, были предоставлены сами себе. Их вроде как списали по акту. Сдается мне, что твой Мясник сам из них и группу сколотил из таких же ребят. А теперь подставляет их вместо себя. Я проверил. Все, кого ты убил, оказались из числа отбракованных. Все, кроме Сармата.

— Но тогда выходит, что Мясник тоже кто-то из ваших, и ты его должен знать, — заявил Крюков.

— Да. Думаю, и ты его должен знать. Чувствую, что крутится он где-то рядом. Был у нас командир — Волкодав. Убили. После него командиром стал Риф. Рудаков Иона Федорович. Ты его должен знать.

— Кого? — Крюков от такой новости чуть не выпал в осадок. — Иону? Благодетеля? Еще бы! Значит, вот откуда у него ноги растут! То-то я чувствую — воняет. Вот, значит, почему старик Рудаков водку трескал и Тарасом Бульбой

себя называл! Ну, от греха сыноубийства я его постараюсь избавить. Сам Ионе-Иуде глотку перережу!

— По моим прикидкам, Мясник Волкодава убил. А самое главное, что знаю его не только я, но и ты. Вот и прикинь. — Бурый выставил перед носом Крюкова палец чудовищных размеров. — В этом деле ты крайний. Тебе нужен Мясник, мне — тот, кто убивает моих ребят. То есть он же.

— А Ирина?

— Она пока побудет у нас. Для нее так будет безопаснее, а для тебя — мягкий ошейник. Мне нужны гарантии, что ты не играешь против меня и не работаешь на Мясника.

— Сначала я должен поговорить с Ириной и убедиться, что с ней все в порядке.

— Пожалуйста, — развел руками Бурый. — Дать телефон?

— У меня свой есть. Просто скажи номер.

Крюков набрал номер и долго слушал длинные сигналы.

— У тебя в лавке обед когда бывает? — спросил он Бурого. — Не подходит никто.

Бурый резко повернулся к шоферу:

— Гони на базу в темпе!

База Бурого располагалась за Московской кольцевой автодорогой неподалеку от бывшего дворца Касьяна в старом деревянном доме. Когда Крюков и Бурый добрались до него, то обнаружили полный разгром. Возле входа неподвижно лежали двое бойцов Бурого. Оба были убиты несколькими ударами ножа.

Бурый, окаменев, застыл возле дверей. Крюков не смог скрыть ярости:

— Вы, блин, спецы-диверсанты, мастера по части поднасрать! Если нужно кого-то убить или похитить, тут вам нет равных. Но для чего-нибудь путного вы абсолютно непригодны! Сторож из гастронома даст вам в этом деле сто очков вперед. Запомни — людей охранять — это не Амина во сне резать!

— Ладно, проехали. — Бурый кусал губы, так как понимал, что кругом виноват сам. — Давай думать, что дальше делать будем. Надо...

— Ничего не надо, — перебил его Крюков. — Вы будете ждать моего звонка. И никакой инициативы, в том числе и разумной. Иначе обещаю тебе и твоим ребятам лет по двадцать кичи крытого режима. Если будешь себя хорошо вести, скажу, кто убил твоего Собаколова.

— Волкодава, — буркнул в ответ Бурый.

— Тем более. Когда мне понадобится помощь, чтобы высадить дверь или перебросить машину кирпичей, я непременно к тебе обращусь. А пока будь другом — не мешай. Сохрани Бог от таких помощников, а с врагами я и сам справлюсь.

Но оттого, что он наговорил Бурому гадостей, легче почему-то не стало.

Получив и тщательно взвесив товар, Мясник проводил Мерфи в кабинет генерала Павлова.

— Пошли, рассчитаемся.

Мерфи допускал, что в качестве расплаты может получить пулю или нож в спину. Но Мясник бросил на стол пакет с пачками долларов:

— Пересчитай!

— Порядок. — Проверив деньги, Мерфи повернулся к Мяснику. — Я могу ехать?

— Поживешь пока с ребятами в казарме, — распорядился Мясник, встал и открыл дверь в коридор. — Эй, орлы, устройте «сникерса» в казарме на пару дней.

Эту пару дней Мерфи пил, смотрел видак в прокуренной казарме и бесцельно околачивался по территории военного городка. На охраняемую площадку его не пускали.

В первый же вечер свободные от смены охранники собрались в каптерке, чтобы уколоться краденным у своего же босса героином. Похищенное восполнялось мелом. К Мерфи, который торчал возле телевизора, подошел парень со стеклянным взглядом.

— Эй, «сникерс», двинешься с нами на брудершафт?

— Я кроме водки ничего, проверенный товарищ! — сверкнул зубами Мерфи.

— Проверенный? — недобро прищурился боец. — Запомни, черняга, если стукнешь шефу, что мы тут герыч бодяжим, от тебя в натуре ничего не останется. А кто не в доле, тот потенциальный стукач!

— Я через границы часто езжу, мне вены портить нельзя, — покачал головой Мерфи. — Лучше я покурю свою травку.

Парень посмотрел на свои руки, от кисти до локтя сплошь усыпанные «дорогами» — точками от уколов, смутился, пробормотал:

— И где только так по-русски чесать насобачился?

И отошел в сторону.

На следующий день Мерфи встретил его в карауле. Тот накручивал километры между складами и самой дальней казармой, где, как понял Мерфи, никто не жил. Они кивнули друг другу как старые знакомые.

— Сушит, — пожаловался часовой. — Сейчас бы вмазаться. Не хочешь сходить? Тут рядом.

— А таблеток у вас нет? — поинтересовался Мерфи.

— Аптеку жрешь? — презрительно усмехнулся новый друг. — Вроде у ребят тарен где-то завалился. В комплекте защиты от радиации.

Вместе с часовым, закинувшим автомат на плечо, как мотыгу, Мерфи прошел к отдаленной казарме, не обращая внимания на грозную табличку: «Стой! Запретная зона!». В казарме никого не было. Часовой проводил Мерфи в каптерку. Здесь он открыл шкаф, достал «дежурный чемодан» и полез за инструментом.

Пока часовой отсыпал дозу в ложку, доливал водой из бутылки и кипятил раствор на зажигалке, Мерфи оглядел помещение и заметил, что пол в каптерке усыпан «гаражами» — обертками от шприцев и самими использованными шприцами.

— Залезь на верхнюю полку, там то, что тебе надо, — велел часовой.

Мерфи открыл шкаф и на указанной полке нашел упаковку оранжевых таблеток. Он сделал вид, что открывает их.

— Чем запить? — спросил он.

— А ты что, уже?

Часовой был целиком поглощен своей процедурой и не обращал на негра никакого внимания. — погоди, кинь и мне планку.

Мерфи протянул ему упаковку из десяти таблеток. Парень отправил их в рот и запил водкой из бутылки, которую достал из стола.

— На, догонись. — Он протянул бутылку американцу. — Тяга ломовая, трое суток потом ничего не надо.

Он откинулся на пружинную койку и поплыл. Автомат его валялся на полу. Мерфи подумал, что мог бы спокойно перестрелять сейчас всю банду, но у него была другая задача.

Он осторожно вышел из каптерки и пошел по гулким плиткам коридора. Грязь и пыль говорили о том, что помещением давно не пользовались. Но оказалось, это не так. Когда Мерфи поравнялся с зарешеченной дверью ружпарка, изнутри донесся слабый хриплый голос:

— Помогите!

Мерфи заглянул за прутья решетки. Внутри комнаты не было ни пирамид с оружием, ни столов для чистки и смазки. Стены и потолок носили следы незавершенного ремонта.

На полу сидел человек, прикованный за ногу к батарее парового отопления. Рядом с ним, также прикованный, лежал другой, без признаков жизни.

— Кто вы? — спросил Мерфи.

— Я помощник президента Шнопак, — еле слышно сообщил пленник. — Помогите мне выйти отсюда.

— У меня нет ключей, — сказал Мерфи. — Но я могу сообщить о вас в милицию.

— Да, сообщите! Меня похитили! Скажите им, где я. И обязательно передайте, что «Юнител» надо срочно разрушить. Нужно разбить «Апекс», запомните это! Разбить «Апекс»!

— Может быть, позвонить в ФСБ? — спросил Мерфи.

— Нет, ни в коем случае! — испугался Шнопак. — Этот человек, — он указал на неподвижно лежащее тело, — был сотрудником ФСБ. Он работал на полковника Тюрина. Они его убили. Они и меня убьют, если вы не сообщите!

— Скажите, а здесь не было девушки? Ее тоже похитили эти люди. Ее сюда не приводили? — снова спросил Мерфи.

— Девушки? — раздраженно переспросил Шнопак. — Не было тут никаких девушек. Идите же быстрее, иначе меня убьют.

— О'кей, — сказал Мерфи и направился к выходу.

Внезапно с улицы донесся шум. К казарме подъехала машина. По ступенькам затопали тяжелые берцы. Мерфи успел заметить приоткрытую дверь канцелярии и нырнул туда. Дверь до конца он не закрыл и смог наблюдать через щель за происходящим.

В коридоре казармы появились люди. Впереди шел Мясник. Он не скрывал своего недовольства.

— Бардак, мать вашу! Где часовой? Опять, поди, наширялся! Если найду суку, убью собственной рукой!

За ним трое бойцов в черной униформе ввели девушку. Несмотря на то, что лицо девушки было закрыто повязкой, Мерфи узнал ее — это была Ирина.

— Вот он, сука, тащится! — Мясник стоял возле открытой двери каптерки.

Звук выстрела подсказал американцу, что Мясник слов на ветер не бросает.

— Куда бабу девать? — спросил Мясника один из бойцов. — Может, тоже в ружпарк закроем?

— К этим? Ни в коем случае! Они уже покойники! — распорядился Мясник. — За нее вы трое мне головой отвечаете. Если что случится или она на вас пожалуется — расстреляю на месте как эту мразь. Уберите его, а ее закройте пока в канцелярии.

Мерфи не сразу понял, что Ирину ведут именно туда, где он прятался.

33

По предпраздничным улицам Крюков добрался до офиса своего кооператива. Там он нашел унылого Рудакова-старшего. На сей раз тот был абсолютно трезв.

— У нас еще что-то случилось? — поинтересовался Крюков.

— Да, случилось. Но сначала я должен тебе кое-что рассказать, — признался Рудаков.

— Если вы о сыне, то не стоит. Я уже в курсе. Приношу свои соболезнования. Лучше иметь дочь-проститутку, чем такого... Так что там стряслось?

— Со мной на связь вышел Шнопак, — начал Рудаков уже несколько бодрее. — Шнопак — помощник президента и одновременно порученец Вагнера. Конечно, он у него всего лишь шестерка, но знает немало. Он сказал, что Вагнер угодил в реанимацию и хочет отменить операцию «Армагеддон».

— Бойтся, что вырубятся компьютеры и его дражайший босс Вагнер склеит ласты? — усмехнулся Крюков. — Ну и на здоровье. Пусть отменяет.

— Здесь начинается самое интересное, — продолжил Рудаков. — Шнопак мог позвонить нам только в одном случае — если в их механизме управления операцией произошел серьезный сбой и он не может отменить команду.

— Бунт исполнителя? Очень может быть, — согласился Крюков.

— Да, исполнителя, причем непростого, — подтвердил Рудаков. — Мы договорились встретиться со Шнопаком, но перед самой встречей он был похищен в центре ГУМа самым циничным образом. При этом похитители вырубали наряд милиции.

— И кто же это у нас такой крутой? Как думаете?

— Иона? — то ли спросил, то ли ответил Рудаков.

— Или Мясник, — добавил Крюков. — Если это не одно и то же.

Он набрал номер телефона Бурого:

— Ты со своими ребятами хотел поработать, — напомнил ему Крюков. — Так вот, мне нужен Риф. И желательно живой.

Крюков ехал к Семену. Тот позвонил ему и попросил немедленно приехать.

— Мария нашла нечто интересное, — сообщил банкир.

Мария всю ночь просидела за компьютером, изучая медицинские карты сотрудников и халявщиков, прикомандированных к санчасти «Ипсилон». Она искала человека с четвертой группой крови и отрицательным резус-фактором.

— Мария нашла Мясника, — начал Зелинский. — Все сходится: четвертая группа крови, резус-фактор отрицательный и самое главное — он болен СПИ-Дом.

— Что?! — Крюков не был удивлен, он был как громом поражен. — И кто же это?

— Генерал Павлов.

— Не может быть! — Крюков опустился на диван. — Дай водички.

— Почему же не может быть? — Семен налил ему минералки в высокий стакан и бросил кубик льда. — Информация секретная, закодированная лично Галиной. Здесь все точно. А чем тебе кандидат не нравится? Генерал у нас мужик сравнительно молодой, спортивный, подтянутый. Сорок с копейками для такого мужика не возраст. ОШБОН, боевые навыки — полное совпадение. Чем не Мясник? И к «Фейерверку» имеет самое непосредственное отношение.

— Значит, он собрался сам подохнуть и нас с собой на тот свет утащить? — предположил Крюков. — Шикарные поминки.

— Сам видишь, все просто, — сказал Семен.

— Слишком уж все просто.

— Ты сам говорил — не усложняй, — напомнил ему банкир.

— Ну допустим. А где Мария?

— Поехала в больницу к генералу. Надо все перепроверить, сделать дополнительные анализы.

— Вот именно, перепроверить, — пробормотал Крюков.

— Прекрати, зануда, — пристыдил его Зелинский. — Мясник найден. Теперь надо думать, как обезвредить его затею с «Фейерверком». Что же это за страна такая?! Вкалывали, строили! И чего добились? Того, что любой ополумевший идиот с большими звездами на погонах может запросто по собственному желанию устроить конец света. А приличную стиральную машину сделать не в состоянии!

— Я о другом думаю, — прервал его оличительную речь Крюков. — То, что он самоубийца, с этим более-менее понятно. Но зачем Антону или кому-то из его друзей понадобилось претворять его бредовые идеи в жизнь?

— Он мог использовать их втемную. Не согласен?

Крюков покачал головой.

— Для этого генерал должен сам разбираться в компьютерах на уровне хакера.

— А ты это исключаяешь? — спросил Семен.

Ответить Крюкову помешал телефонный зуммер. Звонила Мария.

— Приезжай немедленно, — попросила она. — Я ничего не понимаю.

— Уже еду, — отозвался Крюков. — Сеня, если доживем до Нового года, обязательно увидимся!

И бегом бросился к выходу.

Когда он отъезжал от черной стеклянной башни «Ипсилона», то заметил, как из боковой двери, с той стороны, где располагался офис охранного предприятия «РИФ», отъехал темно-синий микроавтобус. Крюков прибавил газу и перегородил ему выезд.

Дверца водителя микроавтобуса открылась, и из машины показался разъяренный Риф собственной персоной. Он же Иона Рудаков, вице-президент ассоциации охранных агентств и так далее...

Крюков дождался, пока Иона приблизился, и для начала двинул его бронированной дверцей «рябухи». Тот отлетел на пару метров. Дверца не пострадала.

Крюков вылез из машины. Иона ошалело крутил головой, сидя на асфальте. Крюков подскочил к нему и приподнял за ворот дубленки. Иона рванулся. Послышался треск, и в руке Крюкова остался кусок хорошо выделанной овчи-

ны. В тот же момент нога вице-президента распрямилась, и Крюков едва успел уклониться от удара.

— Не вставай, — предупредил Крюков. — Так нам будет удобнее перетереть проблему.

— Ты взбесился? Я так простужусь, — пожаловался Иона, как только к нему вернулся дар речи. — К тому же ты мне печень отбил.

— Пресс качай, а то грыжу заработаешь, — посоветовал Крюков. — Где Ирина?

— Как где? Не понял. Ты что, серьезно? — На лице Ионы было написано неподдельное изумление. — Что с ней?

— Хочешь сказать, что ее похитили без твоего ведома?

— Похитили?

— А перед этим пытались убить.

— Впервые слышу. Может быть, ты все-таки разрешишь мне встать?

— Хрен с тобой, поднимайся. — Крюков выщелкнул магазин и патрон из патронника и бросил его Ионе. — Может быть, скажешь, что и Бурого не знаешь, и к торговле наркотой отношения не имеешь?

Иона выглядел совершенно растерянным и поникшим. Он обессиленно присел на капот крюковской «рябухи».

— Наркотиками торговал не я, но я связан с этими людьми.

— Кто они?

— Не могу сказать. Тебе не понять, что такое...

— Боевое братство? — перебил его Крюков. — Заколебали вы меня своим боевым братством! Короче, Ирина, судя по всему, сейчас находится в руках твоих наркоторговцев. И мы с тобой сейчас туда поедем.

— Нет, не надо. Я сам! — попросил Иона. — Я сам привезу ее. Поверь, я не знал, что ее захватили. Этот человек...

— Кто «этот человек»? Имей в виду, пока я своими глазами не увижу «этого человека» или не услышу его имени, я буду считать Мясликом тебя! Кто он?

— Сейчас не могу сказать. Но он зависит от меня вместе со своей группой.

— Каким образом? Колись, микрофона у меня нет, свидетелей тоже, — раздраженно бросил Крюков.

— «Юнител» во многом создавался на деньги наркомафии, — начал свое признание Иона. — Анонимная проводка денег, закодированная информация — все это очень удобно. Поэтому мне удалось вставить в цепочку доставки и распространения наркотиков своих людей.

— А твои люди и партнеры знают, что вы с Вагнером собрались их кинуть в эту новогоднюю ночь?

Иона снова застыл с открытым ртом, хотя сейчас его по печени никто не бил.

— Только не убивай меня как опасного свидетеля, пока не дослушаешь до конца, — предупредил Крюков. — Так вот, есть одна вещь, о которой не знаешь ни ты, ни твой босс Вагнер. Вместо финансового светопредставления, в соответствии с которым вы должны были скачать себе все деньги мира, наступит настоящее, потому что кое-кто внес в программу небольшую поправку. Операция «Фейерверк» с пуском стратегических ракет из отвлекающего маневра превратится в основной. С непредсказуемыми последствиями. Может быть, даже с необратимыми.

— Но почему? Кому и зачем это понадобилось?

— Генерал Павлов болен СПИДом, — пояснил Крюков. — Поэтому он рассудил, что раз ему все равно помирать, то веселее будет сделать это в компании со всем остальным человечеством. Так что ракеты взлетят всерьез.

— Но это невозможно! Без красной кнопки в президентском чемодане...

— Мы живем в эпоху компьютеров, — напомнил ему Крюков. — А что одним человеком создано, другой всегда сломать может. Ты очень поможешь, если сообщишь мне коды доступа в программу «Армагеддон».

— Я их не знаю, но постараюсь узнать. Жди меня в вашем офисе с Ириной и кодами.

Крюков пожал плечами, дескать, ищи дурака. Но сделал вид, что поверил Ионе, и послушно пошел садиться за руль. В любом случае упускать из виду вице-президента он не собирался. Иона быстрым шагом бросился к своему микроавтобусу.

«Рябуха» не заводилась. Тем временем микроавтобус тронулся с места, но не вперед, а назад, и скрылся за металлическими воротами стоянки «Ипсилона». Пока Крюков открывал капот, пока замыкал огарком отвертки клеммы стартера, прошло минуты полторы-две. За это время Иона успел выехать на параллельную улицу через другие ворота. К тому времени, когда Крюков, объехав квартал, добрался туда, темно-синего микроавтобуса и след простыл.

34

Когда охранники завели Ирину в канцелярию, то были озадачены видом валявшегося на полу негра.

— А этот каким макарон здесь оказался?

Шеф подошел к двери и глянул.

— Блин, его только не хватало! Уберите его отсюда быстро.

Один из охранников полез за пистолетом.

— Я сказал уберите, а не убейте! — заорал на него шеф. — Эта обезьяна мне еще понадобится. Отнесите его куда-нибудь, пусть как следует продуплится.

Шеф хлопнул дверью и ушел. Бойцы попробовали приподнять большое черное тело.

— Блин, в этом кабане больше сотни кэгэ будет! Я не подписывался черномазых таскать. От него еще и водярой воняет. А если он нас облюет, пока мы его переть будем?

— Ну его на хер, пусть валяется, — согласился его напарник.

— А девку куда сунем?

— Пусть с ним посидит. Если он на пару с Лешим уколосся, да еще водярой догнался, то не скоро пробалдеет.

Они затолкали Ирину в кабинет к бесчувственному негру, проверили запоры на зарешеченных окнах и вышли в коридор. Через минуту до Ирины донесся терпкий специфический запах анаши.

Она села на единственный стул и посмотрела на неподвижно лежавшего Мерфи. Тот открыл один глаз и подмигнул ей. Ирина едва не вскрикнула от радости.

«Пятнадцатилетний капитан-два», — подумала она. — Пришел великий Мганга».

Мерфи приподнялся и сел.

— Надо уходить, — тихо сказал он и легко вскочил на ноги.

— Ты узнал коды? — шепотом спросила Ирина.

— Нет, но я узнал, что через компьютер с центрального пульта управления можно войти в систему управления «Юнителом». Но для того, чтобы попасть на пульт, придется устроить небольшую войну.

— У тебя есть другие предложения?

— Попробуем пройти туда тихо. Может быть, получится без войны?

— Ты знаешь, где вход на пульт управления?

Мерфи не успел ответить. Снова хлопнула дверь, и в казарме послышались раздраженные голоса. Ирина узнала голос Ионы.

— Другой голос мне тоже знаком. Неужели?..

Она не договорила, потому что услышала свое имя. Собеседники уже не спорили, а открыто орали друг на друга.

— Кто это? — спросила Ирина.

Мерфи осторожно выглянул в дверную щель.

— Шеф местных наркоторговцев, — объяснил он.

— Мне надоело покрывать тебя! — кричал на шефа наркоторговцев Иона. — Ты Мясник! Из-за твоих закидонов может накрыться все дело! Маньяк! Сумасшедший!

Шеф наркоторговцев в ответ на упреки своего командира только весело оскалился:

— Я сумасшедший? Нет, это вы все сумасшедшие! Почему же ты раньше молчал, если знал, что я Мясник? Тогда я тебя устраивал? А когда после тенниса в раздевалке уговаривал меня занять место Бурого? Может быть, ты забыл, что я для тебя сделал? А ведь это я расчистил тебе путь. Я убрал Касьяна и многих других. Я, наконец, убил Волкодава...

— Ты убил его, потому что он узнал о твоих связях с наркомафией!..

— А ты этими связями воспользовался! — перебил Иону Мясник. — Так кто из нас хуже? Но я, в отличие от тебя и твоих жирных боссов, не скрываю, что я в говне, и не делаю вид, что на мне белый смокинг. И вот теперь ты приходишь сюда и требуешь. А, собственно, чего ты от меня хочешь?

— Отпусти Ирину и останови «Армагеддон», — потребовал Иона. — Тем более, что это в наших общих интересах.

— О чем ты? Какую Ирину? Ее похитил твой друг Бурый, которого я тоже убрал для тебя, а ты даже добить не сумел. Я здесь абсолютно ни при чем. Теперь вообще, что бы ни случилось, все валят на Мясника. И к «Армагеддону» я не имею никакого отношения. Твой другой кореш и бывший босс генерал Павлов решил утащить с собой в могилу весь мир! Чего же ты хочешь от меня?

— Откуда ты об этом знаешь?

— Он сам мне как-то по пьянке сболтнул.

— Но, если не остановить «Армагеддон», ты тоже можешь погибнуть.

— А ты уверен, что это не самый лучший выход из нашего дерьмового существования?

— Ты в натуре сумасшедший! — догадался Иона.

— Может, и так. Но у меня имеется приказ генерала Павлова о проведении операции «Армагеддон», и я его выполню! Ты, Риф, не самый главный!

— Но Вагнер...

— Не знаю я никакого Вагнера. Мне твои фашисты не указ.

Иона понял, что Мясник просто издевается над ним. Он выхватил пистолет, но Мясник опередил его. Они стояли слишком близко друг к другу, почти рядом. Удар ножа наискось рассек гортань директора охранного предприятия «РИФ» и перебил шейные позвонки.

— И запомни — я не сумасшедший! — прорычал Мясник, словно мертвый Риф мог его слышать.

Мясник попытался пинками разбудить охранников, но, судя по суженным зрачкам и стеклянному взгляду, обоим было не до него. Мясник хотел было разделаться и с ними, но только зло сплюнул.

Дверь на улицу распахнулась, и на пороге возник охранник:

— Шеф, — обратился он к Мяснику. — Мария, врачиха, с самого утра отправилась в больницу к генералу. Наш человек из больницы доложил: она только что кому-то звонила. Похоже, что-то надыбалла. Может, убрать ее?

— Ты лучше эту падаль убери. — Мясник ткнул ногой труп мертвого командира. — Потом вернешься и будешь сторожить бабу в канцелярии. А с Марией я сам разберусь.

Крюков доехал до больницы, где лежал генерал Павлов. Мария встретила его в вестибюле и отвела в сторону. Они остановились возле окна больничного коридора у большой наряженной елки. За окном тихо шел снег. По улице торопливо двигались люди с последними новогодними покупками.

— Повтори, что ты сказала, — попросил Крюков.

Он был ошарашен и не вполне адекватно воспринимал окружающее.

— Слушай еще раз, — с некоторым недоумением произнесла Мария. — У генерала Павлова нет никакого СПИДа. Его кровь в норме. Повторить еще раз?

— Нет, спасибо. Пока хватит. — Крюков обескураженно помотал головой. — Ты что-нибудь понимаешь?

Мария пожала плечами:

— Единственное, что я могу предположить, это умышленный обман. Кто-то морочил генералу голову с этими анализами, а тот поверил. Но почему генерал не мог перепроверить результаты анализов?

— Смеешься? В его-то роли спасителя отечества? Он же себя не в генеральные прокуроры, а в президенты готовил. Это все равно, что архиепископу зайти в венерологический диспансер и провериться на триппер. Значит, подставил его тот, кому он абсолютно доверял. Возможно, и кровь принадлежала именно ему, этому помощнику. Знаешь, я почти уверен, что Галина была убита только с единственной целью — скрыть подмену анализов. Откуда они взялись в вашей лаборатории?

— Их привозил Антон.

— И ты его видела и сможешь опознать?

— Разумеется, — удивилась Мария. — А что?

— Странно, что ты еще жива, — ответил Крюков.

В этот момент затрещал зуммер крюковского мобильного. Звонил Мерфи.

— Где ты? — загорелся Крюков. — Записываю! Так. И Ирина с тобой? И Шнопак там? Мертвый? Плохо. И парень Тюрина убит? Еще хуже. А Антона не видел? Нет? Так, значит, всех делов — захватить центральный пульт управления стратегическими ракетами? Проще простого, сейчас обменные пункты лучше охраняются. Все, вылетаю, жди!

— Слушай внимательно, — обратился Крюков к Марии. — Я сейчас еду за Ириной в одно нехорошее место. Там уже убили Питера и Шнопака. Теперь Антона можешь опознать только ты. Поэтому скажи, куда тебя отвезти. Во всяком случае, до завтра тебе нужно побыть в безопасном месте.

— Не надо меня никуда отвозить, — ответила Мария. — Я останусь здесь. Я тут когда-то работала и всех знаю. Тут и охрана есть. Встречу Новый год с дежурной сменой.

— Хорошо, — согласился Крюков. — Если управимся раньше, я за тобой заеду. Ты говорила, что анализы вам в лабораторию Антон привозил? На всякий случай запомни — если вдруг увидишь Антона, прячься и звони мне на мобильник. Вот номер.

Не успел Крюков отъехать, как к больнице подкатила синяя «копейка» с проржавевшими крыльями. Из машины вышел Антон и огляделся. Он сверился с планом больницы и направился к корпусу, из которого недавно вышел Крюков.

Крюков уже начал беспокоиться за материальное благополучие тех, на кого был абонирован его пиратский телефон-двойник. В последнее время он разговаривал по нему очень много. Может быть, стоило включить в его обеспечение еще сотню абонентов? Вот и сейчас он снова жал кнопки мобильного:

— Алле, Бурый? Подъем! Тревога! Бери всех своих людей, встречаемся возле парка Боженowo на старом месте.

— Характер работы? — Бурый был немногословен и спрашивал только самое необходимое.

— Готовься штурмовать Кремль. Если дело окажется проще, ты будешь приятно удивлен.

— А мой интерес?

— Если будешь себя хорошо вести, я тебя познакомлю с убийцей Волкодава и тем, кто в тебя стрелял. Кроме того, ты будешь спасать себя заодно с остальным миром. Тебе этого достаточно? Или ты непременно хочешь получить Рублевское шоссе с переулками на поток и разграбление на три дня?

— Кто убийца? — прорычал Бурый.

— Честно? Пока не знаю. Но зуб даю — ты найдешь его возле центрального пульта управления. А точнее, он сам тебя там найдет.

— Ладно, договорились. Когда встречаемся?

Крюков посмотрел на часы:

— Не позднее, чем через час, а то мне еще елку наряжать. И постарайтесь не светиться со своей тяжелой артиллерией.

Не через час, но все-таки они собрались. Люди Бурого подъехали на двух микроавтобусах. Крюков молча оценил экипировку бойцов. Все они были облачены в хорошо знакомые Крюкову черные комбинезоны и мощные бронежилеты.

— Ну что, начнем? — спросил Бурый.

— Только побыстрее. Спустя полчаса после первого выстрела нас окружают силами всего Московского округа.

Бойцы Бурого рассредоточились и по одному скрылись в овраге. Их черная форма хорошо маскировала их на фоне черных древесных стволов и проталин. Бурый махнул Крюкову рукой:

— Вон тот большой курган за оврагом и есть центральный пульт управления. Если останемся в живых, встретимся там. Об одном тебя прошу — если меня убьют, не упusti того, кто замочил Волкодава.

— Хоп. — Крюков хлопнул его по руке. — Заметано. Я иду за вами, только сначала на ту сторону наведуясь.

— Не спеши особенно, воевать — это не твоя работа, — хлопнул его в ответ по плечу Бурый и отправился догонять своих бойцов.

Крюков, проваливаясь по колено в глубокие сугробы, перебрался через неширокую лощину. Здесь на лесной дороге он окончательно разглядел заинтересовавший его объект. Это были «Жигули» первой модели синего цвета с сильно проржавевшим корпусом. Та самая машина из автохозяйства Семенова банка, на которой часто ездил Антон.

Машина была пуста. Крюков нагнулся и постарался рассмотреть цепочки следов, которые вели от машины в глубь леса. Цепочек было две. От дверцы водителя шли следы мужчины, от пассажирской дверцы — следы женщины. Крюков прикинул на глаз генеральное направление. Следы вели к центральному пульту.

С той стороны уже слышались тихие хлопки. Словно кто-то, не дождавшись новогодней ночи, уже принялся открывать шампанское. Крюков потихоньку двинулся в ту сторону.

Он осторожно спустился в овраг и увидел первый труп. Судя по амуниции, это был один из шизанутых бойцов Мясника. Дальше ему попало еще несколько тел, среди убитых были и бойцы Бурого. Крюков убедился, что раненых среди них не было — то ли их унесли, то ли добили. Во всяком случае, он заметил — сражение велось с необычайным ожесточением.

Так по цепочке трупов он все ближе подбирался к своей цели. Наконец негромкие хлопки автоматов совершенно затихли. Пройдя еще с десяток метров, за высоким сугробом Крюков увидел Бурого. Тот был еще жив.

— Он ушел туда. — Бурый слабо махнул рукой в направлении поста. — Моих всех положил, но его тоже... Он один...

Бурый слабеющей рукой сунул Крюкову свой «стечкин» с глушителем. Крюков принял оружие и спросил:

— Ты его хотя бы задел?

Бурый с трудом покачал головой:

— Нет, не успел... А жаль...

И обвис на руках Крюкова.

Крюков проверил магазин пистолета. Там оставался еще с десяток патронов. Он чуть ли не бегом двинулся дальше, как вдруг услышал сбоку шорох. Он мгновенно развернулся и едва не выстрелил.

К своему удивлению, он увидел перед собой сидящего на снегу Питера. Тот привалился спиной к стволу дерева, сжимая ногу. На его бедре темнело большое пятно крови.

— Ты живой? — удивился Крюков.

— А ты мне венчик на могилу принес? Спасибо, но пока рановато, — через силу улыбнулся Питер. — Как говорится, слухи о моей смерти немного преувеличены. Правда, в балет Большого меня, боюсь, теперь не примут. Мне еще повезло, что бедренную артерию не зацепило. Через нее вся кровь из тела выхлестывается за сорок пять секунд. Не успеешь остановить.

— Кто тебя?

— Антон. Осторожно, он вооружен!

— Куда он потом пошел?

— На пульт. С ним Мария. Он может ее убить!

— Странно, что он ее до сих пор не убил. Тебе помочь?

— Нет, сам справлюсь. У тебя лишнего ствола нет? Или хотя бы патронов? А то мой боезапас кончился. Так, на всякий случай.

— Держи. — Крюков протянул ему пистолет Бурого. — Я скоро.

Наружные двери центрального пульта управления были распахнуты. Крюков прошел по коридору и остановился перед шахтой. Где-то здесь его ждал Мясник.

Крюков загнал в патронник обреза любезно подаренный Спицыным пулевой патрон. Вниз вел крутой металлический трап. Крюков по-морскому скользнул вниз по перилам. Внизу он увидел странную, размером с двойное купе поезда, комнату, сплошь уставленную приборами. Это и был резервный центральный пульт управления ракетами. В тесноте за компьютером сидели Антон и Мария. Рядом лежал пистолет.

— Отсюда мы спокойно сможем войти в систему, не зная кода и пароля, — говорил Марии Антон.

Шум на лестнице заставил его обернуться. Он схватил пистолет, направил его в сторону входа и выстрелил. Крюков пригнулся, но это было лишним. Пуля Антона ушла гораздо выше. Следующего выстрела не получилось, раздался лишь щелчок, показавший, что патроны кончились. Антон выругался, бросил пистолет и схватился за большой нож с зубчатым обухом.

Крюков посмотрел вверх, в ту сторону, куда стрелял Антон. По лестнице, быстро и ловко перебирая ногами, спускался Питер. Здоровый и веселый, с пистолетом, подаренным ему Крюковым.

— Вот и все, больше нам никто не помешает, — сказал Питер, спустившись на пол и помахая пистолетом. — Там, наверху, остались одни покойники. Что, Крюков? Извини, не знаю, как тебя по имени. Ты мечтал найти Мясника? Тебе повезло. Я — Мясник. Только не говори, что ты знал это с самого начала.

— Не знал, но предполагал найти тебя сегодня именно здесь, — признался Крюков, чем изрядно испортил Мяснику настроение. — А вообще-то я тебя давно подозревал.

Питер нервно рассмеялся:

— Теперь самое время всем собраться и послушать умного сыщика. Ну да-

вай, рассказывай, а я поправлю, если будешь сильно врать.

— Все довольно просто, — начал Крюков. — После тяжелой службы в ОШБОНе и мытарств, связанных с увольнением, ты подсел на иглу. Ты убил вашего бывшего командира Волкодава и помог Ионе, то есть Рифу, стать главным. За это он помогал тебе в торговле наркотой. Ты присадил на иглу и своих ребят из ОШБОНа и использовал их в качестве ложных Мясников.

— А при чем же здесь вообще Мясник? — деланно удивился Питер.

— Когда ты обнаружил, что заразился СПИДом, то решил отомстить всему человечеству. Сначала ты бегал со шприцем по рынкам и магазинам и колол всех своей порченной кровью. Но когда узнал об особенностях проекта «Армагеддон», то решил насрать по-крупному. Для этого тебе нужно было влезть в «Фейерверк» и вместо фиктивного пуска ракет устроить настоящий. Самому тебе было с этим не справиться, и ты сделал просто — подписал в крайние генерала Павлова, подсунув ему свои анализы.

— Жалко, что ты такой умный, а помрешь таким молодым. Мог бы карьеру сделать, — покачал головой Мясник. — Пока все излагаешь правильно. Дуй дальше.

— В Боженовском парке ты убил настоящего Питера. Ситуация знакомая. В советских детективах кулацкие сынки всегда убивали комсомольцев, а шпионы — героев-пограничников, чтобы под их именем втираться в доверие, взрывать заводы и отравлять колодцы. Бонза, толковый хакер, ишачил на тебя и немножко на себя. Он знал очень много, и ты не мог его не убить.

— Он и меня замочил бы, если бы я не свалил, — вставил Антон.

— Потом ты набросал мне на уши лапши, выдав себя за агента из группы Тюрина, — продолжал Крюков рассказывать Мяснику-Питеру его историю. — А им был Никсон. Его ты убил позднее. Как и самого Тюрина. Галину ты убрал, чтобы случайно не всплыла подмена анализов. К этому моменту генерал Павлов крепко сидел у тебя на крючке. А людей в парке продолжал убивать от скотства своей натуры и для того, чтобы никто не понял причины убийства настоящего Питера. И ребят своих обколотых мне вместо себя всю дорогу подставлял.

— Да, вовремя этот придурок из Питера приехал, — согласился Мясник. — А признайся, Крюк, ты поди думал, что я бессмертный? Может, тебе что-то все-таки непонятно? Спрашивай, отвечу. Последняя просьба приговоренного — дело святое.

— За что ты убил Сармата?

— Сам же видел — он хотел убить меня. Ты меня тогда здорово выручил. Сармат дежурил в санчасти, когда я поменялся анализами с генералом, и сумел кое-что разнюхать. И про убийство Волкодава что-то узнал. Он попытался меня шантажировать, хотел заложить генералу.

— А ребят почему убил? Стаса и остальных?

— Когда я убил Бонзу и вы вломились в квартиру, я успел только спустить в окно тросик с ножом и закрылся в ванной. Я мог бы уйти незаметно, пока вы суетились, но Стас побежал блевать в ванную и наткнулся на меня. Я сделал вид, что тоже блюю, но он мне не очень поверил. Пришлось его убрать.

— А Мальвину? Ведь ее показания подтверждали виновность Антона. Она же призналась, что сама закрыла замок на его двери.

— Но она не успела сказать, что видела его закрытым. Пока она была в кух-

не, я снова открыл его. Эта дура могла догадаться, пришлось и ее валить до кучи.

— Знаешь, чего я боюсь сейчас больше всего? — спросил Крюков. — Что ты бросишь ствол и задерешь вверх грабли. Если я тебя тут не замочу, аппетит потеряю, потенцию утрачу. Дернись, как родного прощу. Ну пожалуйста.

— Смеешься? Думаешь, я не знаю, что у тебя патроны водой заряжены? — в голосе Мясника слышалось напряжение.

— Ошибаешься, один с пулей, — честно предупредил Крюков.

— Не свисти! Давай, стреляй, посмотрим, кто круче! — И Мясник вскинул тяжелый ствол «стечкина».

Крюков выстрелил немного раньше. Он попал противнику в ногу. Вероятно, чисто рефлекторно мишенью он выбрал фальшивое красное пятно на штанине Питера. Кровь ударила из раны ярким фонтаном. Пуля, способная оторвать конечность, разорвала бедренную артерию.

Мясник в ответ выпустил из своего «стечкина» целую очередь. Крюков упал под кресло, рядом растянулся Антон, прижимая к полу голову Марии. Сверху на них посыпались осколки аппаратуры. Неожиданно стрельба прекратилась. Крюков осторожно приподнял голову, затем рывком вскочил на ноги.

Мясник плавал под лестницей в огромной луже крови, которая уже не была фонтаном, а едва вытекала из раны на бедре. Лицо его было белым, словно над ним потрудились тетя Ася. Но он был еще жив.

Губы его дрогнули, изо рта вырвался полусшепот:

— Ненавижу! Всех вас ненавижу! — прошептал Мясник и умер.

Крюков заметил на его шее маленький золотой череп с крыльшками на цепочке.

— Никого не задел? Он ведь запросто мог убить тебя или Марию. — Крюков помог подняться Антону.

— Он сделал лучше — убил нас всех. — Антон указал на осколки центрального компьютера.

По железной лестнице снова загрохотали шаги. Крюков с досадой оглядел свой арсенал — все оружие осталось без боезапаса. Но тревога оказалась напрасной. Это были Мерфи и Ирина.

— Что у вас тут творится?

— С этого пульта уже ничем нельзя управлять, — развел руками Антон.

— Антошка, ты живой? Слава Богу! — Ирина опустилась на край стола.

Мария широко раскрыла глаза:

— Это не Антон. Вот этот парень называл себя Антоном, — она указала на мертвого Питера.

— А мы его почему-то Питером называли, — слегка озадаченно протянул Антон.

— Это шеф здешних наркоторговцев, — пояснил Мерфи. — Он убил вашего Иону.

— Интересно, как его звали на самом деле? — спросил Антон.

— При жизни его звали Мясником, — ответил Крюков. — И на этот раз диагноз окончательный.

В «рябухе» было тесно. С Крюковым ехали Ирина, Антон, Мария и Мерфи. Настроение у всех было подавленным. Над миром все еще висела угроза катастрофы.

— Семен встречает Новый год у себя в банке, — сообщил Крюков. — Может, завалим к нему? Помрем с музыкой и веселыми песнями. Это красиво.

— Жалко, что со Шнопаком побеседовать не успели, — вздохнул Крюков. — Он наверняка знал и код, и пароль.

— Перед смертью Шнопак успел сказать мне что-то, но я не понял, — вставил слово Мерфи.

— Что именно?

— «Апекс»! Он просил разбить «Апекс»! Что бы это значило?

— Понятия не имею. Рудакову он предлагал остановить механизм. Загадка для идиота — это же все равно, что остановить песочные часы. Как это сделать? Даже если их перевернуть, они все равно будут идти, пока не высыпется весь песок.

— На латыни «апекс» — верхушка, — сказала Мария.

— Верхушка чего? Пирамиды? — спросил Крюков.

— Эврика! — заорал Антон так, что у всех заложило уши. — Если «Юнител» состоит из двух пирамид, состыкованных вершинами, то место стыковки и есть этот самый «Апекс». Если его разрушить, то никакого «Армагеддона» не произойдет.

— Почему?

— Очень просто. Большая пирамида — это как бы бомба. Малая — управляемый взрыватель. Сигнал к взрыву уже дан, и мы не можем его отменить, но мы можем перехватить его в точке перехода из малой пирамиды в большую. Если ее заблокировать, взрыва не будет! Это все равно, что заткнуть шейку песочных часов. Подбросить в песок тяжелый камушек, который закупорит дырку.

— И такой камушек — вирус «Минутка»! Быстро к Ирине. У нее есть подключение к «Юнителу».

— Но как мы войдем в точку «Апекс»?

— У нас есть «золото» Бонзы. Его диск с записью игры «Армагеддон».

— Но мы же так и не узнали пароль и не сможем нейтрализовать вирус.

— А этого и не требуется, — кивнул Антон. — Всех делов-то — за пятьдесят секунд, которые остались на диске до срабатывания вируса, дойти до этого «Апекса». А дальше сам вирус сработает вместо взрывателя и разрушит весь сайт. Ищи друзей своих среди врагов своих. Если не можешь победить врага, сделай его своим союзником. Так, кажется?

— Точно, тогда вирус разрушит точку перехода между пирамидами, и сигнал из малой не пройдет в большую. Ракеты не взлетят, деньги останутся на своих местах, и все такое прочее. Армагеддон откладывается еще на тысячу лет! — подхватил идею Крюков. — Мы приехали, выгружаемся!

— Куда? — спросила Ирина.

— К тебе. Нам нужен выход в «Юнител».

Все оказалось на редкость буднично. В квартире Антон сразу бросился к компьютеру и загнал дискету в дисковод. Он работал мышью с быстротой и

четкостью хирурга. Остальные, затаив дыхание, столпились у него за спиной.

Осталось сорок пять секунд до срабатывания «Минутки»! Тридцать! Двадцать пять! Двадцать!

— Сейчас... Расслабьтесь, это совсем не больно... Есть! Мир спасен!

— А мой компьютер погиб! — всплеснула руками Ирина.

— Ерунда, — утешил ее племянник. — Железо я тебе бесплатно поменяю. Почти бесплатно. Есть у меня на примете пентюх в хорошем состоянии.

— Молодец. Хочешь, я тебя поцелую? Нет? Я так и подумал, — сказал Крюков.

— Отвали, ты небритый, и у тебя ноги волосатые. Пусть меня Мария поцелует! — предложил Антон. — А где салют, где поздравления?

Крюков посмотрел на часы:

— Зачем «Салют»? Шампанское купим! Кстати о деньгах, когда ты копался в этих сайтах, не заметил случайно, куда делся «штабной фонд» «Юнитела»? Теперь, конечно, им уже никто не сможет воспользоваться.

— Ну и хрен с ним, — беззаботно отмахнулся Антон. — Десяток миллионов долларов я успел перебросить в Германию, там у Марии счет открыт для ее центра помощи детям, инфицированным СПИДом.

— С чего такое внимание? Уж не собираешься ли ты на ней жениться?

— Как тебе сказать? Вообще-то она немного сумасшедшая. Боюсь, что с ее патологическим альтруизмом этих денег надолго не хватит.

— Какие проблемы? С твоими способностями тряхнешь пару кокаиновых банков. Или ты не успел скачать коды доступа?

Крюков посмотрел на часы:

— Блин! До Нового года осталось полчаса! Я сметаюсь за елкой и шампанским!

— Я с тобой! — вызвалась Ирина. — Один ты не успеешь, надо же чего-то к столу купить.

— Как всегда в последний момент, — вздохнул Антон и пояснил Марии: — Это у нас семейное, от прабабушки. Тогда и мы с вами!

— Все русские сумасшедшие, — подвел черту Мерфи. — Я тоже поеду. Иначе мне придется сидеть здесь и встречать Новый год одному. Поехали?

— Куда вы? — удивился Крюков. — Дело-то на пару минут — туда и обратно. Я за углом елочный базар видел. Там же и ночной магазин.

Но его не послушались. Все быстро оделись и спустились вниз.

Впятером они разместились в не успевшей остыть «рябухе», тронулись и завернули за угол. Вопреки утверждению Крюкова, ни елок, ни ночного магазина они не обнаружили.

— Ничего, — обнадежил компанию Крюков. — Мир спасли, а уж елку с шампанским найти — раз плюнуть!

— За двадцать минут до Нового года? — скептически прищурился Антон. — Ну-ну, поглядим.

— Ох уж эта молодежь! Ничему-то они не верят. Нигилисты прямо какие-то! — проворчал Крюков. — С машиной нам это — раз плюнуть.

— У тебя бензин на нуле, — заметила Ирина.

— Фигня, у меня полная канистра в багажнике, — успокоил всех Крюков.

— А ее не сперли? — продолжал сомневаться Антон.

— Слушай, после того как ты спас мир, с тобой стало просто невозможно об-

щаться. Ты свое дело сделал? Отдыхай, — урезонил его Крюков. — У меня в багажнике тоже сигнализация натяжного действия. Если бы кто залез, то весь район услышал бы. Не волнуйся, успеем в лучшем виде.

Лейтенант в патрульной машине ГИБДД, несший службу на перекрестке, заметил «рябуху».

— Вон, смотри как чешет, — указал он сержанту, дремавшему за рулем. — Пошли тормознем? С праздничком поздравим?

— Да это же Крюков со спецухи, — проворчал сержант. — Его тачку вся Москва знает, — он громко зевнул. — Вот раздолбай, даже на Новый год опоздал! Таким нужно родиться.

— Думаешь, не успеет? — с сомнением произнес лейтенант.

— Сто пудов. Мажемся на дичку баксов? Результат я у него потом узнаю.

— Давай тогда уж на полста, — протянул пятерню лейтенант.

«Рябуха» со свистом рассекала ночной воздух. Экипаж лихорадочно прощупывал взглядами пространство, с завистью отмечая сияющие огнями квартир жилые дома.

— Жалко, что никто так и не узнает, что мы спасли мир, — грустно произнес Антон.

— Но кое-кто все-таки знает, — обнадежила его Мария. — Например, я.

— Спасибо. — В голосе Антона зазвучали непривычно сентиментальные нотки.

— А ты напиши мемуары, — предложил Крюков.

— На фига? Все равно не поверят, — махнул рукой Антон. — Стой! — заорал он. — Вон справа по борту елки!

— А слева магазин. И, по-моему, он работает, — добавил Мерфи.

Крюков загнал «рябуху» прямо на развалины елочного базара. Хозяева сняли и увезли забор и прочие служебные атрибуты. Непроданные елки никто вывозить не собирался. Они лежали неразобранной кучей.

От жадности Крюков напихал елками полный багажник. Антон помогал ему их заталкивать. Тем временем вернулись Ирина и Мерфи с пакетами и бутылками.

— Грузимся, у нас семь минут! — предупредил Крюков.

— Успеет? — на сей раз усомнилась Мария.

— А может, все-таки двинем к Семену?

— Стыдись, малодушная! Тут через пустырь напрямик — три минуты.

Крюков дал газу, и «рябуха» рванула с места.

— В детстве и ранней молодости я сразу после боя курантов мчался к окну и высматривал раздолбаев, которых Новый год застиг посреди улицы. Иногда таковых не наблюдалось, а иногда случалось сразу по несколько человек...

Мотор заглох через полторы минуты, как раз посреди пустыря. Крюков выскочил из машины и принялся выкидывать елки из багажника. Остальные тоже не усидели и отправились ему помогать.

Когда багажник опустел, Крюков озадаченно почесал в затылке.

— И где же твоя канистра? — осторожно озвучила Ирина мучивший всех вопрос.

Крюков обреченно ощупывал запаску, словно канистра могла завалиться под нее. Кроме запаски, в багажнике ничего не было.

— А это что?

Мерфи нагнулся и отлепил от диска запасного колеса приклеенную скотчем бумажку.

— Баксы!

— Сто долларов!

— Что?

Крюков выхватил бумажку у него из рук и развернул. В тусклом свете лампочки на сгибе внутри мелкими буквами можно было разобрать слово «Взятка».

— ****ашка, сукин сын! Спер канистру!

Крюкова обступили и стали тормозить.

— Ладно, кончай нервничать! Праздник ведь!

— Первый раз встречаю Новый год на улице, — радостно сообщила Ирина.

— Действительно, в этом что-то есть, — уныло поддержал ее племянник. Он натывал елки прямо в снег. — Жалко, игрушек нет.

Крюков включил радио. Мария лихорадочно чистила мандарины, предусмотрительный Мерфи доставал из пакета пластмассовые стаканы.

— Ура! — сказала радио. — Поздравляем вас с Новым годом, дорогие россияне!

— А меня? — спросил Мерфи.

— А ты чем лучше? И тебя тоже. — Крюков бабахнул шампанским, которое еще не успело как следует остыть. — С Новым годом! С новым счастьем!

— Ура! — зашумели все. — С Новым, двухтысячным!

— Как Новый год встретишь, так его и проведешь!

— Как новый век встретишь, так его и проведешь!

— Как новое тысячелетие встретишь...

— Ну что же, получается, что я теперь, всю тысячу лет, буду бешено счастливым!

— Не суетитесь, новый век только через год наступит, — возразила Ирина.

— Раздай мандарины, поручик Мерфи, — распорядился Крюков.

— Между прочим, меня зовут Роберт, — обратился к собравшимся Мерфи. — Можно просто Боб.

— Он и на Бобика откликается, — ввернул обиженный на весь свет, то есть на себя самого, Крюков.

— А вас как зовут? — спросила его Мария. — А то неудобно по фамилии.

— Меня зовут Крюков, — сказал Крюков.

— Нет, имя, — настаивала Мария.

— У него замечательное имя, но он его почему-то считает неприличным, — пояснила Ирина.

— Какое же? Акакий? Хераск? Фаллопий?

— Может Говней, Перебздей или Мудей какой-нибудь? — предположил Антон. — А что? Нормальные русские имена.

— Не угадали. У меня не русское имя, — сдался Крюков. — Когда меня привезли из роддома, отца срочно откомандировали в Восточную Германию, а мама заболела. В то время у нас проездом гостила папина старшая сестра. Она была инженером на каком-то ударном строительстве и приехала в Москву получать орден за перевыполнение очередной пятилетки. Она меня и оформила в духе тогдашних идей. Родители потом чуть в обморок не упали. Но было поздно. С тех пор она к нам больше не приезжала, не звонит и не пишет.

— И как же она вас окрестила? Или озвездила? — поинтересовалась Мария. — Кто вы? Индустрий? Энергий? Днепрострой?

— Или Ленин-В-Ссылке? — предположил Антон.

— На букву «П». Угадайте с трех раз, — подсказала Ирина.

— Прораб?

— Паровоз?

— Политбюро?

— Прогресс! — продемонстрировал знание русского языка Мерфи.

— Полет-На-Луну! — снова блеснул интеллектом Антон. — Или Привет-Участникам-Двадцатого-Съезда-КПСС?

— Один идиот недавно сына Пушкиным назвал. Представляете? Пушкин Иванов! Или Пушкин Лермонтов! Хуже уже некуда.

— У меня хуже, — печально сообщил Крюков. — Меня зовут Пявчет.

— Как???!

— Пявчет. Сокращенно от «Пятилетку в четыре года».

Все замолчали, придавленные страшной тайной этого сильного человека. Сумеет ли он и дальше пронести ее сквозь жизнь и не сломаться?

Где-то вдалеке в небо взмывали китайские петарды, с грохотом рвались хлопушки. Городские и федеральные власти почему-то не сочли наступление 2000-го года датой, достойной официального салюта, как, например, День банно-прачечных войск или столетие изобретения революционером Кибальчишем вечного двигателя. Поэтому ночное новогоднее небо в основном оставалось загадочно-темным.

Тихо падал снег. Пахло елкой и мандаринами, и дешевое шампанское казалось сказочно прекрасным.